

НУБИЙЦЫ

Могущественная цивилизация
древней Африки

УДК 820(73)
ББК 84(4Вел)
Ш62

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Шинни Питер
Ш62 Нубийцы. Могущественная цивилизация древней Африки / Пер. с англ. В.Д. Кайдалова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 205 с. — (Загадки древних цивилизаций).

ISBN 5-9524-1311-0

Автор книги, знаменитый археолог, познакомит вас с обычаями и традициями древней страны, которая у различных народов и в разные времена именовалась как Нубия, Та-Сети, Куш, Напата и, наконец, — Мероэ. Могущественное африканское государство процветало с VI века до н.э. по III век н.э. Его влияние распространялось на сотни километров вдоль Нила. Вы узнаете о «трапезе солнца», об археологических экспедициях, которые открыли миру керамику, ювелирные изделия, множество металлических изделий тонкой работы, гробницы и культовые сооружения.

УДК 820(73)
ББК 84(4Вел)

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5-9524-1311-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые интерес к Мероэ у меня проявился во время поездки в Судан в 1947 г., когда меня взял туда с собой мой друг А.Дж. Аркелл, бывший в то время моим руководителем. Тогда, как, впрочем, и до совсем недавнего времени, мало кто слышал об этом месте и еще меньше людей испытывали к нему какой-либо интерес. Ныне же это название все чаще упоминается среди большого числа ученых, работающих над историей Африки и занимающихся проблемами мероистики.

Поскольку о самом Мероэ мало известно, то моя книга призвана дать читателю обзор современного состояния знаний об этой стране, и, хотя она писалась слишком долго, но в этом имелось и нечто положительное: за последние пять-шесть лет значительно прибавились наши знания и углубилось понимание мероитской истории и культуры.

Книга не может претендовать на исчерпывающую полноту — ограниченность объема не позволила подробно изложить и охарактеризовать имеющийся в моем распоряжении исторический материал. Но я постарался дать общий обзор того, что мы на сегодняшний момент знаем об этой малоизученной части Африки в критический момент ее истории.

П. Ш.

Глава I

ОТКРЫТИЕ МЕРОЭ

Цивилизация древнего государства Мероэ долгое время оставалась мало кому знакомой из тех, кто интересовался историей античного мира. Хотя она и процветала в период с VI в. до н. э. до начала IV в. н. э. в южном Египте и на территории современного Судана, но оказалась, в сущности, забытой и неизученной вплоть до наших дней.

Сравнительно незначительный интерес к этому региону объясняется частично его географической удаленностью, которая привела к тому, что вплоть до совсем недавнего времени редко кто из ученых посвящал себя изучению этого периода времени и этого региона (рис. 1); сыграл и свою роль ошибочный взгляд, согласно которому Мероэ было всего лишь периферийной и варварской копией Египта фараонов, которая не внесла никакого вклада в общемировую культуру и не имела какого-либо значения для развития всемирной цивилизации (рис. 2). Настоящая книга призвана показать, что в свое время Мероэ было мощным государством, много сделавшим для развития материальной и духовной культуры африканского континента.

В античном мире Мероэ было хорошо известно. Первым писателем античности, упомянувшим Мероэ, был Геродот, хотя и более ранним авторам было известно в общих чертах об эфиопах, людях с «сожженными лицами», что весьма близко перекликается с арабским названием — Судан (от *Beled es Sudan*, «страна черных»), которое и стало названием страны в наше время. Геродот,

ОТКРЫТИЕ МЕРОЭ

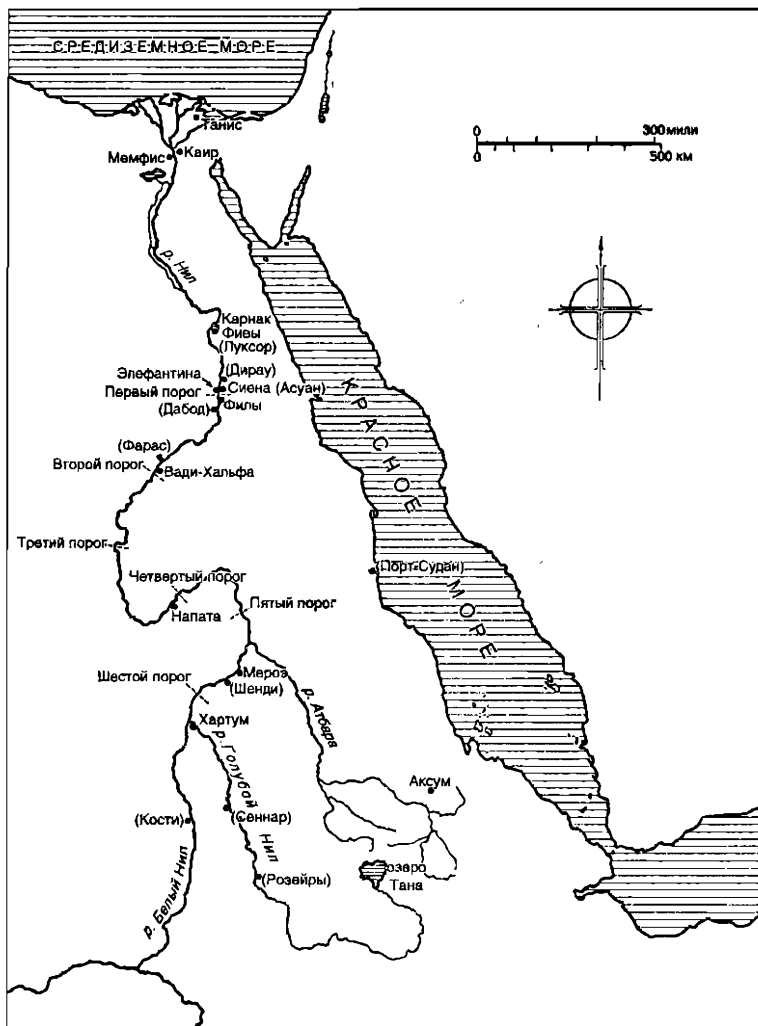

Рис. 1. Долина Нила

чье описание известного к тому времени мира было опубликовано около 430 г. до н. э., один том целиком посвятил долине Нила. Он побывал в Египте и в ходе своего путешествия проник на юг, вплоть до города Элефантины, современного Асуана, который он описал как пограничный город между Египтом и Эфиопией и под которым он понимал Мероитское государство.

Это был самый южный пункт путешествия Геродота, но он, разумеется, встречал мероитов в Асуане, и можно не сомневаться в том, что большая часть приводимой им информации была получена от них. Его географическое описание далеко не полное, но в принципе достаточно точное. Он прослеживает изгибы течения Нила и хорошо информирован о Четвертом пороге, где, как он сообщает, необходимо высаживаться на берег и сорок дней идти посуху, так как подводные скалы делают продвижение по воде невозможным. Столь долгий срок путешествия вдоль непроходимого на лодке, участка течения реки представляется слишком продолжительным, но это некоторое преувеличение может быть объяснено стремлением мероитов отпугнуть иностранцев от проникновения в их страну. Затем, после двенадцати дней движения на лодке, путешественники попадали в Мероэ, которое аборигены называли столицей «других эфиопов».

После продвижения вверх по течению реки той же продолжительности, какая требуется на путешествие от Элефантины до Мероэ, человек попадал в «страну дезертиров», так называемых «асмах». Это были египтяне, дезертировавшие из армии фараона Псамметиха II¹

¹ П с а м м е т и х — имя трех фараонов XXVI египетской династии. Псамметих II — сын Нехо (594—589). Подобно своим предшественникам, заботившимся о восстановлении египетской гегемонии на севере, ходил на юг в Эфиопию и, по Геродоту, умер в этом походе. Участвовавшие в походе греческие и финикийские наемники оставили свои надписи (имена) на ногах колоссов в Абу-Симбеле. И от его строительной деятельности сохранились следы в храмах, особенно на юге. Обломки статуй Псамметиха находятся в разных европейских музеях, равно как и памятники его современников и сподвижников.

ОТКРЫТИЕ МЕРОЭ

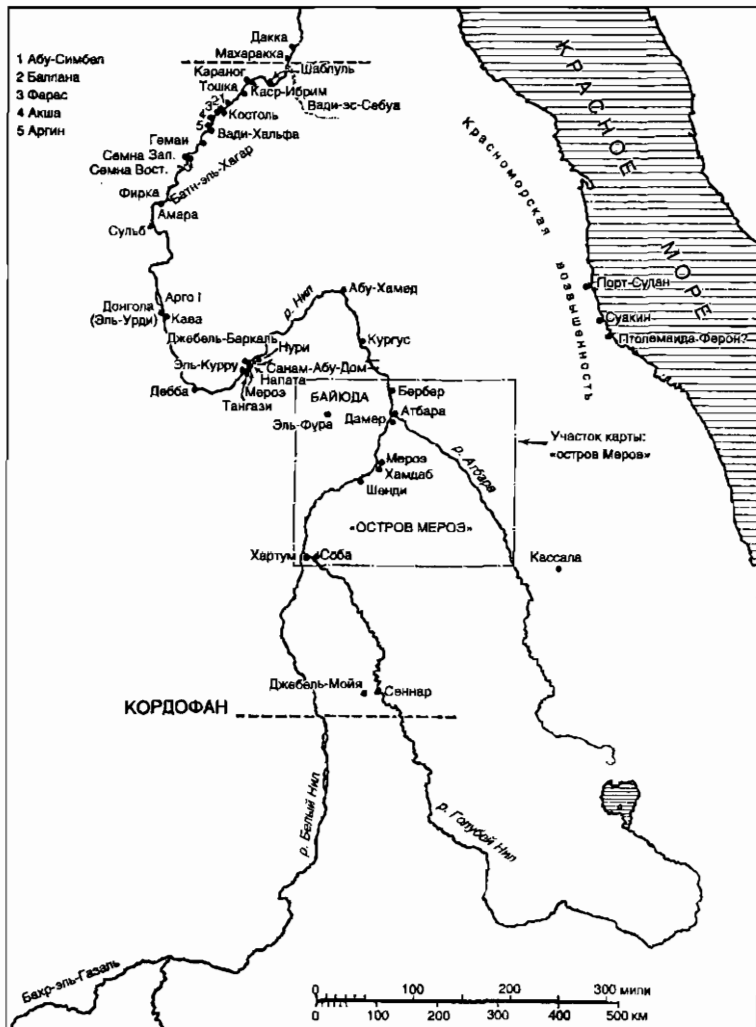

Рис. 2. Мероитское царство

Рис. 3. Сцена из сельской жизни, выгравированная на бронзовой чаше из Караного

во время его кампании в Судане в 591 г. до н. э. Этнографами было сделано много предположений о местонахождении района, населенного этими дезертирами, одна из самых последних гипотез гласит, что они поднялись вверх по течению Белого Нила и обосновались в южном Кордофане, неподалеку от Бар-эль-Газала.

В третьем томе Геродот повествует о деятельности персидского царя Камбиза¹, который отправил своих соглядатаев узнать, имеет ли место «трапеза Солнца» в стране Эфиопии. Если такие соглядатаи и в самом деле были посланы, то, вероятнее всего, для разведки местности перед будущей военной экспедицией. Геродот сообщает, что эта «трапеза» происходила на лугу, за окраиной города Мероэ, куда городские служащие каждую ночь выносили вареное мясо. В течение дня каждый желающий мог его есть. Рассказ этот, по всей вероятности, соответствует действительности, поскольку известно, что обожествление Солнца было одним из культов, существовавших в Мероэ, и Гэрстенг² во время своих раскопок открыл храм неподалеку от города, что вполне соответствует местоположению «за окраиной», в котором, как он считает, и отправлялся культ Солнца.

¹ Камбиз — второй царь Древней Персии (529—522), сын Кира. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Гэрстенг Джон (1876—1956) — английский археолог, известный своими раскопками и трудами по античной истории. С 1909-го по 1914 г. руководил раскопками в Судане, в 1911 г. опубликовал книгу «Мероэ: город эфиопов».

Остальная же информация, которую сообщает нам Геродот, носит несколько мифологический характер. Он рассказывает о том, как соглядатаи Камбиза предстали перед эфиопским царем с различными подношениями — пурпурной мантией, золотым ожерельем, амфорой вина и прочими дарами, но не смогли ввести царя Мероэ в заблуждение. Он поведал им, сколь могущественна его страна, и передал соглядатаям лук, который, как он сказал, персидский царь может попытаться натянуть, хотя он и сомневается, что это тому удастся сделать. Еще он рассказал посланцам Камбиза о долгой жизни людей в его царстве, которые живут до 120 лет, питаются вареным мясом и молоком. Им были показаны церемония «трапезы Солнца» и другие чудеса, после чего посланцы вернулись к своему персидскому владыке. По их возвращении Камбиз со своей армией выступил в поход против Эфиопии, но нашел эту страну такой суровой, что повернул обратно, даже не достигнув ее столицы.

В дальнейшем о Мероэ нет никаких упоминаний на протяжении почти 400 лет, вплоть до Диодора Сицилийского¹, который описывает течение Нила и сообщает,

¹ Диодор Сицилийский — греческий историк, современник Юлия Цезаря и Августа. Родился на Сицилии; ради своего исторического труда объехал большую часть Европы и Азии, затем поселился в Риме, где занялся обработкой материала; так возникла, после 30 лет труда (не ранее 21 г. до н. э.), его история всех стран и народов. В 40 книгах она охватывала 1100 лет — от мифической эпохи до завоевания Галлии Цезарем. До нас дошли первые пять книг,

что его истоки находятся в Эфиопии и что он проходит через ряд каменистых порогов. На Ниле имеется несколько островов, в том числе один, известный как Мероэ. Диодор как курьез отмечает, что город с тем же названием был обнаружен Камбизом. В описании Мероэ как острова нет противоречия: этот район с трех сторон окружен водами реки, поэтому он часто упоминается как «остров Мероэ».

Весь третий том его книги целиком посвящен Эфиопии — так классические авторы называли территорию современного Судана. Для нас интерес представляет описание ритуального убийства царя Мероэ жрецами. Диодор сообщает, что этот обычай подошел к концу в период правления царя Эргамена, современника Птолемея II Египетского; Эргамен, который, по его словам, был приобщен к греческой культуре и не чуждался философии, привел свои войска к храму и перебил жрецов. Можно предположить, что Эргамен получил образование у греков в Египте, но прямых свидетельств этого в тексте нет.

Другим греческим писателем, который сообщает нам важные сведения об этом регионе, является Страбон¹.

где изложена история египтян, эфиопов, ассирийцев и древнейшая греков; затем XI—XX книги, где описаны войны с персами в 480—301 гг. до н. э. Фотий приводит выписки из книги XXXI и след., относящихся к эпохе гражданских войн, до возвращения Помпея из Азии. По данным самого Диодора можно с большой вероятностью проследить его источники: для Азии он, кажется, пользовался Ктезием, для Египта — Гекатеєм, для Индии — Мегасфеном, для Греции — Эфором, для Александра Великого — Клитархом, Каллисфеном и Дурисом, для Сицилии — Тимеем, для ранней римской истории, может быть, Фабием Пиктором, для Первой Пунической войны — Филином, позднее Полибием, Посидонием. В литературе была высказана гипотеза, что сочинения Диодора дошли до нас не в подлиннике, а в переработке.

¹ С т р а б о н — знаменитый греческий географ времен Августа и первых годов правления Тиберия, родом из Амасии, резиденции понтийских царей, происходит из богатого и знатного дома, жил около 80 лет. «География» Страбона, дошедшая до нас почти целиком, — единственное сочинение, дающее нам понятие о том, чем была географическая наука в то время, а равно знакомящее нас и с предшествующей историей науки, и с различными в ней направлениями.

В его труде «География», написанном около 7 г. до н. э., собрана информация о Египте и Эфиопии с 25-го по 19 г. до н. э., то есть в период его жизни в Египте. Он сообщает нам, что проделал путешествие на юг до Фил, следующего города за Сиеной (Асуаном), вместе со своим другом, римским губернатором.

Основное внимание Страбон уделяет географическому описанию местности, во многих отношениях весьма точному. Как и Диодор, он называет Мероэ островом и сообщает, что эта местность расположена выше (то есть выше по течению) того пункта, где Астабора (река Атбара) впадает в Нил. Он также упоминает о месте слияния Нила и Астасобаса, что означает слияние нынешнего Голубого и Белого Нила в районе Хартума, почти в 120 милях далее к югу.

Страбон сообщает целый ряд интересных подробностей, хотя и не совсем верно. Так, он говорит, что в Мероэ не бывает дождей, однако в действительности некоторое количество осадков выпадает почти каждый год, хотя несколько севернее дожди весьма редки. Он приводит много отдельных штрихов из быта местного населения, сообщая, что основой их жизни является просо, из которого они делают также и питье. Это имеет место до сих пор — напиток этот представляет собой род местного пива, который в современном арабском языке Судана носит название *marisa*. Большую часть местных жителей, читаем мы у Страбона, составляют бедные кочевники, передвигающиеся с места на место со своими стадами, — это и ныне справедливо в отношении многих жителей Батана (современное название «острова Мероэ»). Он сообщает также, что в этих местах нет фруктовых деревьев, за исключением финиковых пальм, и много других весьма верных наблюдений. Упоминает Страбон также и дезертиров, говоря, что они живут в месте, называемом Тенессис, которое не поддается идентификации. Он также считает Камбиза значительным лицом для Мероэ, поскольку именно он дал горо-

ду это название. Самой важной информацией о Мероз, которую мы получаем у Страбона, является его сообщение о войне между Мероз и римлянами в период пребывания Гая Петрония в должности римского префекта Египта (с 25-го по 21 г. до н. э.). Подробности этой войны будут приведены ниже, а пока заметим, что в описании хода этой кампании Страбон сообщает, что во главе мероитской армии стоял генерал Кандак, о котором мы знаем из других античных источников. В течение долгого времени слово «Кандак» понималось как имя собственное. Ныне же, по изучении мероитских источников, мы узнаем, что это было не имя, а скорее звание или титул, значение которого не вполне ясно, скорее всего, это нечто вроде «государя». В мероитских надписях оно встречается в нескольких местах, из которых важнее всего наскальная надпись из Кавы — в ней имя Аманиренас следует за титулом «кандак». Вероятно, она была царицей, правившей во время римского вторжения. Древнегреческий писатель Дио Кассий вкратце упоминает эту кампанию и также говорит о предводителе мероитов «кандаке».

Плиний в своей «Естественной истории» (VI.35) также упоминает о Мероз и сообщает о кампании Петрония, дает ряд географических описаний и перечень городов этой страны, большинство из которых остаются не отождествленными и которые еще во времена Плиния уже не существовали. Источником этих сведений, по его словам, было донесение отряда преторианской гвардии, который был отправлен в Эфиопию императором Нероном в 61 г. н. э.

История этой экспедиции представляет интерес. Численность отряда нам неизвестна, но командовал им трибун, так что вряд ли отряд был небольшим. Плиний сообщает о пути следования в Мероз и приводит слова участников экспедиции о том, что вокруг собственно Мероз растет более яркая зелень, ближе к горизонту можно различить нечто вроде лесов, а на земле замет-

ны следы носорогов и слонов. Более яркая зелень, действительно, появляется там, где и в самом деле начинается область с более обильными осадками, а Мероэ расположено в границах этой области. В наши дни лесов там уже больше не существует, но растет много деревьев, и можно не сомневаться, что до того, как деятельность человека опустошила окрестности города, весь этот регион был гораздо более лесистым. Слонов и носорогов также больше не наблюдается, но нет причин, по которым они не могли существовать здесь в былые времена. Изображения слонов в мероитском искусстве весьма часты, поэтому нет сомнений в том, что для жителей этой территории они представляли собой весьма знакомое зрелище. Плиний также утверждает, что город Мероэ расположен в семидесяти милях от того места, где они пересекли границу «острова» (предположительно от форсирования отрядом реки Атбара), и эта оценка близка к истине. В самом городе, повествует он, возвышается храм Амона¹, а страной правит царица, которую он называет «кэндас». Это имя, говорит Плиний, передается от царицы к царице, и этим он гораздо больше приближается к истине, чем другие писатели.

Постоянство традиции, согласно которой правителем Мероэ была всегда царица, довольно любопытно. О ней говорится также и в единственном упоминании о Мероэ в Новом Завете, где в книге Деяний святых апостолов (VIII: 26—39) рассказывается о том, как Филиппом был окрещен «муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской». Это является еще одним свидетельством того, как широко была распространена осведомлен-

¹ А м о н — бог в древнеегипетской религии. В основе древнейшего образа Амона лежало почитание воздушной стихии. Амон считался богом — покровителем Фив. Культ Амона приобрел особое значение с возвышением этого города и превращением его в столицу Египта. Отождествленный сначала с богом плодородия Мином, а позднее с богом солнца Ра (Амон-Ра), Амон был поставлен во главе общеегипетского официального пантеона, его жречество пользовалось огромным политическим влиянием.

ность о Мероэ в первые века нашей эры. Мы знаем, что в Римской империи правителем обычно был мужчина, хотя и женщина играла весьма значительную роль в обществе и часто изображалась на стенах храмах и погребальных надгробиях. Свидетельство же о том, что Мероэ правила царица, должно отражать ту значительную роль, которая принадлежала женщинам в мероитском обществе.

Еще одно сообщение об экспедиции в Судан мы находим у Сенеки, который пишет со слов двух центурионов, что они совершили экспедицию по приказу императора Нерона, которая должна была найти истоки Нила. Они утверждали, что с помощью царя (на этот раз не царицы) они отправились в самое сердце Африки и добрались до обширных болот, причем река была так покрыта растительностью, что по ней могла пройти лишь лодка с одним человеком. Похоже, что это является первым известным нам свидетельством о местечке Судд на юге Судана, где заросли на реке становились главным препятствием для всех позднейших исследователей. В сообщении говорится также, что эти люди видели две скалы, из которых изливался поток — исток Нила, но, несмотря на все попытки, это место так и не удалось идентифицировать.

В свое время было общепризнанным мнение, что эти два сообщения относятся к одной и той же экспедиции и что вариант Сенеки более точен, поскольку, по его словам, он слышал приводимые им сведения из уст самих ее участников. В современных же публикациях, однако, существует предположение, что это описания двух самостоятельных экспедиций с различными участниками. Плиний сообщает об отряде преторианцев под командованием трибуна, тогда как у Сенеки речь идет только о двух центурионах. Задачи экспедиций представляются различными: у Плиния речь идет о военной рекогносцировке местности, а у Сенеки об исследованиях истоков Нила. Сенека пишет о том, как, после появления в Мероэ, участники экспедиции получили помощь царя для дальнейшего следования к югу, в то вре-

мя как трибун Плиния утверждает, что во главе страны находилась царица.

Хотя и другие античные авторы пишут о Мероэ, они ничего не прибавляют к нашим познаниям об этой стране, либо вскользь упоминая о ней, либо приводя сведения совершенно мифического характера. Но и эти разбросанные упоминания свидетельствуют о том, что мероитское государство было хорошо известно в Римской империи и сохраняло немалое значение по крайней мере до конца II в. н. э. Ювенал упоминает о нем дважды; в первый раз говоря о том, что женщины Мероэ имеют большие груди (что было реалией мероитской жизни, ясно представленной на храмовых барельефах), и в другом месте, сообщая о том, что некоторые суеверные женщины отправлялись в Мероэ за священной водой, которой они кропили храм Исиды в Риме.

Мероэ упоминается также и в отдельных литературных произведениях, из которых самым известным является «Эфиопика» Гелиодора¹. Эта повесть, написанная в III в. н. э., свидетельствует о том, что ее автор знал о Мероэ, поскольку он сделал главной героиней повести дочь царя. Описания местной жизни, приведенные в ней, ничего нового не добавляют к нашим знаниям о Мероэ, но автор сообщает, что мероиты внешностью отличаются от египтян и персов, а его описание осады Сиены² донесло до нас память о нападении мероитов на этот город. Он также слышал нечто о военной тактике мероитов и описывает использование легковооруженных троглодитов в качестве лучников.

Этим ограничиваются наши знания о Мероэ из авторов античности, но для нас важно их свидетельство о

¹ Г е л и о д о р (годы рождения и смерти неизвестны) — греческий писатель III в. н. э. Автор романа «Эфиопская повесть» («Эфиопика»), повествующего о любви и приключениях эфиопской царевны Хариклии и фессалийского юноши Феагена. В Европе роман Гелиодора известен с 1534 г.; он послужил образцом для галантно-авантюрных романов XVII—XVIII вв.

² С и с н а — античное греческое название Асуана.

том, что, несмотря на географическую отдаленность Мероэ от основных центров цивилизации античного мира, о нем знали в древности и поддерживали связи между Средиземноморьем и Верхним Нилом. Мы находим сведения о посольствах мероитов в Рим в наскальных надписях из Додекэшоноса¹, а также в сообщениях Страбона о миссии к Августу на Самосе², направленной мероитами после поражения, нанесенного им Петронием. Путешественники из Средиземноморья в Мероэ не оставили об этом никаких сведений, кроме приведенных Сенекой, и никаких следов их поездок обнаружить не удалось, хотя наличие предметов из Средиземноморья в мероитских погребениях свидетельствует о том, что торговля между этими регионами существовала. Двумя исключениями из этого ряда являются барабан колонны из Мероэ, находящийся ныне в Ливерпуле, надпись на котором, до сих пор не опубликованная, представляет собой греческий алфавит и свидетельствует о попытках приобщить мероитских детей к элементам греческой культуры; сюда же относится и приводимая в литературе (рис. 4) надпись из Муссаварат-эс-Софры:

BONA FORTUNA DOMINAE
 REGINAE IN MULTOS AN
 NOS FELICITER VENIT
 E URBE MENSE APR
 DIE XV VIDI TACITUS

Текст в публикациях приводится обычно в таком виде, но многочисленные попытки перевода приносят мало ясности.

После этих более или менее известных сведений о Мероэ наступает полоса забвения. Никаких дополни-

¹ Д о д е к э ш о н а с — местность, расположенная к югу от Первого порога Нила.

² С а м о с — остров в восточной части Эгейского моря (ныне территория Греции).

HONORATA LUMINA
 REGINA IN XVLTOS AN
 NOS FELICITER VENIT
 EVA BE ME NSE AIA
 DIE XV
 TVS

Рис. 4.

Латинская надпись из
 Мусаварат-эс-Софры

тельных знаний о стране не удастся добыть до тех пор, пока в этом регионе уже в сравнительно близкие к нам времена не появляются европейские путешественники и археологи. Общее забвение Африки, которое существовало в науке вплоть до значительных работ по ее изучению, предпринятых в конце XVIII и в XIX в., коснулось и древнего Мероэ, и даже местоположение его столицы было забыто, пока Джеймс Брюс¹ (1730—1794) не пред-

¹ Брюс Джеймс (Bruce) — английский путешественник, родился в 1730 г. в Киннарде, в Шотландии; был назначен в 1762 г. английским консулом в Алжир, где ревностно занялся изучением восточных языков. После неоднократных путешествий, предпринятых им во внутреннюю Африку и по берегам Средиземного моря, он в 1767 г. отправился, в сопровождении искусного рисовальщика, в Азию, посетил Бельбек и Пальмиру и снял рисунки с важнейших памятников древности, подаренные им Королевской библиотеке в Кью. Весной 1768 г. он прибыл в Каир и к концу года поднялся вверх по течению Нила до Сиены, затем совершил с караваном путешествие до Коффера (на Красном море), откуда переправился в Джидду. Из этого города он предпринял плавание вдоль берега и в 1769 г. возвратился в Массову, на африканском берегу Красного моря. Несмотря на разные затруднения и опасности, ему удалось наконец проникнуть до Гондара, где в то время господствовала эпидемия оспы и где применением европейских способов лечения этой болезни он приобрел большое уважение как при дворе, так и в народе. Он пробыл в Абиссинии три года, посетил источники восточного рукава Нила и продолжал свое путешествие через Нубию в Александрию, куда прибыл в мае 1773 г. После 11 лет, проведенных вдали от родины, он возвратился в Шотландию, где написал свои «Travels into Abyssinia» («Путешествия в Абиссинию»). Умер в 1794 г.

принял путешествия в эти места в 1722 г. (ошибка в тексте, он не мог путешествовать за восемь лет до своего рождения. Энциклопедия «Британника» дает период его путешествия в эти места 1770—1772 гг. — *Примеч. пер.*).

Брюс возвращался после своего двухгодичного пребывания в Абиссинии¹ и поднялся от Сеннара² вверх по Голубому Нилу, где он некоторое время пробыл при дворе короля Фанджа³. Его маршрут проходил по Голубому Нилу, а затем вниз по течению реки, ниже того места, где он сливается с Белым Нилом и где ныне располагается город Хартум. В ходе своего путешествия к северу от этого места по восточному берегу реки он миновал селение Бегаравийя и развалины Мероэ, где он увидел «груды разрушенных пьедесталов и обломков памятников» и записал в своем дневнике: «Невозможно отделаться от мысли, что это и есть город Мероэ античности». Довольно странно, что ему не удалось заметить пирамид, хотя они ясно видны на возвышенности, проходящей несколько дальше к востоку. Его предположение о том, что руины, виденные им, принадлежат древнему Мероэ, основывалось на его знании античных авторов, но предположению суждено было дожидаться подтверждения более ста лет.

В апреле 1814 г. Буркхардт⁴ также миновал это место, двигаясь от Дамера к Шенди, но не понял значимо-

¹ Современное название страны — Эфиопия, но с целью избежания недоразумений с Эфиопией античных времен, под которой обычно понимается современный Судан, в этой книге используется это название.

² С е н н а р — город в Судане, на левом берегу реки Голубой Нил, в провинции Голубой Нил. Около 8 тысяч жителей. Узел железных дорог. Торговый центр хлопководческого района. Близ Судана — Макварское водохранилище, ГЭС, Сеннарская плотина (на реке Голубой Нил).

³ Ф а н д ж — династия царей, правившая в Судане с XVI по XIX в.

⁴ Б у р к х а р д т Иоганн-Людвиг (Burckhardt) — знаменитый путешественник по Востоку; родился в Лозанне в 1784 г.; получил высшее образование в Лейпциге и Геттингене; в 1806 г. уехал в Лондон, снабженный рекомендацией Блюменбаха к представителям Африкан-

сти его руин, объясняя это тем, что не имел возможности для более подробного исследования. Он записал в своем дневнике:

«...Мы миновали холмы, состоявшие из мусора и красных обожженных кирпичей; они были примерно восьмидесяти шагов в длину и тянулись вдоль полосок вспаханной земли на протяжении по крайней мере одной мили, поворачивая затем к югу и пропадая там из виду. Кирпичи были очень грубой работы, куда более грубой, чем сейчас их делают в Египте. Холмы эти напоминали внешне остатки стены, хотя от них осталось очень мало того, на основании чего можно было сделать такое заключение. Справа и слева от нас мы видели фундаменты зданий, среднего размера, сложенные из тесаного камня. Они были единственными остатками античности, которые я смог открыть; не смог я и рассмотреть камней, разбросанных там и сям среди куч мусора, насколько хватало взгляда. Более тщательное изучение

ского общества. Общество как раз к этому времени решило снарядить экспедицию для исследования внутренней Африки, пользуясь путем, по которому уже раз проследовал Горнеманн (из Египта через Феццан к Нигеру), и предложило начальство над ней Буркхардту. Подготовившись к этому предварительными занятиями по астрономии и арабскому языку в Кембридже, Буркхардт в 1809 г., под именем Ибрагима Ибн-Абдаллах эль-Шами, магометанского купца, отбыл в Сирию, для изучения в Алеппо разговорного языка и арабских нравов. Посетив Пальмиру, Дамаск, Ливан и другие местности Сирии, Буркхардт отправился через пустыню Эт-Тих и Каменистую Аравию в Каир, совершил отсюда два путешествия, одно вверх по Нилу до границ Донголы, а другое, в 1814 г., в Нубию и Суаким при Красном море, посетив при этом также Джидду и Мекку. Из Мекки Буркхардт отправился было к горе Арафат, но болезнь продержала его в Медине до апреля 1815 г., после чего он вернулся в Каир. Отсюда, в ожидании удобного случая для путешествия на запад, Буркхардт посетил еще в 1816 г. Синайский полуостров. Когда же наконец в 1817 г. организовался караван для следования в Феццан, Буркхардт внезапно заболел и умер; так как он считался магометанином, то был погребен на каирском кладбище. Все свои арабские рукописи, в числе 350 томов, Буркхардт завещал кембриджской библиотеке, а еще раньше послал в Англию колоссальную голову Мемнона из Фив, приняв на себя половину издержек.

Описание его путешествий по Нубии появилось в Лондоне в 1819 г., по Сирии и Палестине — в 1822 г., по Аравии — в 1829 г.

и привело бы, быть может, к интересным открытиям, но, поскольку я двигался вместе с караваном и вез с ним удивительные вещи из Тебе¹, у меня не было никакой возможности исследовать их».

Следующими посетителями этих мест, оставившими сведения о них, были те, что пришел в Судан в составе турецко-египетской армии, направленной сюда вице-королем Египта Мохаммедом Али, под командованием своего сына Исмаила, в 1820 г. В составе этой экспедиции было несколько европейцев, среди них два француза, которые интересовались, в частности, античными древностями и оставили важные сведения о местностях, которые они видели. Из этих двух больше известен Калью, опубликовавший записки о своем путешествии в 1826 г.

В отличие от Брюса, Калью интересовался архитектурой и появился в этих местах с целью подробного исследования такого рода памятников. В 1821 г. он посетил Мероэ, где изучил и описал пирамиды, а также место, на котором расположен сам город. Затем он проследовал далее к югу, добравшись до Сеннара. На обратном пути в марте и апреле 1822 г. он направился к юго-востоку от Шенди, чтобы побывать в Наге и Мусавврат-эс-Софре. В каждом из этих мест он провел по нескольку дней и со своей обычной тщательностью снял их планы и сделал рисунки. Публикация его работы в 1826 г. привлекла внимание ученого мира к этим ранее неизвестным памятникам.

Линан де Беллефон, несколько опередивший Калью, значительно менее известен. Его дневник был опубликован сравнительно недавно², тогда как большинство из его прекрасно выполненных планов и рисунков остаются неопубликованными. Впервые он прошел через развали-

¹ Тебе — имеются в виду Фивы, столица Древнего Египта в период Среднего и частично Нового царства, его развалины находятся ныне в Карнаке, Египет.

² Линан состоял на службе у английского антиквара Уильяма Бэнка, поэтому комментарии в его работе сделаны на английском языке.

ны Мероэ в ноябре 1821 г., но не остановился, намереваясь снова побывать в этом районе на обратном пути после своего пребывания в Сеннаре, располагавшемся много южнее. Он возвратился в эти места в феврале 1822 г. и, остановившись в Шенди, оставался в этом регионе до 2 апреля, вплоть до того дня, когда пустился в обратный путь на север, в Египет. Он, как и Калью, подробно изучал монументы, делая планы и зарисовки. Побывал он и в Мусавварат-эс-Софре, став первым европейцем, посетившим это место, где он задержался на три дня, делая зарисовки и планы. Он также скопировал многие из настенных надписей и оставил запись о своем посещении этого места, вырезав ее на западной стене центрального храма.

Линан возвратился в Шенди и несколькими днями позднее отправился в Нага, где он снова делал зарисовки. Вернувшись в Шенди, 24 марта он вышел из него, направляясь к северу, и на следующий день достиг селения Бегаравийя, на месте которого располагался город Мероэ. Большую часть времени Линан провел у пирамид, где он снова снял великолепный план и сделал ряд зарисовок как самих пирамид, так и некоторых рельефов на находящейся неподалеку от них погребальной часовне. Эти зарисовки двух первых путешественников, увидевших эти места, представляют собой очень большую ценность, демонстрируя нам состояние сохранности памятников в то время, и доносят до нас многие значительные детали, исчезнувшие с тех пор.

Следующим европейцем, побывавшим в этих местах, о котором до нас дошли сведения, был англичанин Хокинс, путешествовавший по Судану в 1833 г.; подобно Калью и Линану, он интересовался древностями и описал многие из монументов. Хокинс прибыл в Мероэ в марте 1833 г., посетив также и Мусавварат-эс-Софру, которую он счел «...последним архитектурным достижением народа, величие которого уже миновало, чей вкус испорчен, а все проблески знаний и цивилизации уже померкли. Изящные пирамиды Мероэ в отношении вку-

са и исполнения стоят столь же далеко от громадных, но хаотичных руин Вади-аль-Аватейба, как лучшие из скульптур Фив времен Рамзеса II отличаются от безвкусного стиля времен Птолемея и Цезарей».

После Мусавварат-эс-Софры Линан побывал в Вадбен-Наге, но не добрался до храмов Нага, поскольку его художник отказался сопровождать его, испуганный слухами о появлении львов, сам же Хокинс, похоже, был несколько стеснен в средствах и времени. Поэтому он вернулся более северным маршрутом, пересекая пустыню Байюда. Снова достигнув реки, он направился к Джебель-Баркалу, где сделал зарисовки руин и побывал у пирамид Нури.

Интерес, вызванный этими открытиями, был значительным, а слухи о сокровищах, скрытых в пирамидах, стали причиной по крайней мере одной раскопки, произведенной в них. Ее осуществил Ферлини, итальянский доктор медицины на египетской службе, в 1834 г. Ферлини был убежден, что в пирамидах можно найти сокровища, и поведал, что он снял вершины нескольких из них и, если верить его сообщениям, нашел изрядную добычу в виде сокровищ в пирамиде, известной под номером 6 и стоящей на северном кладбище.

В 1842—1844 гг. Королевская экспедиция Пруссии под руководством Лепсиуса¹ прошла маршрутом через Египет и Судан и подробно описала большое количество памятников. Лепсиус был сведующим ученым и обладал гораздо большими знаниями египетской истории, чем кто-либо из его предшественников в этих местах. Он понимал значение цивилизации, которую исследовал, но лишь после раскопок, проведенных Гарстэнгом в городской черте Бегаравии, было окончательно установлено место расположения известного по авторам античности Мероз.

¹ Л е п с и у с Карл Петр (1775—1853) — немецкий филолог, археолог и египтолог.

Гарстэнг, работавший здесь с 1910-го по 1914 г., пока его не остановила начавшаяся Первая мировая война, произвел обширные раскопки в самом городе, около храма Солнца и Львиного храма, а также погребений на равнине между городом и песчаниковой грядой, на которой были возведены пирамиды. Пирамиды эти, являющиеся гробницами королевской фамилии правителей Мероэ, были раскопаны Райснером в период с 1920-го по 1923 г. Он также произвел раскопки королевских пирамид в Курру и Нури. Результаты раскопок были опубликованы Доу Данемом. В 1907—1908 гг. Вулли и Макайвер вели раскопки в египетской части Нубийской пустыни неподалеку от Ареика и Каранога, ставшие первыми современными раскопками Мероэ. В 1910—1913 гг. Гриффит производил раскопки в районе Фараса, где очень большое погребение дало нам представление о мероитской керамике.

В период между войнами интерес археологии к Мероэ несколько ослабел, хотя важные материалы о более ранней истории этого региона были добыты в ходе раскопок экспедицией Оксфордского университета в районе Кавы. В последние годы наблюдается оживление интереса к этому региону, о чем свидетельствуют раскопки Хинце около Мусавварат-эс-Софры и работы Веркора и Тхабита Хассана около Вад-бен-Наги. Сооружение Асуанской плотины вызвало значительное оживление археологической активности в Нубии, что нашло выражение в раскопках нескольких мероитских погребений и заброшенных поселений. В 1965 г. университет Ганы начал новые раскопки города Мероэ, которые были продолжены под эгидой Хартумского университета.

На основе ранних сведений античных авторов и по результатам раскопок более позднего времени могут быть воссозданы отдельные черты культуры древнего Мероэ. В отличие от Египта времен фараонов, она пока еще не может поведать сама о себе, и, пока мероитский язык не станет доступен нам, лишь работы археологов будут способны проливать свет на эту древнюю африканскую цивилизацию.

Глава 2

ПРАВИТЕЛИ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ

Возникновение мероитского государства восходит к периоду египетского проникновения, и для того, чтобы понять влияние египетской культуры на все аспекты мероитской жизни, необходимо бросить взгляд на эту раннюю историю.

Египет так или иначе правил значительной частью региона, который позднее стал мероитской территорией в течение по крайней мере 1500 лет, и в первый раз завоевал этот район в период Среднего царства (ок. 2000—1700 гг. до н. э.), когда возле Второго порога была возведена знаменитая цепь фортов в качестве пограничных укреплений. Период этот окончился с уходом отсюда египтян, вызванным, возможно, необходимостью отразить вторжение гиксосов¹. В период Нового царства (ок. 1580—1100 гг. до н. э.) начинается новый этап египетских захватов, и под

¹ Г и к с о с ы — группа азиатских племен, вторгшихся около 1700 г. до н. э. из Передней Азии через Суэцкий перешеек в Египет и завоевавших его. Слово «гиксосы» — египетское обозначение сначала чужеземных царей («правители пастухов»), а затем всей этой группы племен. Подлинное этническое наименование гиксосов неизвестно; этнический состав гиксосов был весьма пестрым, судя по наличию у них как семитических, так и хурритских имен. Гиксосы поселились в Нижнем Египте, где основали свою столицу Аварис. Гиксосы впервые ввели в Египте коневодство и колесный транспорт. Они упростили египетскую письменность, создав чисто алфавитное письмо. В начале XVI в. началось освободительное движение египтян против гиксосов, возглавленное правителем Фив — Секененрой, а затем Камосом. Борьбу завершил фараон Яхмос I (правил в 1584—1559 гг.), захвативший Аварис. Остатки гиксосов отступили в Палестину, и о дальнейшей их судьбе никаких сведений нет.

власть фараонов попадает значительно большая территория вверх по течению Нила, вплоть до Четвертого порога. В ходе этого этапа были построены города и возведены храмы, создана египетская администрация.

Хотя известны надписи Тутмоса I в местечке Кургус, расположенном несколько выше по течению Третьего порога Нила, представляется все же, что именно этот порог стал истинной границей оккупации и что поэтому город Напата обрел свое существование в качестве важного административного центра. Расположенный неподалеку от него холм Баркал, возвышающийся на равнинном берегу реки и являющийся заметным природным ориентиром, получил важное религиозное значение: не позднее периода XIX династии у его подножия был возведен храм в честь бога Амона. В нем служила группа жрецов, изначально бывших египтянами, хотя позднее в группе могли появиться и местные уроженцы.

В период Нового царства египетское влияние было сильным: кроме администраторов и жрецов, египетские традиции и художественные формы внедряло также и сообщество ремесленников и художников. Культура всего региона была исключительно египетской, и до сих пор археологи не обнаружили в нем каких-либо артефактов, которые можно было бы квалифицировать как туземные и созданные именно в этот период. Даже после политического упадка Египта в конце Нового царства египетское культурное влияние оставалось доминирующим. Раскопки в Санам-Абу-Дом, неподалеку от современного Мероэ¹, демонстрируют, что артефакты в египетском стиле, хотя и созданные жившими оседло в этих местах египетскими ремесленниками, продолжают оставаться распространенными и встречаются в больших количествах в погребениях VIII в. до н. э.

¹ Мероэ — современный город, административный центр приблизительно на месте античной Напаты, не следует путать с древним Мероэ. Сходство этих двух названий, происходящее от случайного (?) созвучия, было постоянным источником недоразумений.

И именно из этого в высшей степени египтизированного общества вышла первая династия местных правителей, после того как исчезла египетская администрация. Примерно около 750 г. до н. э. возникло первое суданское государство, о котором у нас имеются сколько-нибудь точные сведения. Государство это, со столицей в Напате, стало предшественником государства со столицей в Мероэ и на краткое время обрело положение мировой державы.

Эта книга посвящена исключительно истории и культуре того периода, когда центр политического могущества переместился из Напаты в Мероэ, но, поскольку многие авторы используют термин «Куш» в качестве названия всего периода от начала независимого государства Мероэ до конца его существования, представляется необходимым уделить некоторое место обзору его более ранней истории.

Происхождение властителей Напаты нам неизвестно, однако нет оснований считать, что они не были уроженцами этих мест, и мнение Райснера об их якобы ливийском происхождении имеет мало оснований. Свидетельство их существования обнаружено в захоронении около Куру, на высоком берегу Нила, примерно в девяти милях ниже по течению Джебель-Баркала. Здесь, на высоком плато, недалеко от реки было найдено около тридцати погребений, и относительная хронология была восстановлена исходя из их местоположения и типологии гробниц. Это дает основания считать датой первых погребений середину IX в. до н. э.

О более ранних правителях у нас нет никаких сведений, но после Кашта мы можем фактически восстановить целый ряд имен. Пианхи и его непосредственный преемник хорошо известны нам из источников, написанных на египетском языке; они фигурируют в египетской истории в качестве XXV династии, начавшей вторжение Египта в правление Кашта.

За неимением места мы не можем подробно рассматривать историю завоевания Египта Напатой и отсылаем

читателя к обзору этих событий, сделанному Аркеллом¹. Здесь важно сказать, что Пианхи завершил завоевание Египта и что он и его преемники, из которых самым выдающимся является Тахарка, сохраняли власть над этой страной вплоть до 654 г. до н. э., когда в результате ассирийских походов в Египет власть Напаты была сокрушена и Танветамани, последний кушитский царь Египта, возвратился в свою собственную страну.

Все предшествующие цари, за исключением Тахарки, были похоронены в Курру. Тахарка же был погребен на новом царском кладбище в Нури, на противоположном по отношению к Курру берегу реки и приблизительно в четырнадцати милях выше его по течению.

Пирамида Тахарки на этом кладбище стала первой в серии тех, в которых были похоронены его преемники, за исключением Танветамани. Большей частью на свидетельствах из этих погребений и основывается восстановленный отрезок истории и культуры того периода.

Время переноса столицы Куша в Мероэ и начала мероитской фазы по-прежнему остается весьма неопределенным. Общепринятой датой, приводимой обычно в более ранних работах, является 308 г. до н. э., но она представляется слишком поздней, поскольку Геродот в одном из своих трудов, написанных незадолго до 430 г. до н. э., знает о Мероэ и описывает его, тогда как о Напате он даже не упоминает.

Весьма мало археологических фактов позволяет делать предположения о дате этого переноса. Нет сомнения, что город Мероэ уже существовал не позднее VI столетия, если не ранее. Имена Аспелта, Амталка и Маленакен, все носители которых были погребены в Нури, были обнаружены и в Мероэ; существуют еще более ранние погребения и на тамошнем Южном кладбище. На основании существования этих погребений Райснер делает вывод, что не позднее периода правле-

¹ *Arkell A.J.* A history of the Sudan. 2nd Edition. London, 1961.

ния Пианхи ветвь царской фамилии появилась в Мероэ, получив в правление южную часть этого региона.

Первым царем, погребенным в самом Мероэ, стал, вероятно, Аракакамани, который правил в конце IV столетия, но само по себе погребение, где бы то ни было, не исключает с неизбежностью возможность для правителя жить и править в Мероэ; мы знаем из стелы в Каве, что Амани-нете-йерике, погребенный в Нури, жил в Мероэ в период около 431—405 гг. до н. э., согласно датировке Хинце, или около 435—417 гг. до н. э., согласно датировке Данхэма.

Наиболее вероятной датировкой во многих отношениях представляется все же VI в. Вэйнрайт предполагает, что сообщение Диодора Сицилийского и других авторов о том, что Камбиз¹ (529—522 гг. до н. э.) был основателем Мероэ, имеет в своей основе тот факт, что город был основан во время предполагаемого вторжения персов, — эти два события стали ассоциироваться друг с другом, так что это вторжение и в самом деле имело место.

Решение этой проблемы, возможно, заключено в открытии того, что египетский фараон Псамметих II напал на Куш в 591 г. до н. э. Доказательства этого были приведены в одной из работ по египтологии, в которой высказывалось мнение, что хорошо известная Нубийская кампания, осуществленная на третьем году правления этого фараона, имела гораздо большее значение, чем ранее предполагалось, и что египетская армия дошла до Напаты.

¹ К а м б и з (Камбис), Камбуджия (год рождения неизвестен — умер в 522 г. до н. э.) — древнеперсидский царь в 530—522 гг. из династии Ахеменидов. Сын Кира II. В 525 г. завоевал Египет, разгромив египетское войско при Пелусии, и взял в плен фараона Псамметиха III. Захватив трон Египта, Камбиз основал, согласно исчислению древнеегипетского историка Манефона, новую, XXVII династию фараонов. В 524 г. вторгся в страну Куш, но потерпел поражение. Получив известие о вспыхнувшем против него восстании Гауматы в 522 г., Камбиз отправился в Персию. По пути умер при загадочных обстоятельствах.

Подтверждение этого было обнаружено в Абу-Симбеле, где карийские¹ и греческие наемники, составлявшие в основном эту армию, оставили многочисленные надписи на громадной статуе Рамзеса II, а также на колоннах храма. В одной из этих надписей, сделанной на греческом языке, упоминаются имена предводителей этой армии — Потасимто и Амазиса — и говорится, что они направляются вверх по течению к Керкису².

Все это указывает на важный поход в пределы кушитских владений, и так как Геродот, писавший свои труды 160 лет спустя, упомянул в них о нападении армии Псамметиха на Напату, то есть все основания предполагать, что это нападение на столицу и ее разрушение имело место. Разбитые статуи нескольких правителей, среди которых последним является Аспелта, были обнаружены в Баркале, что наряду с совпадением известной даты этой военной кампании с датой правления Аспелты позволяет со значительной степенью вероятности предположить, что разрушение произошло одновременно с разграблением города и храмов Напаты.

Если подобная интерпретация этих свидетельств верна, то разрушения, причиненные столице Аспелты, можно считать вполне основательной причиной для ее переноса в Мероэ, который позднее мог быть датирован 591 г. до н. э. В поддержку этого предположения следует заметить, что имя Аспелты стало самым ранним, известным нам из Мероэ, поэтому, в отсутствие более точных свидетельств, мы можем предположить, что царская резиденция была перенесена туда из Напаты в самом начале VI столетия.

Какова бы ни была дата такого переноса столицы в Мероэ, Напата, безусловно, сохранял свое громадное ре-

¹ К а р и я — античная область на азиатском побережье Эгейского моря (ныне территория Турции).

² отождествляется некоторыми учеными с современным Коркосом, селением у Пятого порога Нила, в античности территорией Кушитского государства.

лигиозное значение по крайней мере до правления Настасена (около 385—310 гг. до н. э.), поскольку ему и нескольким его предшественникам приходилось ездить туда из Мероэ, чтобы получить посвящение в сан жрецов Амона. Настасен стал последним царем, погребенным в Нури, и, возможно, к концу IV в. до н. э. даже религиозное значение Напаты сошло на нет.

Хотя политические и военные события, такие, как предполагаемое разорение Напаты, могли быть в числе причин для перевода власти на юг, почти нет сомнений, что гораздо более благоприятное экономическое положение Мероэ стало чрезвычайно важным фактором, определившим такой перенос.

Мероэ расположен в пределах зоны выпадения ежегодных дождей, а широкие долины Бутаны, Вади-Ава-тейба и Вади-Хавада способны дать обильные урожаи зерна и корма для скота, обеспечивающие существование урбанистической цивилизации, которых не могла обещать узкая полоска возделанной земли между пустыней и рекой в районе Напаты. Но не только возможность получения более обильных урожаев с меньшими затратами труда делала положение Мероэ более благоприятным. Город расположен в регионе с богатыми месторождениями железной руды и леса, необходимого для ее выплавки, так что, как мы увидим, как только искусство выплавки металла было постигнуто, Мероэ стал жизненно важным центром этой новой технологии.

Город также занимал выгодное положение и для торговли, будучи расположен рядом с судоходным руслом реки, в конце удобных караванных путей от Красного моря. Путь в Египет по Нилу был не так уж прост, а в период беспорядков и войн просто перекрывался. Целая серия порогов на реке делала почти невозможной транзитную транспортировку товаров без промежуточных перегрузок, поэтому стало привычным пересекать пустыню от Короско или Второго порога до мест, лежащих по течению выше Четвертого порога. Такие переходы по пус-

тыне могли предприниматься только тогда, когда государство было достаточно сильно, чтобы обеспечить спокойствие и организованность, необходимые для организации подобных караванов. Развал путей сообщения после вынужденного ухода XXV династии из Египта и из Напаты так никогда и не был в полной мере восстановлен, и вновь начатое передвижение по ним, как, например, при фараоне Псамметихе II, не было вполне успешным. Диодор Сицилийский сообщает, что Птолемей Филадельф¹ час-

¹ П т о л е м е и Лагиды (греч. Ptolemaioi, Lagidai) — царская династия, правившая в эллинистичном Египте в 305—330 г. до н. э. Основатель — Птолемей I Сотер («Спаситель»), один из военачальников Александра Македонского, получил Египет в управление в 323 г. при разделе его державы между диадохами; в 305 г. провозгласил себя царем (305—283 гг. до н. э.). В ожесточенных войнах диадохов Птолемей I расширил границы царства, присоединив Киренаику, южную Сирию и Кипр. При нем началась реконструкция ирригационной сети, стала вводиться практика наделения наемных воинов (македонян, греков, фракийцев и др.) участками земли (клерами), развернулось строительство Александрии, недалеко от Фив был основан новый полис Птолемаида. Был учрежден культ бога Сераписа, объединивший местные и греческие верования, и положено начало царскому культу. Влияние Египта в Восточном Средиземноморье усилилось при П т о л е м е е II Ф и л а д е л ь ф е («Любящий сестру») (правил в 285—246 гг. до н. э., в 285—283 гг. — соправитель), был создан мощный флот, присоединен ряд территорий в Малой Азии и Эгейском бассейне. Податной устав и другие законодательные документы свидетельствуют, что при нем оформилась система социально-экономических отношений, характеризующаяся преобладанием государственного хозяйства, основанного на эксплуатации «царских земледельцев», обрабатывавших в качестве арендаторов царскую землю, и «гипотелейс» — работников царских мастерских в монополизированных царем отраслях ремесла. Хотя рабский труд не играл значительной роли в производстве, рабовладельческие отношения и различные формы внеэкономического принуждения пронизывали всю социальную жизнь государства Птолема. Царские земли и мастерские, разветвленная система налогов и литургий, сдача на откуп различных промыслов, торговые монополии — все это доставляло царской казне огромные натуральные и денежные доходы, расходовавшиеся на содержание пышного царского двора, армии и флота, колоссального чиновничьего аппарата, на дотации жрецам и храмам. Столица Птолема Александрия стала крупнейшим торгово-ремесленным и культурным центром Средиземноморья. Торговые пути связывали государство Птолема с центральной Африкой, Аравией, Индией, Причерноморьем и государствами Восточного и Западного Средиземноморья.

тично восстановил движение, но мы не знаем, сколь далеко по течению реки оно продолжалось, и вполне ясно, что такие контакты были нечастыми.

Поскольку Птолемиды, а после них римляне нуждались в товарах из Африки, среди которых самыми важными были золото и слоны, им приходилось изыскивать другие, более удобные маршруты, поэтому они осваивали торговые пути по Красному морю и его африканскому побережью. Мы знаем о подобном предприятии Птолемея Трифона, организованном специально для доставки слонов, и, хотя местоположение этого порта не было установлено, он должен был находиться где-то на отрезке побережья между портом Судан и эритрейской границей.

Мероэ занимает выгодное местоположение с точки зрения удобной связи с Красным морем, и караванные пути, проходящие к востоку от Нила, активно использовались на всем протяжении его истории. Все указывает на то, что эти пути имели важное значение для Мероэ, и не может быть случайным совпадением, что два таких важных пункта, как Нага и Мусаварат-эс-Софра, расположены на расстоянии приблизительно одного дневного перехода к востоку от реки.

В римские времена, если не ранее, большая часть торговли со средиземноморским регионом осуществлялась через южную часть Аравии и даже Эфиопию, сухопутным путем через Аравию до Петры, так что существовали обширные контакты через Красное море между северо-восточным побережьем Африки и Аравией. Многие восточные мотивы, различимые в мероитском искусстве и памятниках, обязаны, возможно, этим контактам, равно как и то, что некоторые из римских и эллинистических артефактов, обнаруженные в царских погребениях, попали сюда через царства Южной Аравии.

Очень мало известно о событиях, происшедших после правления Аспелты, и большая часть датировок чисто гипотетические. Информация, на которой основаны

хронология и перечень царей, достаточно скудна. Последовательность и даты правления первых шести царей Куша, от Кашты до Танветамани, довольно точны и перепроверены по египетским источникам. Последующие три фиксированные даты являются лишь предполагаемыми: правление Аспелты, известное по совпадению с военной кампанией Псамметиха II в 591 г. до н. э.; правление Аргамани (около 248—220 гг. до н. э.), который предположительно отождествляется с Эргаменесом у Диодора, современником Птолемея II (285—246 гг. до н. э.) и Птолемея IV (221—205 гг. до н. э.); Тегеридиамани (около 246—266 гг. н. э.), о котором известно из одной надписи демотическим письмом, что он правил в 253 г. н. э. Однако, после пересмотра свидетельств о периоде Аргамани в свете открытий Хинце в Мусавварат-эс-Софре, тот больше не считает его современником Птолемея II и склонен к датировке 218—200 гг. до н. э. Поэтому единственное, что мы можем сказать, это то, что примерно 220 г. до н. э. не так уж далек от периода правления этого царя.

Это те немногие определенные даты на протяжении 900-летнего исторического периода. Перечень царей основан на именах, обнаруженных в царских погребениях в Курру, Нури, Баркале и Мероэ; все они были раскопаны Райснером. Последовательность, в которой они приведены, разработана им же на основании расположения погребений на кладбищах. При этом предполагается, что лучшие и доминирующие места были заняты первыми, а последующие погребения располагались все дальше и дальше. Более подробные данные об относительных датах погребений были добыты путем подробного типологического изучения самих пирамид, а также найденных в них предметов.

Исходя из этого изучения, завершенного и интерпретированного Данхэмом, можно видеть, что погребения объединены в серии хорошо различимых групп. Порядок этих групп выдержал последующий критичес-

кий подход и представляется разумно определенным. Последовательность правителей внутри них уже менее определена, но, в отсутствие каких-либо других свидетельств, может быть принята за допустимую. Хинце проделал дальнейшие интерпретации, и его перечень правителей и предполагаемые даты их правления собраны в приведенной ниже таблице. Даты, упоминаемые в тексте, взяты из этого перечня Хинце.

Даты правления царей, будучи напечатаны, приобретают иллюзорный вид надежности, но должно быть совершенно понятно, что все они, за исключением правления трех уже названных выше царей, являются только предположительными. Продолжительность царствований, тоже предположительно, выведена из размеров пирамид и количества погребальных предметов. Эти критерии, согласно которым более крупные пирамиды и более богатая их обстановка принадлежат тем из царей, которые правили дольше, чем погребенные менее пышно, вполне могут быть применимы, но число лет правления, приведенное в таблице, есть не более чем оценка, так что даты правления не следует считать точными.

Все, что мы можем сказать с большей определенностью, так это то, что двадцать четыре царя правили с 593-го по 220 г. до н. э. и чье правление было более продолжительным, а чье — более кратким. Это дает нам средний период правления в 15,5 года, что не противоречит среднему сроку правления в 15 лет, признанному повсюду как средний срок царствования африканских правителей. После Анламани следующие восемнадцать царей, как представляется, были захоронены в Нури. Исходя из среднего пятнадцатилетнего периода правления восемнадцатый правитель должен был закончить свое правление в 323 г. до н. э., что достаточно близко соотносится с определенным Хинце периодом правления Настасена (335—315 гг. до н. э.) и позволяет нам принять его в качестве достаточно точного определения пребывания этого царя на троне.

Из этих восемнадцати царей у нас есть сколько-нибудь подробные данные только о трех, оставивших после себя надписи — Амани-нете-йерике, Харсиотефе и Настасене, — от всех остальных дошли только имена. В пределах этого периода можно видеть некоторые культурные перемены и начиная с Малевиебамани — меньшее знание египетских иероглифов, а также заметить снижение стандарта ремесленного мастерства.

Надпись Амани-нете-йерике, выбитая в его честь на стене храма Тахарки в Каве, сообщает нам много интересных подробностей. Она вообще чрезвычайно любопытна как лингвистически, так и в историческом отношении. Язык, на котором она сделана, — египетский, но заметно, что знание этого языка поблекло и что на нем уже, возможно, не говорят. Вообще вариации в качестве египетского языка различных надписей в Каве — а здесь обнаружены четыре из них — показывают, что образовательный уровень писцов значительно отличается друг от друга. Большая надпись Амани-нете-йерике имеет особое значение для истории этого периода, поскольку содержит первое упоминание о Мероз и сообщает, что там пребывает царь. Выбитая, когда царю был сорок один год, она сначала описывает военную кампанию против *пересов*, которые, как представляется, оккупировали северную оконечность «острова Мероз». Разбив их, царь затем направился в Напату, чтобы быть там принятым в качестве царя жрецами Амона. Он принял участие в церемонии в храме Баркала, где и был согласно традиции возведен в божественное достоинство. Из Напаты он совершил плавание вниз по течению до местечка *Кртн* (которое не поддается идентификации), где сразился с *медедами* — «жителями пустыни». После этого он предпринял семнадцатидневное путешествие из Напаты в Каве и Пнубс (Арго?), где заложил храм. Затем он вернулся в Каву, где расчистил путь к храму Тахарки и велел восстановить несколько строений. Другие надписи об этом царе чрезвычайно плохо поддаются

пониманию и ничего не добавляют к нашему знанию истории, но одна из надписей позволяет сделать вывод, что он правил по крайней мере двадцать пять лет.

Харсиотеф также оставил после себя надпись, которая дает нам информацию о периоде его правления. Она датируется тридцать пятым годом его правления и подобна по содержанию надписи о Амани-нете-йерике, описывается его поездка в Напату, где Харсиотеф был приобщен к лику богов, а также его военные кампании против *рересов* и *медедов*. Надпись выполнена на заметно более изысканном египетском языке. Это позволяет сделать заключение, что либо Харсиотефа следует поместить на более раннее место в этой череде правителей, либо то, что он оказался способен заполучить писца-египтянина, либо если этот писец был все же местным жителем, то был куда более образован, чем его коллега-предшественник. Бриггс, изучавший фрагменты человеческого черепа из гробницы Харсиотефа, считал его принадлежащим царю и полагал, что «царю было лет двадцать пять, когда он умер». Это трудно соотнести с совершенно ясным указанием «год 35» в надписи, так что остается предположить, что фрагменты черепа принадлежат кому-то другому, поскольку в гробнице были найдены останки по крайней мере двух тел. Гробница Харсиотефа — первая, в которой обнаружены железные орудия труда, равно как и обычные для этого времени бронзовые, так что, возможно, именно с этого периода использование железа становится известным в Мероэ, хотя, как было доказано Вэйнрайтом, широкое его распространение относится к более позднему времени.

Настасен стал последним царем, погребенным в Нури; он, как и Харсиотеф, оставил после себя надпись в Баркале. Она почти однотипна по своему содержанию с надписями Амани-нете-йерике и Харсиотефа, хотя и дает несколько больше важной информации и позволяет перепроверить сведения о Настасене. Как и его предшественники, Настасен должен был совершить поездку

из Мероэ в Напату для провозглашения его в качестве царя. В надписи сообщается целый ряд подробностей о его поездке через пустыню Байюда. После церемонии в храме Амона царь нанес обычные королевские визиты в Каву, Пнубс и Таре (место не установлено, но там побывал и Харсиотеф). Он возглавил военные походы против традиционных врагов, а также и против захватчика, пришедшего с флотом с севера.

Прочтение имени этого захватчика представляет трудность. В оригинальном варианте оно звучит как *Kmbswdn*, что, казалось бы, позволяет отождествить его с Камбизом, но такое отождествление, если только верна вся хронология мероитских времен, совершенно невозможно, поскольку вторжение Камбиза имело место около 525 г. до н. э. Хинце предположил, что это имя следует читать как *Hmbswtn*. Он считает, что это, вероятно, является одним из вариантов имени Хаббаш, которое известно нам по египетским источникам и принадлежит правителю местности, расположенной между Первым и Вторым порогами Нила. Хаббаш воевал с Египтом в 338—336 гг. до н. э., и если кампания в Куше имела место после его нападения на Египет, то могла произойти в 335 г. до н. э. Поскольку Настасен воевал с ним в самом начале своего правления, то незначительная корректировка первоначальной датировки, произведенной Райснером (328—307 гг. до н. э.), приводит датировку Настасена в соответствие с тем, что нам известно о Хаббаше, давая нам еще одну определенную точку в хронологических рамках.

Кроме основных царских захоронений в Нури и Мероэ, существует еще одна группа пирамид в Баркале. Типологически они принадлежат к периоду сразу же после правления Настасена, но на них не обнаружено ни одного царского имени, и они представляют собой своего рода загадку. Если они верно определены по времени — а археологические данные определенно позволяют сделать такое заключение, — то мысль Райснера о

том, что они являются погребениями независимой линии правителей, создавших государство, свободное от влияния Мероэ, и вновь заявивших о значении Напаты, вполне может оказаться правильной, хотя Мак-Адам считает все же, что здесь были погребены правители всей страны.

Символично, возможно, что именно Настасен был последним царем, погребенным в Нури, и что весьма близко к этому событию, а может быть, и непосредственно за этим, идет Аракакамани, который был погребен в пирамиде в Мероэ. Нет ничего невозможного в том, что как раз в этот момент и произошло разделение кушитского государства. Несколько царских имен, неизвестных нам по другим источникам, происходят из Кавы; предположительно они относятся к этому периоду времени — заманчиво считать их именами правителей независимого царства Напата, которые были погребены в Баркале.

Вплоть до нынешнего времени имя Арнехамани было известно только из Кава, где оно найдено на бронзовом бюсте (фото 36). Райснер предположил, что он был погребен в гробнице Баркал II, а правил всей страной вплоть до 300 г. до н. э., когда южная часть страны получила независимость при царе Аракакамани, сделавшем столицей Мероэ.

Но теперь, однако, имя Арнехамани известно нам и по надписям из Мусавварат-эс-Софры, и это позволяет с уверенностью утверждать, что он также правил в Мероэ. По изображению его имени в Львином храме и его сходству с царским титулом Птолемеев становится понятно, что он был приблизительно современником Птолемея IV (221—205 гг. до н. э.), так что следовало бы датировать его правление около 235—218 гг. до н. э., включить в перечень правителей и предположить, что он был погребен в Мероэ. Подобный подход неизбежно влечет за собой пересмотр порядка правителей и их хронологии, как это может быть видно из сравнения двух списков правителей, сведенных в таблицу, причем

следует помнить, что список Данхэма был сделан до открытия имени Арнехамани в «острове Мероэ».

У нас нет никакой другой информации о Арнехамани, которая помогла бы нам в реконструкции истории государства, кроме той, что он был первым царем, погребенным в Мероэ. Его преемник, Аманисло, оставил его имя на двух гранитных львах, известных под названием «львы Прудо», первоначально созданных в правление египетского царя Аменофиса III (1405—1370 гг. до н. э.) для его храма в Сульбе и перевезенных затем в Баркал, возможно, самим Аманисло. Наличие в Баркале имени царя, о котором известно, что он погребен в Мероэ, может вызвать сомнения в предполагаемом существовании независимого напатанского государства. Эти два царя вместе с царицей Бартаре являются единственными правителями, погребенными на Южном кладбище в Мероэ. После смерти царицы Бартаре пирамиды строились вдоль хребта, уходящего к северу, и образовали так называемое Северное кладбище — основное место царских погребений в Мероэ.

Одним из самых первых царей, погребенных на этом новом кладбище, и единственным, о котором мы что-то знаем из других источников, является Аркамани. Он возвел часть храма в Филах¹ и часть другого храма в Дакке. Это дает нам основание предполагать, что мероитское владычество в его время простиралось вплоть до Первого порога. Другие части этих храмов были построены Птолемеем IV, поэтому можно предположить, что между ними существовал союз, хотя, поскольку Птолемеи V уничтожил имя Аркамани в Филах, союз этот, скорее всего, длился недолго.

Аркамани традиционно отождествляется с Эргаменесом, который упомянут Диодором Сицилийским. Диодор сообщает, что Эргаменес получил некоторое греческое об-

¹ Ф и л ы — остров на Ниле в Верхнем Египте, ныне находится под водами озера Насер.

разование и что он убил жрецов храма Амона, предположительно в Напате, в годы правления Птолемея II (285—246 гг. до н. э.). Предположение о том, что Аркамани был современником Птолемея II и IV, заставляет датировать его правление около 248—220 гг. до н. э., хотя на самом деле единственное, что мы можем сказать с некоторой определенностью, — что годы его правления приходятся на период между 285-м и 205 гг. до н. э. Новый подход Хинце к датировке, вызванный необходимостью найти место в перечне царей для Арнехамани и сделать его по времени современником Птолемея IV, заставляет пересмотреть датировку правления Аркамани и его отождествление с Эргаменесом. Если датировки Хинце и последовательность царей приблизительно верны, то Аркамани не может быть современником Птолемея II, поэтому возможна версия, что у царя, которого Диодор упоминает под именем Аракакамани, не настолько было искажено имя, чтобы приписывать Эргаменесу греческую версию. Относительно более поздняя датировка правления Аркамани определенно делает более легким для понимания совместное мероитское и египетское строительство в Нижней Нубии. Старая датировка дает всего лишь двухлетнее перекрытие между Птолемеем IV и Аркамани, что не отводит достаточно времени для осуществления строительства, которое там развернулось. К тому же представляется маловероятным, чтобы Птолемей оказался способен выделить ресурсы для такого строительства на юге до своей победы в битве при Рафии в 217 г. до н. э. А соединение его имени в Дакке с именем Арсиной, на которой он женился лишь в тот же самый год, является еще одним аргументом в пользу того, что Аркамани правил позже 220 г. до н. э. Более тесные контакты с Египтом вполне могли объяснить появление изысканных рельефов на часовне при пирамиде Аркамани, которые выполнены в египетском стиле.

Некоторый упадок строительного мастерства наблюдается после возведения пирамиды, предположительно

принадлежащей Таньидамани (около 120—100 гг. до н. э.), в которой традиционная трехзальная погребальная камера впервые отсутствует. Все более поздние гробницы состоят только из двух помещений. Поскольку приблизительно с этого времени нам известны надписи Птолемея VII (145—116 гг. до н. э.) и Птолемея VIII (111—80 гг. до н. э.) на храме в Дабодэ, то можно предположить, что политическая мощь Мероэ ослабевает и большая часть территории ниже по течению Фараса падает в руки египтян.

Другая группа пирамид, у Джебель-Баркала, по своей типологии должна принадлежать к I в. н. э. На них обнаружено только имя царицы Налдамаки, и нет никаких других надписей, которые позволили бы идентифицировать погребенных в них людей. В то же самое время по надписям на памятниках известны относящиеся примерно к этому же периоду имена правителей, места погребения которых однозначно не установлены.

Райснер предположил существование другой линии правителей, независимых от Мероэ, и назвал ее Второй мероитской династией Напаты. Хинце разделял этот взгляд, но пересмотрел датировку и предложил следующий перечень правителей Напаты:

Налдамак	60—44 гг. до н. э.	Баркал 6
Теритегас	44—26 гг. до н. э.	Баркал 2
Аманиренас	26—18 гг. до н. э.	Баркал 4
Акинидад	18—3 гг. до н. э.	Баркал 9
Царица	3 г. до н. э. — 12 г. н. э.	Баркал 10

Данхэм, согласившись с тем, что некоторые из этих правителей, вероятно, были погребены в Баркале, включил их имена в основной перечень. Он также предположил, что Теритегас был погребен в пирамиде в Мероэ.

Эта, а также любая другая реконструкция этого периода должна рассматриваться исключительно как гипотетическая, ибо все, что мы можем сказать об этом вре-

мени, — что существовал ряд правителей, пирамиды которых трудно найти в Мероэ, и что существуют современные им пирамиды в Баркале, погребенные в которых люди неизвестны.

С точки зрения географического распределения царских имен в тот период должны возникать определенные сомнения относительно существования отдельного государства в Напате. Царь Таньидамани, чье имя известно нам по надписи на стене храма Амона в Мероэ, оставил также и стелу в Напате, которая позволяет предположить, что этот город также был под его властью. Имена Аманиренаса и Акинидада обнаружены не только на севере, в Дакке и Каве, но также и в самом Мероэ. Имя Теритегаса известно по надписи в Мероэ, а также встречается рядом с именами Аманиренаса и Акинидада в Дакке. Таким образом, из пяти правителей, которые предположительно могли править в Напате, имена трех были обнаружены в Мероэ.

Датировка жизни этих правителей в основном зависит от интерпретации большой надписи царя Акинидада из Мероэ, которая упоминалась в связи с сообщением о военной кампании против римлян, закончившейся победой Петрония в 23 г. до н. э. Если датировка Данхэма для Акинидада приблизительно верна, тогда надпись эта не может быть соотнесена с теми событиями, но до тех пор, пока мы не узнаем больше о мероитском языке, мы не сможем двигаться дальше. Существует и другое свидетельство того, что Аманиренас и ее сын Акинидад противостояли римлянам, а поэтому Аманиренас должна быть идентифицирована как царица Кандака латинских авторов.

Хинце сделал попытку реконструировать историю этого периода и предположил, что с римскими войсками сражалось царство Напата, и тем самым свидетельство Страбона предполагает, что столица находилась в Напате. Хинце рассматривает Теритегаса как мужа Аманиренас, а Акинидада как их сына и наследного прин-

ца и считает, что все трое сменили резиденцию на Дакку, где и оставили свои имена на стене храма, чтобы вести кампанию против римлян. Единственной нашей информацией об этой кампании остаются свидетельства античных авторов. Наиболее полные сведения дает Страбон:

«Теперь Египет стал мирной страной, прежде всего из-за своей автономности, также и по причине трудной доступности для внешних врагов, поскольку он защищен с севера не имеющим гаваней берегом, а также Египетским морем, а с востока и запада — каменистыми пустынями Ливии и Аравии. Другие части этой страны, те, что расположены к югу, населены троглодитами, блеммиями, нубийцами и мегабари, а также эфиопами, которые живут в областях выше Сиены. Все они кочевники, но немногочисленны, также и не воинственны, хотя так не считают древние авторы, поскольку они часто, как и бригады, нападают на беззащитных путников. Те из эфиопов, которые живут к югу от Мероэ, тоже немногочисленны и не собираются вместе толпою, так как они населяют длинную, узкую и извилистую территорию вдоль реки, вроде той, которую я уже описывал. Не особо хорошо подготовлены они к войне или к любому другому образу жизни. И это хорошо известно; так что римляне вполне успешно охраняют эту страну всего лишь тремя когортами, до и то не полными; когда же эфиопы осмеливаются напасть на них, то подвергают опасности свою собственную страну. Другие римские силы в Египте едва ли достигают такого количества, да и вряд ли когда римляне использовали их все вместе; поскольку и египтяне тоже не так уж воинственны, хотя и весьма многочисленны, в противоположность окружающим их племенам. Корнелиус Галл, первый человек, назначенный Цезарем префектом этой страны, штурмовал Гиерополис, население которого взбунтовалось, и изнял его небольшим количеством солдат. Так и позднее Петроний, когда на него набросилась вся неисчислимая

толпа жителей Александрии, забрасывая его камнями, продержался против них, имея при себе лишь чуть больше солдат, чем его телохранители, и, убив нескольких из нападавших, смог остановить и обратить в бегство остальных. Как я уже рассказывал, Элиус Галл, когда он вторгся в Аравию с частью войск, несших службу в Египте, обнаружил, что тамошние люди совсем не воинственны; в самом деле, если бы Силлэус не предал его, то он смог бы покорить всю Аравию Счастливую.

Но эфиопы, ободренные тем, что часть римских сил в Египте ушла с Элиусом Галлом, когда он вел войну против аравийцев, напали на Фивы и на гарнизон из трех когорт в Сиене, и, пользуясь неожиданностью, взяли Сиену, Элефантину и Филы, и поработили их жителей, и повергли наземь статуи Цезаря. Однако Петроний, имея при себе менее 10 000 пеших солдат и около 800 всадников против 30 000 человек, сначала заставил их отступить обратно в Пселцис, город в Эфиопии, а потом послал к ним парламентариев с требованием сдачи, также и спросил их о причинах, почему они начали войну. Когда же они сказали ему, что были ложно подвигнуты на это своими монархами, он ответил, что не они являются правителями страны, но Цезарь. Когда же они попросили у него три дня на размышление, но не сделали ничего из того, что должны были сделать, он напал на них и заставил их снова вступить в битву; тут он быстро обратил их в бегство, поскольку у них были слабые командиры и плохое оружие: они имели большие щиты, сделанные из толстой кожи быков, у некоторых только топоры, у других пики и лишь у немногих мечи. В бегстве кое-кто из них скрылся в город, другие бежали в пустыню, а многие нашли убежище на окрестных островах, сумев переплыть протоки, в которых водятся теперь не так уж много крокодилов. Среди этих беглецов были и генералы царицы Кандаки, которая была правительницей Эфиопии в мои времена — женщина, сложением весьма напоминающая мужчину, и слепая на

один глаз. Всех их он взял живыми, послав вслед им погоню на плотах и лодках, и отправил их затем в Александрию. Он также взял приступом Пселцис, и если сосчитать множество тех, кто пал в сражении, прибавив их к числу взятых в плен, то спасшихся останется очень немного. После Пселциса он направился к Премнису, укрепленному городу, после марша через песчаные холмы, где армия Камбиза была разбита, когда попала в песчаную бурю; и, напав на этот город, он взял крепость с первого же штурма. После этого он подошел к Напате. Здесь находилась царская резиденция Кандаки; здесь был и ее сын, и она сама жила в месте, неподалеку отсюда. И хотя она направила к нему послов, которые заверили его в дружбе и предложили вернуть пленников и статуи Цезаря, захваченные ими в Сиене, Петроний штурмовал город и взял также и Напату, сын же ее спасся бегством. Город же был разрушен до основания. Взяв в рабство его жителей, он с трофеями направился назад, поняв, что местность дальше слишком трудна, чтобы идти по ней. Но он еще лучше укрепил Премнис, оставил в нем гарнизон и еды для четырехсот человек на два года, и отправился в Александрию. Что же до пленных, то он продал часть из них как военную добычу, а одну тысячу отправил к Цезарю, который недавно вернулся из Кантабрии; остальные же умерли от болезней. Тем временем Кандака выступила против гарнизона со многими тысячами своих людей, но Петроний пришел к ним на помощь и первым появился у крепости. Когда же он хорошо укрепил свой лагерь всякими устройствами, к нему пришли послы, но он велел им идти к Цезарю. Когда же они заверили его, что не знают, кто такой Цезарь, и не знают, куда должны идти, чтобы найти его, он дал им провожатых. И они направились на Самос, поскольку Цезарь был именно там и намеревался оттуда выступить против Сирии, отправив Тиберия в Армению. И когда послы получили все, что просили, он даже отменил дань, которую было на них наложил».

В сообщении Плиния об этих событиях читаем:

«Тем не менее, во времена последнего государя Августа римская армия достигла даже тех земель, под предводительством Публия Петрония, члена сословия всадников, в бытность его правителем Египта. Петроний захватил аравийские города, перечисление которых мы приводим: Пселцис, Примис, Боккис, Камбизов Торг, Аттения и Стандизис. Все они расположены у порогов Нила, шум воды на которых оглушает живущих поблизости обитателей; он также сровнял с землей город Напату. Самое дальнее место, до которого он дошел, лежит в 870 милях от Сиены. И все же не римская армия превратила эту страну в пустыню, Эфиопия была изнурена сменяющимися периодами покорения и господства в череде войн с Египтом».

А вот свидетельство Дио Кассия:

«Примерно в это время эфиопы, жившие за пределами Египта, подошли к городу по названию Элефантина, предводительствуемые Кандакой, сметая все на своем пути. Подойдя к Элефантине, однако, они узнали, что сюда идет Петроний, правитель Египта, и поспешили отступить до его подхода, надеясь не вступать с ним в сражение. Но, догнав их, он разбил армию эфиопов и вторгся за ними в их собственную страну. И здесь он тоже успешно сражался с ними, и, кроме прочих городов, взял Напату, их столицу. Этот город он разрушил до основания, а гарнизон оставил в другом месте; поскольку Петроний обнаружил, что не может ни следовать дальше из-за песка и жары, ни остаться там, где он есть, со всей армией, и поэтому ушел вместе с большей ее частью. После этого эфиопы напали на гарнизоны, но он снова выступил против них, пришел на выручку своим воинам и заставил Кандаку подписать с ним перемирие».

Эти свидетельства дают нам достаточно ясные описания хода кампании и весьма интересную информацию о том, что передовой гарнизон был оставлен в Премнисе, современном Каср-Ибриме, в то время как основная часть

римской армии вернулась в Египет. Любопытные сведения о битве между римлянами и мероитами содержит Миланский папирус, который археографически датируется 60—94 гг. н. э. и описывает сражение в пустыне, в котором принимала участие кавалерийская *ала*¹. Нет никаких оснований связывать эту битву с воинскими кампаниями Петрония, да и ее слишком поздняя датировка не позволяет сделать это. Поэтому вполне возможно, что речь идет о другом неизвестном нам сражении либо о более поздней военной экспедиции, предпринятой в правление Нерона.

Известный бюст Августа, найденный в Мероэ (фото 28), вероятно, связан с описываемыми событиями и, быть может, является одним из тех, которые были вывезены в качестве трофеев из Сиены. Обстоятельства, при которых он был обнаружен, не вполне ясны, но, как представляется, он был найден под порогом строения № 292. Это дает основания предположить, что он был погребен в порядке церемониального действия как важный трофей. Обнаружение подобного объекта в Мероэ также должно пробудить сомнения относительно предположения о главенствующем положении Напаты в период войны с римлянами.

Поводом для дальнейших сомнений в этом отношении служит находка в храме Т каменных блоков с именами Акинидада и Аманисхакете, которые представляются современниками. Акинидад поэтому мог быть жив в период ее правления, равно как и в правление Амаринерас, а поэтому Аманисхакете также является возможным кандидатом на Кандаку Страбона. Мы знаем об Аманисхакете по картушу² на блоке, недавно обнару-

¹ А л а (*лат.* *ala*) — конный отряд численностью около 300 всадников.

² К а р т у ш (*Cartouche*) — в египтологии линии в виде эллипса или параллелограмма, окружающие имена собственные, главным образом — имена царей и местностей. Картуши, окружающие имена взятых городов, подражают зубцам башен; картуши, окружающие имена царей, представляют идеограмму вечности. Возможность по картушам найти собственные имена в надписях способствовала установлению значения иероглифов.

Рис. 5. Имя
царицы
Аманисхакете,
изображенное
мероитскими
иероглифами

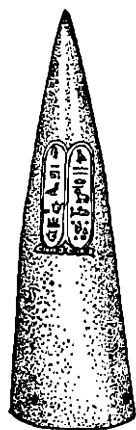

Рис. 6.
Бронзовый
конус из
Кавы с
именем царя
Аманихабале

женном в Вад-бен-Наке (рис. 5). Также мы знаем, что она была погребена в пирамиде № 6 в Мероэ. Другой царь, Аманихабале, известный по пирамиде № 2 в Мероэ, по надписям из Басы и из Наки, оставил свое имя также и в Каве (рис. 6). Это является веским доводом в пользу того, что цари Мероэ обладали властью также и на севере страны, и, если когда-либо и существовала независимая династия правителей Напаты, то они, возможно, имели власть только над небольшим районом вокруг самого города и что Мероэ, используя маршруты через Баюда и Вади-Мукаддам, был способен в обход Напаты держать под своей властью область ниже по течению реки.

Кто бы ни был царицей Мероэ — Аманиренас или Аманисхакете (которая произвела сильное впечатление на античный мир), в ходе конфликта с Римской империей Мероэ был побежден, хотя условия, выторгованные мероитским посольством на Самосе, не были чрезмерно тяжелыми, а победа римлян не была столь убедительной, как это представляют литературные источники.

Отношения с Римом продолжали под-держиваться. Существует надпись в Дакке, датируемая 13 г. до н. э., сделанная мероитским посольством под управлением человека по имени Гарпокрас. Она важна для уточнения хронологии, поскольку пове-ствует о предположительно о правящей ца-рице Мероэ. Таковой могла быть только Аманисхакете, поскольку знаменитая царица Аманитаре нигде не упоминается в над-

Рис. 7. Царь Шеркарер, поражающий своих врагов. Изображение на скале в Джебель-Геили

писях без своего мужа Нетекамани. Поэтому представляется, что Аманисхакете умерла не ранее 12 г. до н. э., так что мы можем с довольно большой уверенностью считать эту дату концом срока ее правления и началом совместного правления Нетекамани и Аманитаре. Другое свидетельство о контактах с Римом мы можем видеть в более позднем посольстве 253 г. н. э., когда Пасмун был послан царем Текеридеамани к римлянам. Об этом гласит стела в Фарасе, в которой Пасмут упомянут в качестве посла в Риме, а также и надпись на стеле из Каранога. Могли быть

и другие посланцы, путешествующие другими маршрутами, равно как и солдаты, посланные Нероном. В гробнице Рамзеса V в Фивах есть настенная надпись на мероитском языке, а информация, приводимая Плинием и другими авторами, позволяет предположить, что отдельные путешественники из подвластного римлянам Египта, если и не из самого Рима, бывали в Мероэ.

Храм Исиды в Филах был почитаемой святыней для народа, жившего на севере мероитской территории (в современной Нубии), и ежегодные паломничества в него в период зимнего солнцестояния должны были стать поводом для многочисленных контактов между мероитами и романизированными египтянами. Хотя храм находился на достаточном большом расстоянии, в глубине от римской границы, однако довольно миролюбивые условия Самосского договора позволяли достаточно просто пересекать границу в обоих направлениях.

Правления Аманисхакете и ее преемников Нетекамани и Аманитаре, бывших мужем и женой и правивших совместно, всегда упоминавшихся вместе и вместе изображаемых на храмовых рельефах, знаменуют собой период процветания государства, о чем свидетельствует их строительная активность. Нетекамани и Аманитаре, часто изображаемые также с одним из их сыновей, гораздо лучше известны по воздвигнутым им монументам, чем любые другие из правителей Мероэ. Они перестроили храм Амона в Мероэ и возвели два храма в Наге — Львиный храм, на стене которого они были изображены вместе с принцем Арикханхарером, и храм Амона, где рядом с ними изображен принц Арикахатани. Этот принц также присутствует на рельефе храма в Баркале, где его родители изображены восстанавливающими храм Амона, разрушенный римской армией. Некоторые из надписей сделаны на египетском языке, так что, подобно предшествующим правителям, они должны были для этих целей пригласить к себе ремесленников из Египта — картуши с их именами, ис-

полненными египетскими и мероитскими иероглифами на каменном основании священной ладьи, найденной в Вад-бен-Наге, дали ключ для расшифровки мероитских надписей.

Третий сын, Шеркарер, также известен по чрезвычайно интересной сцене, выбитой на скале в Джебель-Геили на юге Бутаны, где изображен царь, поражающий своих врагов, и которая является самым южным мероитским памятником, известным к нынешнему времени (рис. 7).

После правления Шеркарера и до конца мероитского царства предположительно существовал еще двадцать один правитель, но из всего этого периода до нас дошло известие только об одном событии — экспедиции или, возможно, двух экспедициях, отправленных в середине I в. н. э. императором Нероном. Это свидетельствует о продолжающемся интересе римлян к этому региону, с которым уже имелись торговые контакты. На всем протяжении I и II вв. н. э. имел место постоянный приток римских предметов роскоши в Мероэ — некоторые из них были найдены в царских погребениях, и более детальное их изучение может дать данные для более точной датировки. К сожалению, ни в одном из римских отчетов этих экспедиций нет имени правителя Мероэ того времени, когда экспедиция прибыла в столицу, лишь Плиний сообщает о том, что в тот момент правила царица, а до нее было сорок пять правителей.

С этого времени начинается явный упадок мероитского могущества. Царские погребения становятся беднее, в конструкции пирамид на смену кирпичу приходят обтесанные камни, а в гробницах более не обнаруживаются привезенные издалека предметы. Хотя контакты с романизированным Египтом еще поддерживаются, о чем свидетельствуют надписи в Филах, но контроль над северной частью царства становится очень слабым. Единственная точная дата относится к Текеридеамани; она приводится

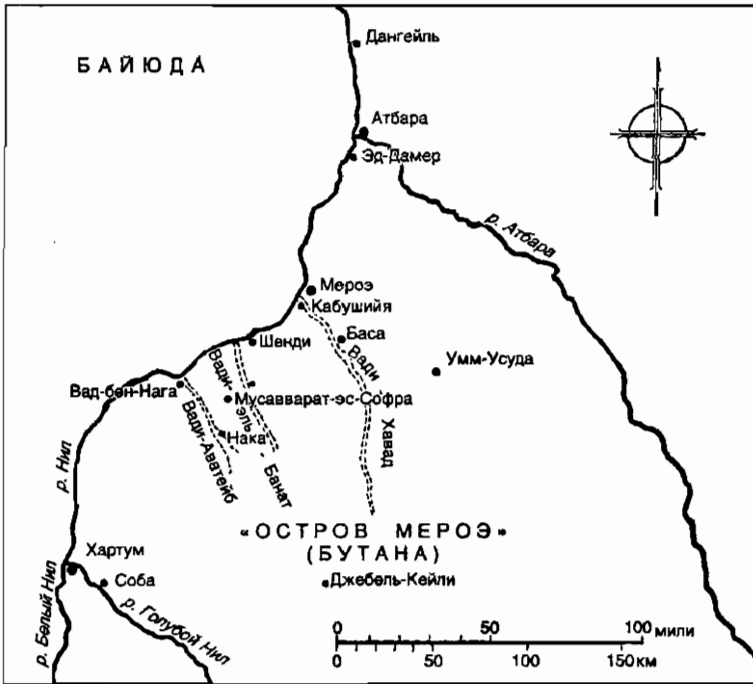

Рис. 8. «Остров Мероз»

в надписи, сделанной демотическим письмом¹ в Филе, которая гласит, что в третий год правления императора Требония Гая (что соответствует 253 г. н. э.) Текеридеамани отправил посольство с дарами храму в Филе. Еще один

¹ Демотическое письмо древних египтян, третья стадия развития египетского шрифта, образовалось из сокращения письма иератического. Термин «демотическое письмо» образован древними авторами (Геродотом и др.). Сами египтяне называли демотическое письмо (на розеттском камне) «сехи ен шаи» — «письмо для (обыкновенных) рукописей» в противоположность «сехи ен нутер джеху» — «письмо для слова божия». Отличительные черты демотического письма: упрощенность и стертость знаков до неузнаваемости, обилие лигатур, избыток определительных знаков, уменьшение числа и смешивание фонетических. Огромная трудность разбора отчасти облегчается установленностью чтения некоторых чаще встречающихся групп и лигатур

опорный временной пункт дает нам другая надпись, сделанная в 260 г. н. э., в которой царский сын Абрарои сообщает, что он отправился в Филы представлять там своего отца. Из этого мы узнаем, что Текеридеамани правил в период с 253-го и по крайней мере до 260 г. н. э.

Общепринятой датой конца Мероитского государства признан примерно 350 г. н. э. Дата эта основана на надписи царя Эзаны (около 325—375 гг. н. э.) из Аксума¹, которая считается описанием разгрома Мероэ аксумитской армией. Есть много оснований считать эту дату более поздней, поскольку позднейшие исследователи полагают, что Мероэ вполне могло потерять свое значение еще к тому времени, как армия Эзаны прошла маршем по Бутане. Текст этой надписи гласит:

«Да будет владычество Господа на земле, как и на небе! Эзана, сын Элла-Амида, из племени Халена, царь Аксума и Химайра, и Райдана, и Савы, и Салхена, и Сидамо, и Бега, и Касу, царь царей, сын Элла-Амида, не потерпевшего ни разу поражения от врагов. Да пребудет владычество Господа, создавшего меня, Господина всего сущего, возлюбившего царя, не потерпевшего поражения от врагов!

Язык демотических рукописей заметно отличается от того, на котором написаны иероглифические и иератические тексты. Это — переходная ступень к коптскому, объясняющая многие формы последнего. В нем замечается развитие вокализма, большая грамматическая определенность, особенно в синтаксисе. Таким образом, иероглифические и иератические тексты должны были не просто переписываться, а переводиться на демотический язык, получивший со времен эфиопского владычества официальную санкцию. Первые письменные демотические памятники (большей частью контракты) очень трудны для понимания; более доступны относящиеся к птолемеевской и римской эпохе, от которой сохранилась богатая и интересная демотическая литература самого разнообразного содержания.

¹ А к с у м — город на севере Эфиопии, в провинции Тигре, к западу от Адуа. Религиозный центр, место коронации негусов. Основан, видимо, около середины 1-го тыс. до н. э. переселенцами из Южной Аравии, позднее стал столицей Аксумского царства. Сохранились грандиозные обелиски-стелы с надписями на древнеэфиопском, греческом и сабейском языках. Раскопки древнего Аксума, начатые в 1906 г., продолжают.

По воле Господина всего сущего я выступил против Нобы, когда народ Нобы восстал, когда народ Нобы стал похваляться, что никто не перейдет Таказзе, когда они свершили насилие над народами Мангурто, и Хасы, и Барии. И черный народ повел войну против красного народа, и во второй и в третий раз нарушили они свою клятву, и без всякого повода они напали на своих соседей, и рассеяли наших посланников, и тех из нас, кого я послал к ним, чтобы спросили их, они ограбили и забрали их оружие. Когда же я снова послал к ним своих людей, они не послушали меня, и оскорбили меня, и прогнали их, то я пошел на них войной. И вооружился я мощью властелина своей страны, и сразился я за Таказзе у брода Кемалке. И побежали они после этой битвы, а я преследовал бегущих двадцать три дня, убив многих из них и взяв в плен остальных. И взял я богатую добычу, придя к ним, и отобрал у них пленников и трофеи, когда мои воины прошли маршем; и предал огню их города, с домами из камня и из соломы, а мои люди забрали их зерно и их бронзу, и сушеное мясо, и образа из их храмов, и уничтожили их запасы зерна и хлопка. И были враги сброшены в реку Седа, и многие нашли себе конец в ее водах — числа их я не знаю. А так как многие из них, мужчины и женщины, бросились к их лодкам, то утонули с ними. И я взял пленниками двух их соглядатаев, которые были посланы верхом на верблюдах разведать, по имени Йесака и Бутале, также и человек благородного рождения Ангабенави; а следующие вожди пали: Даноку, Дагале, Анаку, Хаварел, Каркара и жрец их, солдаты ранили его и взяли у него серебряную корону и золотое кольцо; и было их пять вождей, кто пали, и жрец.

И я вступил в Касу, убив многих из них и взяв других в плен, при слиянии рек Седа и Таказзе. И на следующий день после моего появления там я послал в бой войско махаза и войско хара, и данава, и фала, и сера, послал их вверх по Седе против городов с домами из камня и из со-

ломы; города их из камня назывались Алва и Даро. И они убили восставших и пленили их, и бросили их в воду, а сами вернулись невредимыми, ужаснув своих врагов и завоевав мне силу господина этой земли. И я послал войско лакен, и войско сабарат, фала и сера вниз по Седе против городов с домами из соломы, четырех в земле ноба и одного в земле негуес. Города из камня в земле Касу, которое взяло войско, были Табито и Фертоти, и они вступили на землю Красного Ноба, и мои воины вернулись оттуда живыми, пленив одних и предав мечу других, и они взяли там добычу во славу Господа.

И я воздвиг трон свой при слиянии рек Седа и Таказзе, напротив города с домами из камня, что возведен на полуострове. И Господь даровал мне: мужчин пленных 214, женщин пленных 415; всего же 629. Мужчин же убито 602; женщин и детей убито 156; всего же 758. Пленных же и мертвых 1387. Добычи же взято 10 500 коров и еще 60, и овец около 51 050. И я воздвиг трон здесь в Садо в честь Господа, что помог мне и даровал мне это во владение. Господь на небесах укрепил мое могущество. И Он даровал победу над моими врагами, хотя мог и обрушиться на меня, где бы я ни был. Но так как он даровал победу мне и развеял моих врагов, то я буду править по праву и справедливо, не делая плохого людям. И я воздвиг трон там, где я стоял, и земля, на которой покоится он, пребывает под покровительством Господа, который сделал меня царем, и кто покусится на него и посмеет низвергнуть его, он и его род будет выкорчеван и уничтожен; ни следа от него не останется на земле. И я воздвиг здесь трон во славу Господа!»

Из этой надписи ясно, что Эзана был царем Касу (то есть Мероз) еще до того, как военная кампания началась, что целью ее было не уничтожение Мероз, а подавление восстания племени Ноба, которое владело «островом Мероз». Свидетельство о более раннем аксумитском походе на Мероз, возможно, содержится в частично сохранив-

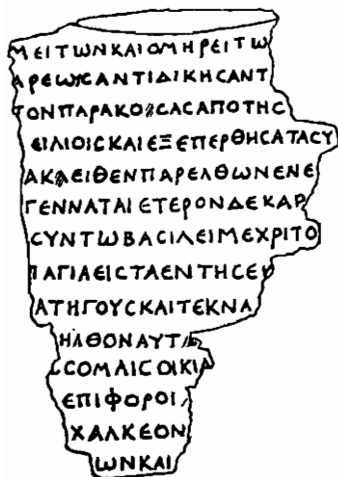

Рис. 9. Аксумитская надпись на древнегреческом языке из Мероз

шейся надписи, найденной здесь же (рис. 9). Фрагмент ее, сделанный на древнегреческом языке, определенно аксумитского происхождения, и, поскольку в нем упоминается бог Арес, он должен быть датирован периодом, предшествовавшим обращению Эзаны в христианство в 350 г. н. э. От текста осталось слишком мало, чтобы уяснить его полный смысл, но, поскольку в нем отсутствует полный титул Эзаны, то он может принадлежать одному из его предшественников и относиться к периоду ранее 325 г. н. э. Давление аксумитов вполне могло ослабить Мероз,

но не существует прямых свидетельств того, что город был взят, и из надписи Эзаны вполне можно сделать заключение, что первичным фактором заката государства стали набеги племени ноба.

Конец III в. был периодом освобождения народов из-под власти Рима, и приглашение Диоклетианом¹ «ноба-

¹ Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (Gaius Aurelius Valerius Diocletianus) (243 — Диоклея, — между 313-м и 316 гг., Салона, Далмация) — римский император в 284—305 гг. Был сыном вольноотпущенника; службу в армии начал рядовым. Выдвинулся при императоре Пробе, став наместником провинции Мезия; при императоре Нумериане командовал его вооруженной охраной, а после смерти Нумериана был провозглашен императором. С именем Диоклетиана связано установление домината — монархии по типу древневосточных деспотий. В целях преодоления социально-политического и экономического кризиса (конец III в.) Диоклетиан провел реформы, временно стабилизовавшие положение империи. Для укрепления центральной власти Диоклетиан в 286 г. назначил своим соправителем Максимиана, назвав его вторым августом, а в 293 г. разделил империю на четыре части (тетрархии), придав в помощь августам двух младших соправителей — цезарей Гая Галерия и Констанция Хлора.

тов» (вполне возможно, что это и есть уже упомянутые ноба или им подобные племена) в 296 г. н. э. для охраны южной границы романизированного Египта вполне симптоматично. Это привело к усилению изоляции и обнищанию Мероэ, что явственно видно по археологическим находкам, причем наиболее заметно по упадку стандартов в строительстве царских пирамид. Этот экономический упадок, возможное аксумитское давление и вторжение ноба, вероятно, и положили конец мероитскому правлению.

Существуют некоторые археологические находки, свидетельствующие о появлении на сцене нового народа в III в. Последнее кладбище в Мероэ (№ 300) является совершенно новым типом захоронений — с гончарными изделиями выраженного африканского типа, что сто-

Вся империя была поделена на 12 диоцезов, объединявших 101 или 120 провинций, территории которых не совпадали с прежними. Столицей оставался Рим, но резиденции правителей находились (одно временно) в Никомедии (Диоклетиана), Сирмии (Галерия), Медиолане (Максимиана) и Трире (Констанция Хлора). Диоклетиан усилил армию, увеличив ее численность за счет рекрутских наборов до 450 тысяч человек. Одна часть легионов постоянно стояла в определенных пограничных районах, другая перебрасывалась по мере необходимости. Диоклетиан упорядочил налогообложение, учредив прямой поземельно-подушный налог в натуральной форме, что отражало натурализацию экономики; пытался наладить финансы, введя полноценную монету; боролся со спекуляцией, издав 301 эдикт о ценах. Диоклетиан расширил власть земельных магнатов над зависимым населением и в то же время возложил на них ответственность за сбор налогов и за поставку рекрутов; издал ряд эдиктов в пользу мелких и средних землевладельцев (предусматривавших, в частности, расторжение сделки купли-продажи земель, ранее проданных за бесценок). Диоклетиан жестоко подавил восстания народных масс и сепаратистские движения в провинциях: в 285—286 гг. — багаудов в Галлии, в 290 г. — мавританских племен в Африке, в 294—295 гг. — узурпатора Ахилла в Египте, в 297 г. — узурпатора Каравсия в Британии. Диоклетиан и его соправители отразили нашествия племен карпов и языгов на Дунае, франков и алеманнов на Рейне, вели удачные походы против персов (в 286—287 гг. и 296—298 гг.), в результате которых римляне укрепили свое влияние в Армении и Иберии и захватили часть Месопотамии. В 303—304 гг. Диоклетиан предпринял гонения на христиан. В 305 г. совместно с Максимианом Диоклетиан добровольно отрекся от власти. Жил последние годы в поместье в Салоне (современный Сплит).

ит в резком контрасте с изделиями, носящими отпечаток римского влияния, характерными для более раннего искусства мероитской керамики. Эти погребения и связанные с ними изделия идентичны тем, что были раскопаны в Ушара, лежащем к югу от Омдурмана¹, и гораздо большего поселения в Тангази. Можно предположить, что очень большое количество (многие сотни) подобных холмов на западном берегу Нила также принадлежат этому народу и относятся к тому же периоду. Представляется вероятным, что где-то во второй половине III в. народ, который в аксумитской транскрипции именовался ноба, перекочевал из Кордофана на юго-западе речной долины и занял территорию Мероз.

К концу III в. мероитское могущество сошло на нет. Его культура продолжала существовать в какой-то видоизмененной форме в среде некоей «X-группы» северного народа, известного в основном по царским погребениям в Баллане и Квостоле. Народ этот занял Нижнюю Нубию, распространившись на юг по крайней мере до Фирки, где были раскопаны другие очень богатые находками курганы, и царил здесь с приблизительно с начала IV в. вплоть до проникновения христианства в середине VI в., принесшего с собой и культурные перемены. «X-группа» этого народа не идентична тем, кого предполагают под именем ноба, хотя они являются, по крайней мере частично, современниками, причем культурная граница между ними, а также, возможно, политическая и языковая, проходила где-то в районе между Фиркой и Тангази. Мы ничего не знаем о событиях, происходивших в этом регионе в течение того периода, однако исходя из современного уровня знаний можем предположить, что ноба жили в этом регионе вплоть до времени, когда они были обращены в христианство миссионерами Лонгина в 580 г. н. э.

¹ О м д у р м а н — город на территории нынешнего Судана, на реке Белый Нил, напротив Хартума.

Когда Лонгин появился на «острове Мероэ», он нашел столицу ноба (?) в местечке Алва, современном Соба. Алва уже упоминалось в надписи Эзаны, и, хотя некоторые ученые считают, что она относится к городу Мероэ, представляется более вероятным, что под ним понимается Соба, известная на протяжении Средневековья как Алва. Это ее нахождение в центре политического могущества дает основание предположить, что Мероэ был настолько разрушен, что уже не был пригодным в качестве резиденции правителей страны.

ХРОНОЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ МЕРОЭ

<i>Имя</i>	<i>Пирамида</i>	<i>Дата</i>
1. Кацта	Ку. 8	ок. 706—751 до н. э.
2. Пианхи	Ку. 17	751—716
3. Шабака	Ку. 15	716—701
4. Шебитку	Ку. 18	701—690
5. Тахарка	Ну. 1	690—664
6. Танветамани	Ку. 16	664—653
7. Атланерса	Ну. 16	653—643
8. Сенкаманискен	Ну. 3	643—623
9. Анламани	Ну. 6	623—593
10. Аспелта	Ну. 8	593—568
11. Амталка	Ну. 9	568—555
12. Маленакен	Ну. 5	555—542
13. Аналмайе	Ну. 18	542—538
Х И Н Ц Е		
14. Амани-натаки-лебте	Ну. 10	538—519 до н. э.
15. Каркамани	Ну. 7	519—510
16. Аманиастабарга	Ну. 2	510—487
17. Сиаспика	Ну. 4	487—468
18. Насахма	Ну. 19	468—463
19. Малевибамани	Ну. 11	463—435
20. Талакхамани	Ну. 16	435—431
21. Амани-нете-йерике	Ну. 12	431—405
22. Баскакерен	Ну. 17	405—404
23. Харсиотеф	Ну. 13	404—369
24. Неизвестный царь?	Ку. 1	369—350
25. Акратан	Ну. 14	350—335
26. Настасен	Ну. 15	335—310
27. Аманибакхи?	Ну. ?	310—295
28. Аракакамани	Гробн. S. 6	295—275
29. Аманисло	Гробн. S. 5	275—260
30. Царица Баргаре	Гробн. S. 10	260—250
31. Амани...текха?	Гробн. № 4	250—235
32. Арнехамани	Гробн. № 53	235—218
33. Аркамани	Гробн. № 7	218—200
34. Табирга?	Гробн. № 9	200—185
35.ивал?	Гробн. № 8	185—170
36. Царица Шанакдахете	Гробн. № 11	170—160
37. Неизв. царь	Гробн. № 12	160—145

Имя	Пирамида	Дата	События
			Погребения в Мероэ начиная с этой даты Вторжение Псамметиха II 591 г. до н. э. Аспелта — первое царское имя в Мероэ Имя в Мероэ Имя в Мероэ

Д А Н Х Э М

14. Амани-натаки-лебте	Ну. 10	538—520 до н. э.	Имя в Мероэ Камбиз 525 г. до н. э.
15. Каркамани	Ну. 7	520—511	
16. Аманистабарка	Ну. 2	511—489	
17. Сиаспика?	Ну. 4	489—471	
18. Насахма	Ну. 19	471—466	
19. Малевибамани	Ну. 11	466—439	
20. Талакхамани	Ну. 16	439—435	Умер в Мероэ. Указан в качестве предшественника № 21 в Кава IX
21. Амани-нете-йерике	Ну. 12	435—417	Первое упоминание в Мероэ
22. Баскакерен	Ну. 17	417—416	
23. Харсиотеф	Ну. 13	416—398	На 35 г. известно: царский дворец в Напате занесен песком
24. Неизвестный царь?	Ку. 1	398—367	
25. Акратан	Ну. 14	367—355	
26. Настасен	Ну. 15	335—337	Последнее определенное погребение в Нури Сражался с Хаббашем ок. 335 г. до н. э.?
26b. Аманибахи?	Ну.?	337—322	
27. (Арсхамани)	Бар. 11	322—315	
28. Аракакамани	Гробн. S. 6	315—297	
29. Аманисло	Гробн. S. 5	297—264	
30. Царица Бартаре	Гробн. S. 10	284—275	
31. Амани...теха?	Гробн. № 4	275—263	
32. (...пнайка?)	Гробн. № 53	263—248	
33. Эргаменес	Гробн. № 7	248—220	
34. Табирка?	Гробн. № 9	220—203	
35. Неизв. царь	Гробн. № 8	203—186	
36. (Нахирка)	Гробн. № 11	186—177	
37. Царица (Шанакдахете)	Гробн. № 12	177—155	Первая датированная надпись на мероитском языке

ХРОНОЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ МЕРОЭ *(продолжение)*

<i>Имя</i>	<i>Пирамида</i>	<i>Дата</i>
38. (Накринсан)?	Гробн. № 13	145—120
39. ((Таньидамани))	Гробн. № 20	120—100
40. ((...хале))	Гробн. № 21	120—80
41. ((...амани))?	Гробн. № 14	80—65
42. (Аманихабале)	Гробн. № 2	65—41
43. Царица Аманишахете	Гробн. № 6	41—12
44. Нетскамани	Гробн. № 22	12 г. до н. э. — 12 г. н. э.
45. Царица Аманитаре	Гробн. № 1	12 г. до н. э. — 12 г. н. э.
46. (Шеркарер)	Гробн. № 10	12 г. н. э. — 17
47. ((Писакар))	Гробн. № 15	17—35
48. Аманитарагиде	Гробн. № 16	35—45
49. Аманитенмемиде	Гробн. № 17	45—62
50. Царица Аманихаташан	Гробн. № 18	62—85
51. Тарекенивал	Гробн. № 19	85—103
52. ((Аманихалика))	Гробн. № 32	103—108
53. (Аритеннюсбехе)	Гробн. № 34	108—132
54. ((Агракамани))	Гробн. № 40	132—137
55. ((Адегетали))	Гробн. № 41	137—146
56. Такидеамани	Гробн. № 29	146—165
57. ((...регерем))?	Гробн. № 30	165—184
58.	Гробн. № 37	184—194
59. ((Теритдахатей))	Гробн. № 38	194—209
60. Арюсбехе	Гробн. № 36	209—228
61. Теритниде	Гробн. № 51	228—246
62. Аретниде	Гробн. № 35	246
63. Текеридеамани	Гробн. № 28	246—266
64. ((Тамалердеамани))?	Гробн. № 27	266—283
65. ((Юсбехеамани))?	Гробн. № 24	283—300
66. ((Лахидеамани))?	Гробн. № 26	300—308
67. ((Малегеребар))?	Гробн. № 25	308—32

П р и м е ч а н и е:

Арикхарер, потомок Нетекамани, указан царем только лишь на дощечке с надписью из Мероэ и не может быть включен в перечень правителей. Погребен в гробнице № 5.

? — имя известно не точно.

() — идентификация могилы сомнительна, но вероятна.

(()) — идентификация ненадежна.

<i>Имя</i>	<i>Пирамида</i>	<i>Дата</i>	<i>События</i>
38. (Нагринсан)?	Гробн. № 13	155—133	
39. ((Таньидамани))	Гробн. № 20	133—116	
40. ((Теритегас))	Гробн. № 21	116—99	
41. ((Аманиренас))	Бар. 4	99—84	
42. ((Акиннидал))	Бар. 2	84—69	
43. Неизвестный царь	Гробн. № 14	69—56	
44. Налдамак	Бар. 6	56—43	
45. (Аманихабале)	Гробн. № 2	43—26	
46. Царица Аманишахете	Гробн. № 6	26—20	Римское вторжение 23 г. до н. э.
47. Неизвестный царь	Бар. 9	20—10	
48. Неизв. царица	Бар. 10	10—0	
49. Натакамани	Гробн. № 22	н. э. 0—25	
50. Царица Аманитарс	Гробн. № 1	245—41	
51. (Шеркарер)	Гробн. № 10	41—45	
52. ((Теритедахатей))	Гробн. № 15	45—62	
53. Арюсбехе	Гробн. № 16	62—78	
54. Аманитенмемиде	Гробн. № 17	78—93	
55. Царица Аманихаташан	Гробн. № 18	93—115	
56. Неизвестный царь	Гробн. № 40	115—119	
57. ((...р..кенивал))	Гробн. № 41	119—128	
58. (Аритенюсбехе)	Гробн. № 34	128—150	
59. Такидеамани	Гробн. № 29	150—167	
60. Неизвестный царь	Гробн. № 30	167—184	
61. Тарекенидал	Гробн. № 19	184—201	
62. Неизв. царица	Гробн. № 32	201—205	
63.	Гробн. № 37	205—214	
64. ((Писападе))	Гробн. № 38	214—228	
65. Аманитерагиде	Гробн. № 36	228—246	
66. Тегеридеамани	Гробн. № 28	246—266	
67.	Гробн. № 35	266	
68. Неизвестный царь	Гробн. № 51	266—283	
69. Неизвестный царь	Гробн. № 24	283—300	
70. Неизвестный царь	Гробн. № 27	300—317	
71. Неизв. царица	Гробн. № 26	317—326	
72. Неизвестный царь	Гробн. № 25	326—339	

Глава 3

ГОРОДА, ХРАМЫ И КЛАДБИЩА

Основой мероитской цивилизации, как и цивилизации Египта времен фараонов, была река Нил. Хотя на собственно «острове Мероэ» и можно было возводить строения вдали от реки, все же именно Нил был основным объединяющим элементом, вдоль берегов которого расцветали главные центры мероитского могущества и культуры. Границы наибольшего распространения мероитского влияния, как позволяет нам понять нынешний уровень наших знаний, проходили недалеко от Дакки в Египетской Нубии и простирались на юге до Сеннара, лежащего вверх по Голубому Нилу. Расстояние между этими пунктами по прямой составляет около 700 миль; вдоль же течения реки, по каковой обычно и поддерживалась связь, это расстояние намного больше.

На большей части этого пространства единственно пригодной для обработки земель была только узкая полоска вдоль реки. Полоска эта, зачастую составлявшая в ширину не более сотни ярдов, весьма характерна для Нубии, от северной мероитской границы на территории современного Египта, и на значительном пространстве ее южной территории вплоть до слияния Арбары с Нилом. С другой стороны простирается бесплодная выжженная земля, уходящая к югу до холмов, которые вытянулись вдоль берега Красного моря, и к западу — через пески Ливийской пустыни и Сахары до самой Атлантики. Выжить в этих песках могли только кочевники, и, хотя они тоже внесли свой вклад в ис-

торию долины Нила, нет никаких сомнений в том, что и Мероэ имел на них свое определенное влияние, будучи прежде всего цивилизацией оседлого народа по берегам реки.

Южнее Дакки река петляет по негостеприимной местности, хотя ее первоначальный вид намного изменился после строительства первой Асуанской плотины¹ и последовавшего вслед за этим повышения ее уровня. В местности этой нет поселений напатамского или раннего мероитского периода. При раскопках захоронений и поселений, обнаруженных здесь экспедициями, работавшими в этом регионе накануне его затопления водами Асуанского моря, почти нет находок, относящихся к периоду ранее I в. н. э. Вполне вероятно, что лишь после начала применения *saqia* — приводимого в движения быками оросительного колеса, что произошло во II или III вв. до н. э., — здесь стало возможным возделывание земли.

Провинция Додесасконус, расположенная сразу выше Фил по течению реки, похоже, оставалась в руках Птолемеев или римлян, ибо никаких следов мероитских поселений не было здесь обнаружено севернее кладбища в Гарбе, чуть южнее Махарраги. Временная военная оккупация вполне могла иметь место, а трудности, с которыми столкнулись в Верхнем Египте Птолемей IV Филопатор и Птолемей V Епифан, вполне могли вызвать кратковременное мероитское вторжение во времена Аркамани, поскольку он оставил свое имя в Филах,

¹ В период строительства первой Асуанской плотины были осуществлены изыскания, проводившиеся в этом районе между 1907-м и 1911 гг. Их результаты были опубликованы в нескольких томах «Archeological Survey of Nubia». Увеличение высоты плотины стало причиной новой серии изысканий, осуществленных в 1929—1931 гг., с публикацией результатов (*W.B. Emery and L.P. Kirwan. Excavation and Survey Between Wadies Sebua and Adindan*). Строительство новой плотины стало толчком к большим археологическим работам в период нескольких последних лет. Хотя большинство результатов этих работ еще не опубликовано, все же они вряд ли приведут к пересмотру картины мероитского периода в Нижней Нубии. (*Примеч. авт.*)

а также и строение в Дакке. В ходе семнадцатилетнего правления Птолемея V Эпифана египетское владычество над Додесасконусом было восстановлено, другое же вторжение мероитов, возможно, произошло лишь в 23 г. до н. э. После этого римская граница, подобно ранее птолемеевской, была твердо установлена по Хиера-Сикаминос, современной Махарраге.

Часовня Аркамани в Дакке, античном Пселцисе, является, таким образом, самым северным мероитским монументом. Эта часовня составляет часть храма, другие же его части были пристроены к ней в более поздние времена. В комплексе имеются постройки нескольких правителей из династии Птолемеев, а внешний двор представляет собой уже творение римлян. Поскольку среди построек есть и строения Птолемея IV, бывшего современником Аркамани, то должно было существовать нечто вроде сотрудничества между Мероэ и Египтом Птолемеев.

К югу от Вади-эс-Себуа следы мероитского влияния становятся более распространенными, так что Эмери и Кирван предположили, что большое поселение в этом месте, связанное с обследованным ими кладбищем № 150, и было настоящим пограничным городом. К югу от этих мест в начале II столетия н. э. существовал целый ряд небольших поселений, но на этом северном пределе мероитской территории далее к югу не было обнаружено никаких городов и храмов. Большинство кладбищ должно быть связано с селениями, подобными тому, что неподалеку от Шаблула.

Караног, расположенный рядом с современным городом Аниба и напротив крупного форта Каср-Ибрим, был, как представляется, более значительным центром, но большая часть сохранившихся в нем строений относится уже к постмероитскому периоду, равно как и строения в самом Каср-Ибриме. Кладбище, открытое здесь, по-видимому, тоже более позднего времени, поскольку на нем нет захоронений ранее I в. н. э. Это же можно

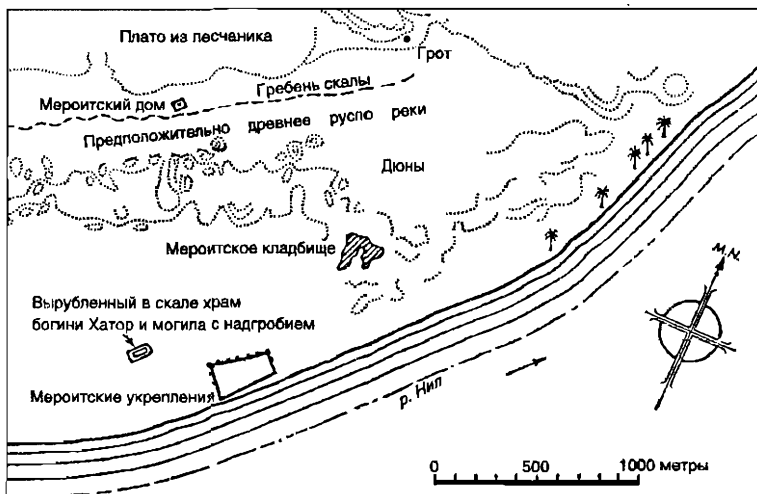

Рис. 10. Карта области Фарас

сказать и о недавно раскопанном кладбище в Тошке, где единственная найденная надпись относится к III в. н. э. Далее к югу, севернее Абу-Симбела, расположены незначительные города, относящиеся к самому концу мероитского периода.

Сразу же за суданской границей, там, где начинается гораздо более возделанная земля, находился крупный город Фарас (рис. 10). Место это, называвшееся мероитами *Пахорас*, прежде располагалось на острове (ныне, из-за изменения русла Нила, оно оказалось на его западном берегу) и было столицей мероитской провинции *Акин*, включавшей в себя Нижнюю Нубию и управлявшейся вице-королем, носившим титул *Песаме*.

От мероитского периода здесь осталось большое кладбище, в котором раскопано более 2000 захоронений. Из расположения могил и обнаруженных в них материалов Гриффит вывел типологию и хронологию захоронений, которая, вплоть до самого последнего времени, оставалась нашим единственным ориентиром для датировки керами-

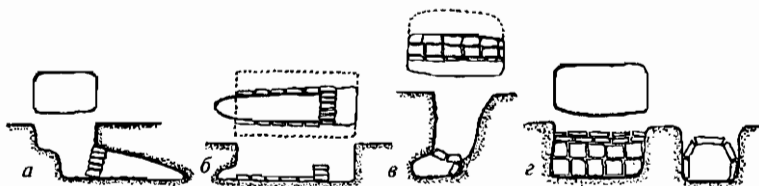

Рис. 11. Типы захоронений в Фараосе: а — гротовые захоронения; б — захоронения в донных нишах; в — поперечные захоронения в нишах; г — прямоугольные захоронения

ки (рис. 11). Захоронения на этом кладбище имелись трех основных типов, самый ранний из которых, названный Гриффитом «гrotовые захоронения», относился к поздней эпохе Птолемеев. Он состоял из ступенчатой шахты с напоминающей грот погребальной камерой по одну сторону, вход в которую обычно был закрыт камнем или тесаными каменными блоками. В более раннем из двух подтипов, «захоронениях с ножными браслетами», тела усопших располагались с обращенными ко входу ногами, то есть в положении, позднее не встречавшемся никогда, кроме как в напатанский период. Термин «захоронения с ножными браслетами» использовался потому, что на телах часто имелись ножные браслеты с подвесками, подобные тем серебряным браслетам, что и в наши дни носят некоторые суданские женщины. Кроме этих браслетов, в захоронениях почти не встречается никаких других предметов. Второй и более поздний подтип гротовых захоронений имеет отверстие погребальной камеры, обращенное к западу, тело помещалось головой к входу. Ножных браслетов в захоронениях этого типа не обнаружено, но в значительных количествах имеется керамика и другие античные поделки.

Второй основной тип, «захоронения в нишах», снова встречается в двух разновидностях, причем первый из них, «с донными нишами», характерен расположенной при основании нишей; второй же, с боковой нишей, известен как «поперечные захоронения» и имеет допол-

нительную особенность в виде плоского или сводчатого потолка, выложенного камнем. Все эти захоронения предположительно датируются I и II вв. н. э.

Последний тип, «прямоугольные захоронения», представляет собой прямоугольные углубления с выложенными тесаным камнем сторонами; в некоторых из них было найдено более чем одно тело. Все они содержали большое количество различных предметов древности, в том числе большое разнообразие керамики. Захоронения этого типа обычны для Фараса и представляют собой позднейшие из истинно мероитских захоронений (рис. 11).

Кроме этих основных типов в Фарасе было обнаружено несколько захоронений с расположенными выше поверхности земли квадратными надгробиями из тесаного камня и усыпальницами рядом с восточной стеной. Подобные захоронения были обнаружены также в Шаблуле и Анибе, где их приняли за мастабы¹. Более вероятно, однако, что они являются остатками пирамид.

Местоположение основной части города не было определено достаточно точно, но были найдены и раскопаны некоторые официальные строения (рис. 12). Одно из них, «Западный дворец», расположено в западной части города и стояло предположительно на западном берегу ныне высохшей протоки реки. Строение, сложенное из высу-

¹ М а с т а б а (араб., буквально — каменная скамья) — современное название древнеегипетских гробниц периодов Раннего (около 3000 — около 2800 гг. до н. э.) и Древнего (около 2800 — около 2250 г. до н. э.) царств. Состоит из соединенных вертикальной шахгой наземного прямоугольного в плане сооружения с наклоненными к центру стенами и подземной погребальной камеры с несколькими помещениями. Снаружи стены мастабы Раннего царства облицовывали кирпичом (I династия) или камнем (II династия), членили нишами, ярко раскрашивали (гробница царицы Хер-Нейт в Саккаре). В мастабах Древнего царства наземная часть имеет строгий наружный объем с гладкими стенами и сложную внутреннюю планировку (залы, коридоры, кладовые; гробница начальника сокровищницы Ахетхотепна и его сына Птаххотепа в Саккаре, эпоха V династии). Во внутренних помещениях мастабы располагались статуи (вместилища душ умерших), стены покрывались рельефами и росписями.

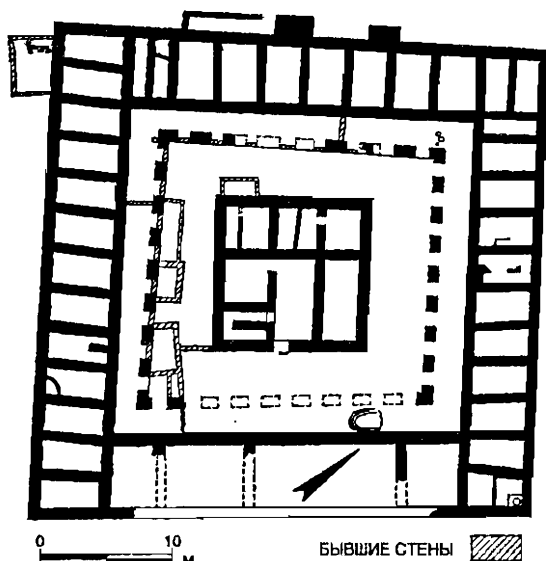

Рис. 12. План Западного дворца, Фарас

шенных на солнце саманных блоков, состоит из галереи, окружающей внутренний двор. К галерее, в свою очередь, примыкает ряд небольших помещений, окружающих центральное строение. Основываясь на предметах, найденных в нем, оно может быть датировано I в. н. э. или чуть более ранним периодом.

Большая стена, окружавшая основную насыпь, под которой был обнаружен собор VIII в. н. э., была использована и трансформирована во времена христианства. Сама стена была сложена из небольших блоков песчаника до высоты примерно четырех метров, а выше были использованы высушенные на солнце саманные кирпичи до высоты восьми метров. О существовании основательных мероитских строений говорит наличие блоков из тесаного камня, которые были вторично использованы в христианские времена при строительстве окружающих собор стен и отделке порталов.

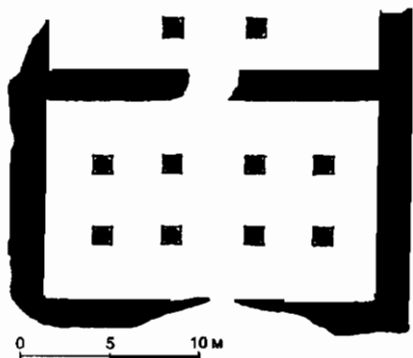

Рис. 13.

План храма в Амара-Ист

В районе, расположенном непосредственно к югу от Фараса, мероитские находки очень редки, но в Акше и Аргине были обнаружены кладбища. Совсем рядом с труднопроходимой местностью Второго порога, на восточном берегу реки, расположено богатое кладбище Ге-маи. В этом месте береговые скалы теснят реку до ширины чуть больше сотни метров и образуют естественный рубеж, по которому в былые времена египетские фараоны Среднего царства провели границу своих владений и построили целый ряд крепостей, которые должны были сдерживать южных варваров. В этом регионе найдено весьма мало свидетельств мероитского распространения, хотя в последние несколько лет и был раскопан один из чрезвычайно немногочисленных жилых мероитских домов, найден каменный блок с картушем мероитского царя, возможно Аманисло, а в крепости около Семны обнаружено небольшое количество мероитских поделок.

К югу местность остается все такой же негостеприимной, красноречиво названной по-арабски *Бас-эль-ха-гар*, «Брюхо скал». Только после селения Фирка скалы несколько отступают от русла реки, давая возможность возделывать землю.

В нескольких милях выше по течению был расположен храм в Амаре, от которого ныне не осталось и следа, хотя

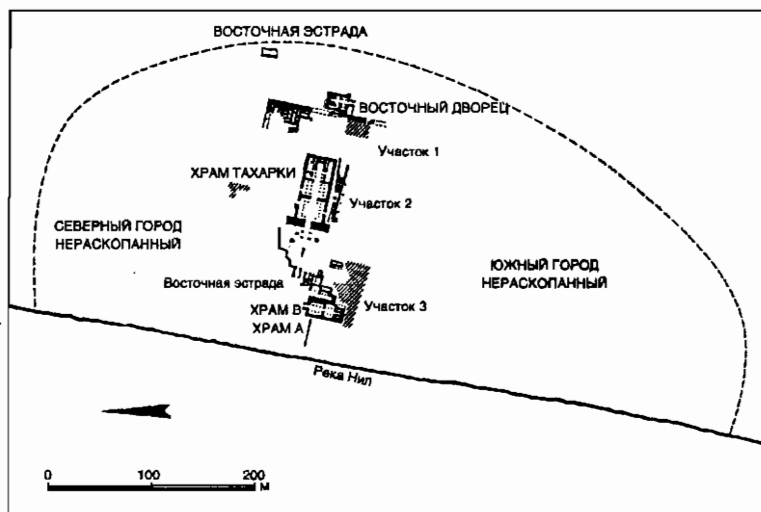

Рис. 14. План храмов в Каве

его видели и описали несколько путешественников прошлого века. Бадж также описал его, хотя совершенно ясно, что храм не мог стоять тогда, когда ученый побывал в этом месте. План храма снят Лепсиусом. Состоял он из зала с восемью колоннами и внешнего двора, ограниченного по крайней мере вдвое большим числом колонн (рис. 13). Важным обстоятельством является то, что на колоннах имелись надписи с именами Нетекамани, Амани-таре и принца Шеркарера, представляющие собой самое северное упоминание этого царя и самую северную надпись, сделанную мероитскими иероглифами. Представляется, что храм этот был посвящен богу Амону.

Южнее, по направлению к Донголе, орошаемые земли становятся обширнее и более часто встречаются следы иноземного захвата. На большом острове Арго находятся две колоссальные статуи, возможно царя Нетекамани, которые должны были стоять по обе стороны главного входа в храм, руины которого еще допускают

возможность идентификации (фото 23). Другим важным историческим местом (напротив современного города Донгола) является Кава, где стояли храмы и находился большой город, история которого восходила к временам Нового царства (рис. 14). Основная часть храмов относится к домероитскому периоду, большая часть построек осуществлена Тахаркой; но есть и чисто мероитские постройки, например колонны во внешнем дворе храма В, возведенного Харсиотефом. Святилище этого храма и пилоны при входе относятся к

Рис. 15. Рельефы на пилонах храма В, изображающие Амона-Ра и других богов

более позднему времени (рис. 15). Фигуры на рельефах лишены обычной мероитской полноты и стеатопигии¹ и носят отчетливый оттенок влияния Птолемеев, что позволяет датировать их III в. до н. э. Храм А, хотя и основанный XVIII династией и восстановленный Тахаркой, совершенно определенно использовался в мероитскую эпоху, а имя царя Арнехамани, позднее ставшее известным по надписям в Мусавварат-эс-Софре, впервые было обнаружено в святилище этого храма на бронзовой голове Исиды (фото 36). Пол храма, похоже, был перенесен в I в. до н. э., возможно в годы правления Аманишахете, а стела с именем Ариамани была использована в качестве одной из плит пола.

¹ Стеатопигия — особенность человеческого сложения — крупная «пятая точка», характерная для аборигенов отдельных районов Африки и считающаяся там непременным атрибутом красоты. (Примеч. пер.)

Храм Т, великий храм Тахарки, также функционировал в мероитские времена, Аспелта устроил там усыпальницу в гипостильном зале¹. В нем обнаружен целый ряд надписей с именами мероитских царей, в том числе большая надпись в честь Амани-нете-йерике, а также другие, сделанные мероитской скорописью.

Некоторые строения были возведены здесь в период правления Аманишахете, которая, как и Акинидад, оставила свое имя на песчаниковом блоке.

Так называемый Восточный дворец, прямоугольное здание из саманных кирпичей, определенно мероитского происхождения, относится, вероятно, к I в. до н. э. По обеим сторонам его каменного входа возлежат небольшие львы из красного песчаника, посвященные, возможно, богу-льву Апедемаку.

Из-за сильной степени разрушенности зданий раскопки в жилой части города принесли мало результатов, но позволили установить, что захваты этой территории продолжались по крайней мере до III в. н. э., когда город и храмы сильно пострадали от огня.

Выше Кавы по течению нет сколько-нибудь важных пунктов вплоть до Напаты, хотя здесь и были обнаружены остатки небольших поселений и отдельные артефакты (рис. 16). На карте видно расположение населенных пунктов в напатанскую и раннюю мероитскую эпоху. Хотя точное расположение города Напаты пока остается неустановленным, все царские кладбища в Курру, Нури и Джебель-Баркале были изучены исследователями.

Поскольку кладбище в Курру полностью напатанское, Танветамани был последним правителем, погребенным здесь. В Нури расположены самые ранние мероитские царские погребения, хотя даже здесь, в соответствии с достаточно произвольной приведенной нами археологической линией, первые четыре царских погребения дол-

¹ Г и п о с т и л ь — архитектурный термин, означающий залу, галерею и всякое другое внутреннее помещение, потолок которого подпирается снизу колоннами.

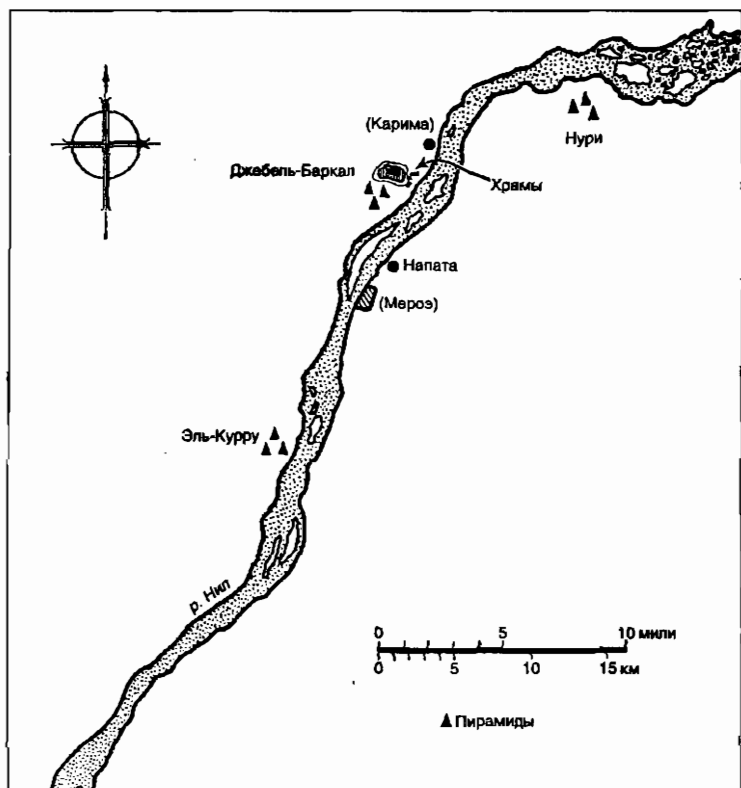

Рис. 16. Область Напата

жны считаться напатанскими. Тахарка был первым, погребенным здесь, хотя его преемник снова упокоился на кладбище в Курру. Кладбище расположено примерно в шести милях по течению выше современного города Карима и на противоположном (то есть на левом, или восточном) берегу реки. На двух невысоких хребтах холмов, отстоящих примерно на расстоянии мили от реки, находятся восемьдесят две отдельные гробницы, большинство из которых, а возможно, и все, были некогда пирамидами. Это стало возвращением к способу царских захоронений.

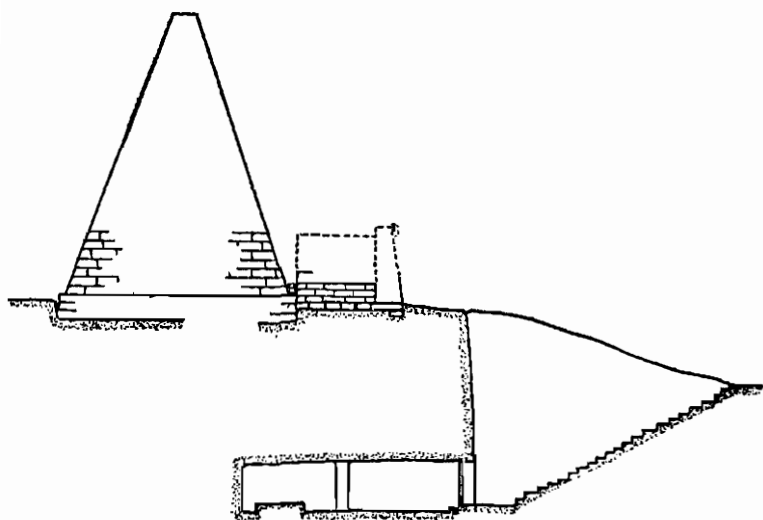

Рис. 17. Разрез типичной мероитской пирамиды и погребальной камеры

ний, бывшим обычным для египтян Древнего царства и встречающегося позже, но не использовавшегося для царских погребений с начала XVIII династии. Эти новые кушитские пирамиды появились сначала в Курру, где самая ранняя из них принадлежит Пианхи. Небольшие размеры и заостренные вершины большинства из них позволяют предположить, что их строители были вдохновлены частными пирамидами, широко применявшимися в Египте с эпохи XVIII династии и известным, в частности, по Дейр-эль-Медине. Такие пирамиды продолжали строиться вплоть до начала XX династии и вполне могли появиться тогда в Куше, поскольку гробница Аменемхата в Шейх-Овейс-эль-Куруну неподалеку от Серры, относящаяся к периоду XIX династии, по всей вероятности, увенчана именно такой пирамидой. Типичная мероитская пирамида с часовней и погребальной камерой показана на рисунке (рис. 17).

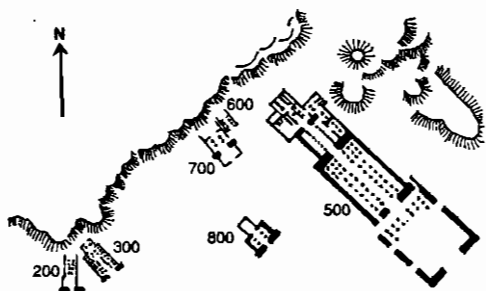

Рис. 18. Окрестности
Джебель-Баркала

Можно заметить, что первая пирамида, принадлежавшая Тахарке, расположена в самой возвышенной и благоприятной точке гребня, а каждая последующая располагалась на все менее благоприятном месте. В дополнение к этому географическому моменту, пирамиды можно объединить в несколько хорошо различимых типологических групп, которые и были проанализированы во всех подробностях Данхэмом. Он составил план гробниц с привязкой ко времени строительства различных их типов. Анализ этот касается не только конструкции самих пирамид, но и учитывает конструкцию часовен, способы доступа к погребальной камере, вид порталов, устройство погребальных камер и способы захоронений.

Кладбище это использовалось со времени Тахарки вплоть до правления Настасена, после чего царские погребения осуществлялись в Мероэ, за исключением нескольких в Баркале. Все пирамиды находятся ныне в руинообразном состоянии, потому что они не только построены из мягкого песчаника, плохо противостоящего влиянию времени, но и были разграблены и разрушены еще в древности.

Местоположение города Напаты не было установлено со всей определенностью, хотя он, вероятно, находился на левом берегу реки, в непосредственной близости к северу от современного города Мероэ. В этом ме-

сте существуют заметные следы завоевания, храм и большое кладбище, раскопанное Гриффитом. Большая часть находок датируется напатанским периодом, а храм воздвигнут Тахаркой. Имеются и более поздние следы — Аспелта устроил здесь гробницу; там же был найден каменный блок с именем Малевибамани на нем.

На противоположном берегу реки находится большой холм, известный как Джебель-Баркал, возвышающийся примерно футов на триста¹ над окружающей его равниной. Это заметный ориентир, который вполне мог считаться в древности священным. У его подножия на берегу реки расположено несколько значительных храмов и небольшая группа пирамид (рис. 18). Стоящие здесь храмы проще всего идентифицировать по номерам, присвоенным им Райснером. Хотя № 500, большой храм Амона, был начат строительством во времена Нового царства, основной период его возведения пришелся на напатанскую эпоху, большей частью на периоды правления Пианхи и Тахарки. Значительные восстановительные работы и строительство нескольких новых зданий были проведены мероитскими правителями во время частичного восстановления своей власти в VI в. до н. э. Функционирование этого храма в течение долгого периода времени подтверждается находками в нем стел Аспелты, Харсиотефа, Таньидамани и царицы Сахмак, супруги Настасена. Внешний двор исследователи обычно датируют мероитским периодом (примерно 300—100 гг. до н. э.). Имя Нетекамани, обнаруженное у входа во внутренний вестибюль, предположительно связано с самой последней реставрацией храма, произведенной в годы его правления.

Храм № 600 представляет собой небольшую часовню мероитского периода, на строительство которой пошли блоки из стен храма Тутмоса IV, стоявшего здесь в те времена. Она состоит из внутреннего помещения с не-

¹ Около 90 метров.

высокой платформой, на которую ведет лестница, внешнего помещения с четырьмя колоннами и портика с семью колоннами.

Южнее храма № 600 и напатанского храма № 700 расположены два небольших храма частично мероитского периода, значащиеся под номерами 800 и 900. Предположительно они были построены Пианхи, но затем перестроены и дополнены пристройками в I в. до н. э. В одном из помещений был обнаружен тайник с примерно двадцатью фрагментами гранитных статуй Тахарги, Танветамани, Сенкаманискен, Анламани и Аспелты. Поскольку некоторое число таких же гранитных фрагментов было обнаружено и в большом храме (№ 500), было высказано предположение, что все эти статуи первоначально стояли здесь. Представляется, что эти статуи намеренно были разрушены в храме № 500, а поскольку последняя из них была статуей Аспелты, заманчиво усмотреть в этом разрушении последствия нападения на Напату войска Псамметиха II в 591 г. до н. э.

Помимо этих храмов, имеется также группа близлежащих пирамид, датировка которых весьма проблематична. Большая часть этих пирамид приблизительно вписывается в хронологическую таблицу, но лишь в одном-единственном случае мы с определенностью можем установить имя владелицы гробницы — царицы Налдамак.

Выше Напаты по течению имеется длинная полоса местности, тянущаяся через каменистый и ненаселенный район Четвертого порога и далее, вплоть до Дангели, на которой до настоящего времени неизвестно существование мероитских поселений. Собственно Дангели, в котором была обнаружена одна мероитская надпись, был, по всей видимости, довольно крупным городом, в котором, помимо древних развалин, существует и большое прямоугольное обнесенное стеной пространство размером 318 на 144 шага, причем стены эти сделаны из саманного кирпича, облицованного обожженными плитками. Именно обожженные плитки и дали название этому месту, кото-

рое на местном наречии означает «красные кирпичи». Есть здесь еще несколько поселений, гораздо меньшего размера, ни одно из которых еще не было в полной мере изучено.

Южнее слияния Атбары с Нилом местность меняется, и перед нами предстает широкая равнина Бутана, замкнутая реками Нил, Атбара и Голубой Нил, — классический «остров Мероэ». Уровень ежегодно выпадающих здесь осадков позволяет существовать различным видам жизни. Реки, русла которых пересыхают только в самое сухое время года, дают возможность возделывать поля и вдали от них, а козы и крупный рогатый скот могут питаться травой, изобильно произрастающей в этих местах. В западной части этой равнины можно обнаружить много следов мероитских поселений, именно здесь и развивалась мероитская цивилизация. Ни одного мероитского селения не известно в восточной части Бутаны, что подтверждает суждение о том, что цивилизация эта была преимущественно речного типа.

Из всех поселений в этом районе город Мероэ, не считая современного селения Бегаравийя, являлся самым значительным (рис. 19). Будучи столицей страны и местопребыванием царей с примерно VI в. до н. э. и по IV столетие н. э., город занимал большое пространство на восточном берегу реки. На лежащей к востоку от него равнине расположены храмы и кладбища, равнина же замыкается цепью невысоких холмов, на которых возвышаются пирамиды, места погребений правителей и их семей.

Наши сведения об этом городе получены в основном из обработки материалов раскопок, проведенных здесь с 1909-го по 1914 г. Гарстэнгом. К сожалению, только результаты раскопок первого сезона были опубликованы во всех подробностях, что же касается последующих сезонов, то о них мы имеем лишь краткие сообщения. Царские кладбища, расположенные примерно в двух милях от города к востоку, были исследованы Райснером, результаты их полностью опубликованы.

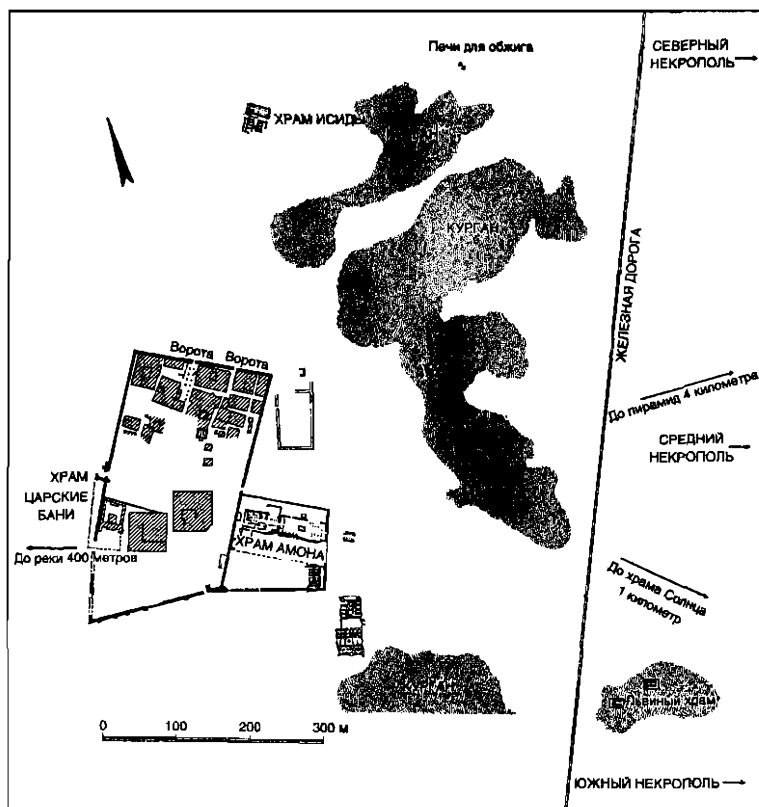

Рис. 19. План города Мероэ

Многие годы точное местоположение города оставалось неизвестным, хотя даже самые первые путешественники, такие, как Ферлини и Брюс, вполне справедливо предполагали, что руины, которые они видели, остались от хорошо известного во времена античности города. Даже Бадж и Уард в 1905 г. не могли сказать, где находятся руины Мероэ, и лишь с раскопками Гарстэнга было точно определено его местоположение.

Раскопки эти производились методом тотального вскрытия, традиционным в те дни в долине Нила, и этим обстоятельством объясняется то, что из ежегодных отчетов о раскопках очень трудно извлечь описание тех частей города, которые были раскопаны. Тем не менее, сопоставляя опубликованные результаты с личными описаниями участников этих раскопок, можно получить представление о центре мероитской цивилизации.

Значительная часть городской территории, скрывающаяся под многочисленными холмами, усыпанными обломками красных плиток, все еще остается нераскопанной, но в изученной ее части основными элементами являются храм Амона — обнесенное стеной пространство, включающее в себя «дворцы», королевскую купальню и много других строений, названных археологами «царским городом». Расчищены также Львиный храм, храм Исиды, расположенный несколько восточнее города храм Солнца, а также кладбище, не содержащее царских захоронений. Нераскопанная часть скрывается под холмами отходов от производства железных изделий, которыми славился Мероэ. Шесть больших холмов шлака и других отходов железодельного производства можно наблюдать на западной и южной окраинах города.

ХРАМ АМОНА

Это было самое большое из раскопанных отдельно стоящих строений (фото 4). Оно имеет 450 шагов в длину, доступ к нему осуществляется через небольшое строение — гробницу. Вдоль стены, идущей от нее к храму, расположены четыре каменных овна. Единственным указанием на дату строительства этой гробницы является пошедший на ее создание каменный блок из другого здания с именем Аманитаре на нем (рис. 20). Храм построен в основном из саманных кирпичей,

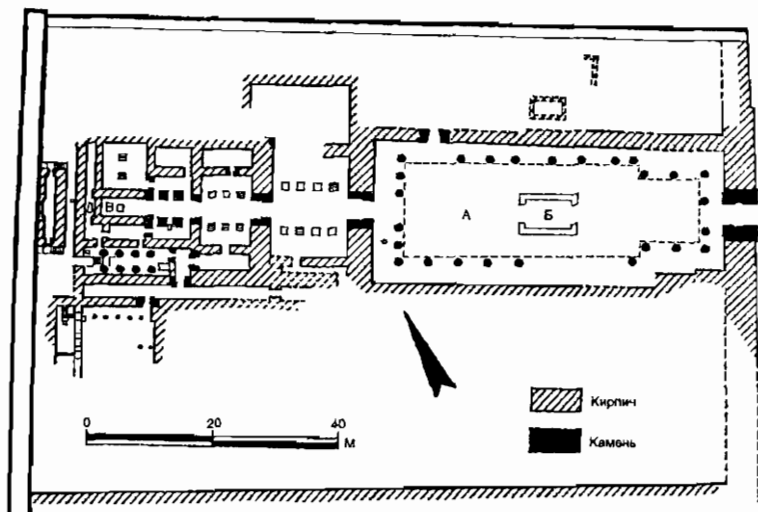

Рис. 20. План храма Амона

причем лишь фасад выложен обожженными кирпичами; колонны, пилоны и фасады построены из блоков песчаника. Храм состоит из внешнего зала (А) перистильного типа, в котором можно различить по крайней мере два периода строительства. Посередине зала находится небольшая каменная гробница (Б) с именами Нетекамани и Аманитаре на стенах, а к западу от нее — каменное возвышение с вырезанными на нем изображениями связанных и коленопреклоненных пленников. За этим залом следуют несколько меньших, ведущих к святилищу (В), в котором находился алтарь, украшенный религиозными сценами (фото 3). Так называемый «Колонный зал» (Г) представляет собой необычную особенность храма: его предназначение не вполне ясно. Колонны расписаны голубыми и другими красками по белой штукатурке, а западная оконечность представляет собой возвышенный помост, к которому ведут несколько ступеней.

ЦАРСКИЙ ГОРОД

Раскопки проводились почти исключительно на пространстве, ограниченном большой стеной вдоль западной окраины города, и непосредственно к западу от храма Амона. Именно эта стена и дала название «эс-Сур» (по-арабски «стена») месту раскопок в начале XIX в. В пределах этого обнесенного стеной пространства были обнаружены остатки нескольких строений различного времени, некоторые из них значительной сложности.

Кроме строений хозяйственного назначения была здесь и выдающаяся постройка, обычно именуемая «Римскими термами». Она состоит из большой выложенной кирпичом цистерны с развитой системой водяных труб, соединенных с расположенным неподалеку источником. Карниз, опоясывающий верхнюю часть цистерны, украшен лепными фигурами и медальонами, а также водосточными трубами в виде львиных голов. Все эти устройства были расписаны, а на верхнем участке стены обнаружены остатки фресок. Как общая конструкция, так и богатая отделка дают возможность с большой долей вероятности предположить, что это было место для отдыха, скорее всего плавательный бассейн, местный вариант хорошо известной детали средиземноморской жизни того периода.

Одно из строений в пределах этого пространства представляет особый интерес, поскольку именно перед входом в него и была найдена знаменитая голова Августа, помещенная в «карман» из чистого песка. Имеющееся описание этого небольшого храма гласит:

«...его внутренние стены покрыты штукатуркой и украшены в варварском стиле пышными фигурами. Сцены изображают царя и царицу Эфиопии, их приближенных и, возможно, их союзников, а также нескольких пленников, принадлежащих к другой расе. В центре этого строения возвышается еще одна постройка, без всякого сомнения представляющая собой пьедестал для ста-

туи или скульптурной группы. Колонны основного здания укорочены, их капители срезаны и использованы вторично, возможно для того, чтобы поддерживать полог над статуей. К сожалению, неумолимое время не пощадило эту статую, от которой не осталось ничего, хотя камни пьедестала ясно видны».

Последние исследования не обнаружили каких-либо следов всех этих росписей. Очевидно, они совершенно исчезли за последние пятьдесят лет, будучи никак не защищены от действия погодных факторов. Видимо, здесь существовали два частично перекрывающих друг друга строения, а упомянутые укороченные колонны на самом деле являлись основаниями для колонн более позднего здания. В еще одной постройке использовано много блоков, выполненных в стиле, позволяющем предположить, что они первоначально входили в состав другого здания. Остатки штукатурки на уровне двери верхнего строения позволяют предположить, что это строение относится к более позднему периоду. Обнаружение головы Августа подталкивает к мысли, что более позднее здание было возведено в честь похода на Сиену, и сделать вывод, что пьедестал был первоначально предназначен для статуи Августа, которая, как известно, была там захвачена.

В последнем выпуске *Fourth Interim Report* Гарстэнг разделяет историю города на три периода — ранний, приблизительно 650—400 гг. до н. э., средний, 300—1 гг. до н. э., и поздний, с 1-го по 350 г. н. э., — и делает попытку установить принадлежность строений к этим периодам. Попытка датировки была затруднена отсутствием какого-либо точного знания мероитской истории того времени, а также (вплоть до последнего сезона раскопок) убежденностью в том, что мероитское присутствие продолжалась вплоть до 700 г. н. э. Вполне возможно, что столь поздняя датировка возникла из-за христианского поселения, которое Гарстэнг, по его словам, открыл на холме, скрывавшем храм Исида, однако ни

в одном из сообщений нет никаких других предположений о постмероитских захватах. На ряде иллюстраций в *Fourth Interim Report* изображена столица явно христианского стиля, а также сводчатое помещение с характерным нубийским типом свода, хорошо известного со времен христианства далее к северу. Подобный тип свода вполне мог использоваться в мероитский период, хотя нигде в сообщениях не отмечен. Не исключено, что эти иллюстрации невольно стали свидетельствами постмероитского вторжения и что датировка около 700 г. н. э. появилась как приближенная дата окончательного оставления этого места. В позднейших раскопках было собрано некоторое количество черепков христианской керамики, что стало доказательством, ранее отсутствовавшим, распространения христианства в этом ореале.

Раскопки пирамид показали, что в Мероэ существовали захоронения по крайней мере начиная с VII столетия до н. э. Это дает право предположить, что город стал заселяться именно с этого периода. находка закладных камней царей Амталги и Маленакена во дворце № 294 позволяет датировать это строение началом VI в. Картуши Амани-натаки-лебте были обнаружены рядом с храмом Амона; были найдены упоминания и других царских имен — Акинидада (чье имя также появляется на стеле в Хамбаде), Теритегаса, Нетекамани и Амани-таре. Поскольку большая часть находок предполагает эллинистическое или римское влияние, представляется, что максимальное число населения в городе жило в два последних века до нашей эры и в I в. н. э.

ХРАМ СОЛНЦА

Существование в Мероэ храма, посвященного обожествлению Солнца, можно было предположить исходя из сообщения Геродота об обычае «Трапезы Солнца». Поэтому он, возможно, был отождествлен с храмом, откр

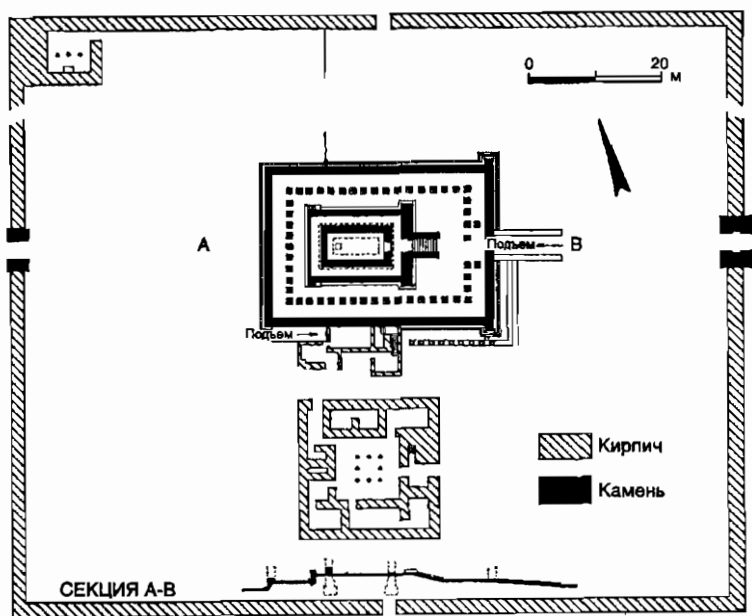

Рис. 21. План храма Солнца в Мероп

тым Гарстэнгом приблизительно в миле к востоку от самого города. Основания для подобного отождествления были весьма слабыми и базировались в основном на находке среди руин у западной стены святилища каменного блока с вырезанным на нем большим солнечным диском. Термин «храм Солнца» достиг такого широкого употребления, что мы считаем возможным тоже использовать его, предупреждая читателя, что отождествление его с «Трапезой Солнца» является лишь гипотетическим (фото 5, 6, рис. 21).

Храм был обнесен стеной из красного кирпича с облицованным дверным порталом, как и в храме Амона. Внутри этого ограниченного стеной пространства пологий пандус вел на приподнятый помост с колоннадой, замыкающей пространство святилища. Наружная стена плат-

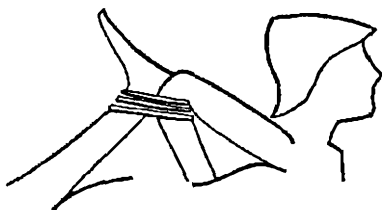

Рис. 22. Рельеф из храма Солнца

формы была украшена серией рельефов, ныне большей частью разрушенных. Лишь общее описание их и немногие опубликованные фрагменты позволяют составить впечатление, что на восточном фасаде была изображена серия фигур

пленников, причем тела их были представлены в виде картушей. (Так в тексте. — *Примеч. пер.*) Картуши аналогичных фигур к северу от входа были оставлены незаполненными, но они же в южной части имели надписи, которые, по аналогии с подобными сценами на египетских храмах, должны были быть названиями побежденных народов или завоеванных стран. Наружное пространство стен занято сильно поврежденными изображениями победных процессий. На южной стороне изображены мероитские солдаты с пленниками, тогда как на северной мы видим сидящего царя, обращенного лицом к длинной шеренге женщин, танцующим фигурам, стадам скота и колеснице, запряженной четверкой лошадей. Западная сторона прохода покрыта изображениями связанных пленников, попадаемых царской ступней. Один из этих пленников изображен в необычном головном уборе, в котором некоторые исследователи усматривают греческий шлем.

В святилище ведут несколько каменных ступеней; пол и стены его были покрыты голубыми глазированными плитками. На стенах прохода также имелись надписи, сделанные предположительно египетским письмом, хотя и весьма упрощенным. На уцелевшей части стен прохода, окружающего святилище, можно различить царскую фигуру и три картуша с именем Акинидада. Сравнение их с рельефами из Наги позволяет предположить, что здесь представлена сцена с царем, имя которого остается неизвестным, за которым следует принц Акинидад. Этот фрагмент рельефа отличает-

ся по стилю от украшений на помосте и может быть позднейшим добавлением или частью перестроенного строения.

В западной части внешнего двора были найдены фрагменты гранитной стелы Аспелты, позволяющие сделать предположение, что храм был построен в период его правления (около 593—568 гг. до н. э.), а позднее восстановлен (в конце I в. до н. э.).

ЛЬВИНЫЙ ХРАМ

Этот храм был возведен на вершине шлакового холма из отходов металлургического производства, который расположен чуть восточнее проложенной в наше время железной дороги. Он состоит из двух небольших помещений, обнесенных стеной, которая была некогда украшена рельефами, ныне почти совершенно уничтоженными. Несколько ступеней, ведущих в первое помещение, охранялись изначально расположенными по сторонам двумя каменными львами, один из которых был найден на своем первоначальном месте. Именно эти львы, а также найденная в храме стела с написанным на мероитском языке именем львиного бога Апедемака, и дали название храму. Имя же царя Текеридсамани, обнаруженное на каменном основании статуи, дало возможность установить время его постройки. Неподалеку к западу, на том же холме, расположен еще один небольшой храм, о котором исследовавший его археолог не оставил никакого описания.

ХРАМ ИСИДЫ

Холм, под которым скрывался этот храм, также расположен за пределами собственно города и несколько севернее современного селения Эль-Дерагаб. При про-

ведении раскопок обнаружилось, что здесь расположены два накладывающихся друг на друга строения, позднейшее из которых было снова использовано во времена христианства, то есть после VI в. н. э. Оба строения служили, как представляется, храмами, хотя нижнее из них было раскопано только частично. Верхнее строение состоит из двух обнесенных колоннадами залов, ведущих в святилище, где на полу, выложенном фаянсовыми плитками, расположен алтарь. Стела царя Теритегаса, известного еще только по надписи в Дакке, где он упоминается вместе с царицей Аманиренас и принцем Акинидадом, была обнаружена в верхнем строении и может служить временным ориентиром, указывающим на конец I в. до н. э. (фото 24). Нижнее строение включает в себе две большие колонноподобные статуи царя или бога, которые предположительно располагались по обеим сторонам от входа в храм. Две небольшие статуи Исиды, найденные здесь, послужили основой для идентификации этого строения как храма этой богини.

СВЯТИЛИЩЕ АПИСА

Это строение расположено примерно в полутора милях от ограды «Царского города» и довольно далеко от основной территории города, вблизи современного селения Хамдаб. Его атрибуция как святилища Аписа сделана Сайсом¹, хотя бесспорных оснований для этого не было. Значение святилища состоит в открытии в нем двух больших стел с надписями мероитской скорописью. Одна из них, находящаяся ныне в Британском музее, содержит имена Аманиренаса и Акинидада и, возможно, описание войны с римлянами в 23 г. до н. э. Другая стела находится сейчас на территории самого города.

¹ Имеется в виду, скорее всего, Сайс Арчибальд Генри (1845—1933), английский ученый-лингвист, работавший в области античных языков Среднего Востока. (Примеч. пер.)

КЛАДБИЩА

Кладбища для погребений жителей нецарского происхождения располагались к востоку от города и подразделялись на три группы: южную, среднюю и северную.

Самые ранние захоронения, северная группа могил, содержат керамику тонкой росписи, которая, как известно, относится к I столетию до н. э. и первым двум векам нашей эры. Исследовавший их археолог неправомерно предположил, что южное и среднее кладбища являются самыми древними, исходя из найденной там керамики грубой выделки. На самом же деле южное и среднее кладбища возникли в период много позже северного, поскольку материалы, найденные здесь, а также наличие мероитских жертвенных плит, использованных для замуровывания входов, свидетельствуют, что они принадлежат к самому концу мероитского периода и, вполне возможно, использовались еще в течение столетия или даже дольше, после падения государства Мероэ.

Эти захоронения в большинстве своем были одного типа — их погребальные камеры скрывались под насыпью песка или гравия. Более ранние захоронения северной группы представляются идентичными «гrotовым захоронениям» по классификации Гриффита. Более поздние захоронения имеют обширные погребальные камеры, а тела в них в значительном числе случаев положены на деревянное ложе. В гробницах обнаружено много погребальных даров для покойника, среди которых керамика относилась к типу, также известному по раскопкам в Ушаре (в нескольких милях южнее Омдурмана). Стекланный сосуд египетского производства, найденный в захоронении № 300, предположительно датируется периодом после 300 г. н. э.

Много частных захоронений было обнаружено и на так называемых царских кладбищах, лежащих к югу от Мероэ, большая часть которых находится на гряде пес-

чаниковых холмов, замыкающих равнину. Здесь расположены три отдельные группы гробниц, известные как Южное, Северное и Западное кладбища. Южное кладбище венчает вершину, отделенную небольшой долиной от основного хребта, на котором расположено Северное кладбище. Оно состоит из двухсот захоронений, относящихся примерно ко времени правления Пианхи (около 750 г. до н. э.). Большая часть этих захоронений представляет собой простые углубления, в которых покоятся останки, но есть здесь и несколько мастаб и пирамид над погребениями тех покойников, которые предположительно были членами царской семьи. Среди них должны быть пирамиды над такими правителями, как Аракакамани (который был первым царем, погребенным в Мероэ), Аманисло и, возможно, царица Бартаре.

Северное кладбище было основным местом погребения правителей Мероэ и их ближайших родственников и использовалось для этих целей с периода правления царя, погребенного в пирамиде под № 4 (имя которого написано не совсем четко), то есть с середины примерно III в. до н. э. и до конца существования Мероэ. Пирамиды этой группы находятся в самой лучшей сохранности, а некоторые из них остались совершенно невредимыми. Они не идентичны по форме, но сохраняют общий стиль, некоторые отличия их друг от друга помогают установить их археологическую последовательность.

Обычным способом строительства было обкладывание сердцевины из дикого камня тесаными песчаниковыми блоками; затем к восточному фасаду пирамиды пристраивалась часовня с пилонами при входе. Стены часовни покрывались рельефами, в большинстве случаев с надписями, в которых упоминались имена погребенных в пирамидах. Погребальная камера выдалбливалась в скальном основании под пирамидой, в нее вел спуск со ступенями, вход в который располагался к востоку от часовни. Этот вход затем замуровывался, и на поверхности земли не ос-

тавалось никакого следа его существования. Ступени вели вниз, к высеченной в скале погребальной камере, в которой находились оставленные вместе с покойным вещи. Обычно они занимали три помещения в царской гробнице и два — в гробнице царицы. Более поздние пирамиды выглядят проще и сделаны более грубо, часто просто построены из кирпичей.

Западное кладбище расположено на равнине, на небольшом удалении к юго-западу от двух других, и состоит из пирамид, разрушенных в большей степени, чем на двух других кладбищах. На нем хоронили на всем протяжении периода со времени самых ранних захоронений на Южном кладбище и до самых поздних — на Северном. Среди пяти сотен его могил не обнаружено ни одного захоронения царя или царицы, хотя существует вероятность, что вместе с простыми смертными здесь хоронили и второстепенных членов царских фамилий.

Несколько выше по течению реки от Мероэ лежит городок Вад-бен-Нага, описанный Лепсиусом, но значительно разрушенный за прошедшее время (фото 7, 9). В нем найдены руины по крайней мере двух храмов, один из которых относится к периоду Нетекамани. В храме были обнаружены надписи египетскими и мероитскими иероглифами, которые сделали возможными первые попытки чтения мероитских текстов. В ходе раскопок было обнаружено большое строение, предположительно дворец, и любопытная постройка, напоминающая улей, которая, возможно, представляла собой громадное хранилище. Целые кучи обломков саманных кирпичей свидетельствуют о наличии других зданий. Безусловно, город в древности был значительным центром.

Все другие мероитские города располагались к востоку от реки, на территории «острова Мероэ». На всем протяжении западной части этого региона имеются следы поселений, но, как уже говорилось, похоже на то,

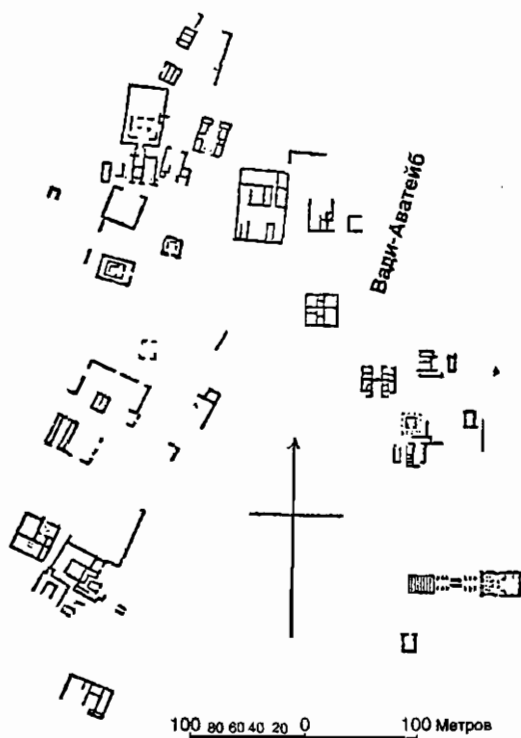

Рис. 23. Планы храмов в Наге

что восточная территория вплоть до реки Атбара не была занята мероитами. Они были по преимуществу «народом реки», и стоит обратить внимание на то, что все «внутренние» поселения расположены вдоль больших *вади*¹, таких, как Вади-Хавад, Вади-Аватейб и Вади-эль-Банат.

Здесь могут быть описаны только самые значительные поселения. Два из них исключительны по своей значимости: Нага на Вади-Аватейбе и Мусавварат-эс-

¹ В а д и (араб.) — высохшее или пересыхающее в жаркий сезон русло реки.

Софра на Вади-эль-Банате. Оба этих поселения были расположены на расстоянии дневного перехода от реки на верблюдах или ослах, и их значение в качестве доминирующих пунктов на торговых путях к востоку определялось, вероятно, как их положением, так и сельскохозяйственным потенциалом региона.

Нага расположен на открытой равнине у Вади-Аватейбе в чуть более двадцати милях от того места, где Вади открывается к Нилу рядом с Вад-бен-Нагой. В нем имеется несколько храмов, остатки городских построек и два больших кладбища. Исследователи приписывают храмам различное предназначение, большинство их склоняются к мнению Лепсиуса. Лучше всего сохранившиеся храмовые строения обозначены как А и В. Строение А более всего известно под названием Львиного храма, так как оно, по всей видимости, было посвящено богу-льву Апедемаку. В плане оно достаточно простое, и все его значение определяется сохранившимися надписями и рельефами. Здание было возведено во времена Нетекамани и Аманитаре, которые изображены на рельефах, а их имена, написанные мероитскими иероглифами, встречаются в нескольких местах. Исходя из этого, строение датируется самым концом I в. до н. э. или самым началом I в. н. э.

Царь и царица изображены на двух пилонах при входе в храм поражающими своих врагов (фото 8). Они стоят в позах, позаимствованных у египетских прототипов, но имеют характерные мероитские детали в одежде и личных украшениях (рис. 24). Можно видеть, что царица довольно полная женщина, это, по всей вероятности, отражает местное понятие красоты, заметно отличающееся от египетского. На стенах храма, как наружных, так и внутренних, изображены царь и царица в сопровождении принца Арихахакера, поклоняющиеся различным богам. Художественные приемы остаются египетскими, с лицами в профиль, при одном исключении: на одной из внутренних стен бог изображен анфас, в стиле, явно позаимствованным из римского искусства (рис. 25).

Рис. 24. Пилоны Львиного храма в Наге

Самая интересная сцена изображена на внешней стороне задней стены, где царственное трио показано дважды, стоящим перед богом-львом, представленным совершенно необычно — с тремя головами и четырьмя передними лапами, что наводит на мысль об индийском влиянии (фото 10, 11). На этом изображении отчетливо видны детали царских одеяний и украшений. Особый интерес представляют накидки на царе и царице, а также тонкой работы кольца и подвески. На этих рельефах детали столь тщательно проработаны, что обозначены даже нашейные браслеты, до сих пор встречающиеся в некоторых местностях Африки как знак красоты.

Стоящий поблизости храм В заметно контрастирует с преимущественно египетским стилем храма А (фото 13, 14). Этот примечательно малый храм явным образом был создан под влиянием классических образцов, хотя содержит и египетские элементы в виде крылатого диска и фриза из голов кобр. В нем нет надписей, но, по всей вероятности, он датируется примерно временем Нетекамани и вполне мог образовывать часть подхода к храму А, хотя и не находится на одной оси с этим храмом.

Крупнейшим из храмов, хотя и не очень хорошо сохранившимся, является храм D. Этот храм современен храму А и несет имена Нетекамани и Аманитаре на перекрытии главного портала, хотя в этом случае вместе с ними изображен другой принц, Арикахатани. От легкой постройки ко входу в храм ведет аллея каменных овов (фото 16).

Храм Е, расположенный к востоку от прочих, отмечен именем царицы Шанагдахете; это имеет довольно важное значение: хотя надписи, сопутствующие картушу, и выполнены египетскими иероглифами, но царственное имя изображено на мероитском и является первой мероитской надписью, которая может быть датирована (фото 15).

Кроме этих зданий, несколько возвышающихся, есть и руины по крайней мере еще двух храмов. Местополо-

жение города вполне может быть установлено — его площадь составляет около одной квадратной мили, на которой во множестве имеются каменные блоки, барабаны колонн и фрагменты красных кирпичей. Здесь же обнаружены два кладбища с захоронениями в облицованных кирпичом каменных холмах. Одно из них является единственным столь далеко расположенным кладбищем, относящимся к пост-мероитскому периоду.

Примерно десятью милями северо-восточнее Наги, у начала Вади-эль-Баната, в природной впадине от пяти до шести миль в поперечнике, обрамленной холмами, расположен город Мусавват-эс-Софра (рис. 26). Город этот, самый примечательный и известный в Судане, долгое время оставался загадкой для исследователей. Не были известны ни дата его основания, ни причины того, почему он вообще возник.

Главная его достопримечательность, «Большой комплекс», состоит из нескольких строений и ограды вокруг них, замыкающей в себе храм, построенный на искусственно поднятой платформе, в значительной степени напоминающий в плане храм Солнца в Мероз (фото 17, 18). Судя по архитектурному стилю, этот центральный храм, похоже, был возведен в I в. н. э. или чуть

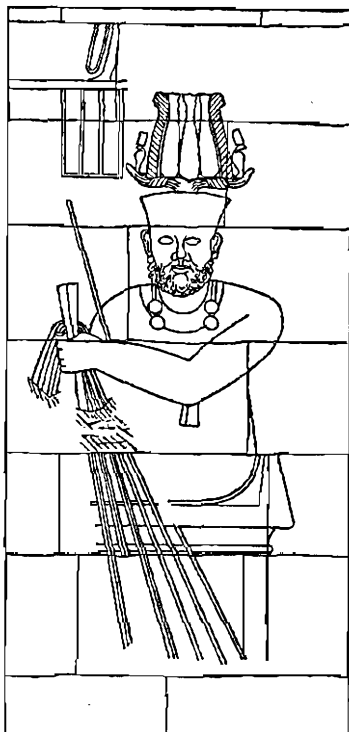

Рис. 25. Бог, изображенный анфас на внутренней стене Львиного храма в Наге

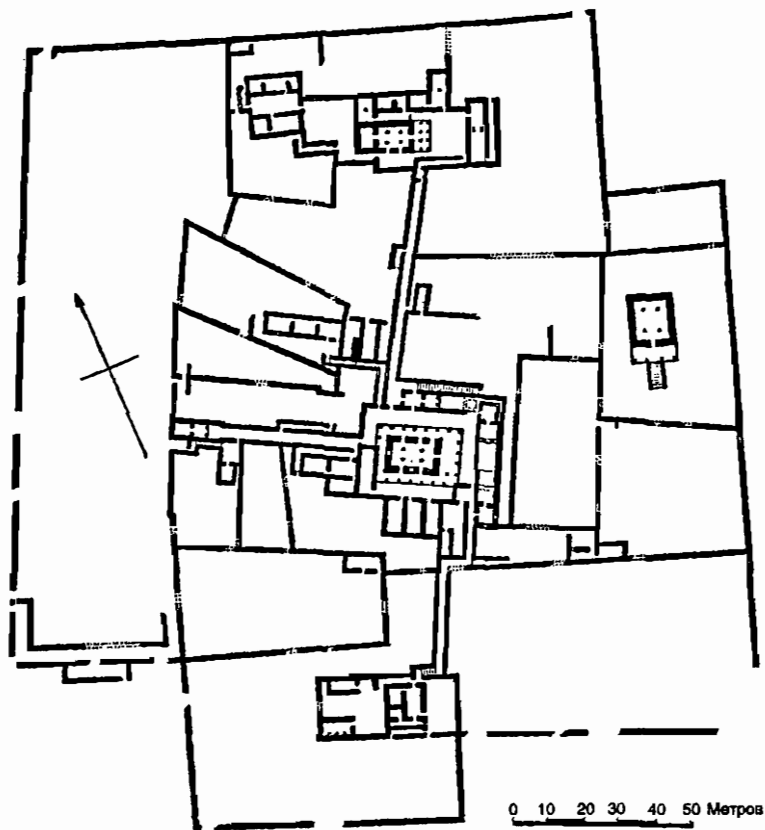

Рис. 26. План Мусавварат-эс-Софры

раньше, но на нем нет никаких современных построек и надписей: весьма многочисленны лишь сделанные много времени спустя.

Храм окружен колоннадой, причем на некоторых колоннах обнаружены весьма интересные рельефы. Снаружи окаймленного колоннадой храма имеется целая серия коридоров и платформ, связывающих между собой различные части храмового комплекса, причем

такое строительное решение не было ранее известно ни по одному другому мероитскому городу. Несколько скульптурных изображений слонов позволяют предположить, что эти животные играли значительную роль в жизни Мусавварат-эс-Софры. Стена, которой обнесен комплекс, возможно, играла роль ограды загона, помосты могли служить для демонстрации животных перед продажей. Вполне возможно, что комплекс представлял собой центр дрессировки слонов для военных и церемониальных целей (фото 20). Уникальная стена, замыкающая в себе комплекс, представляет в плане фигуру слона и является еще одним доказательством значимости этого животного для жителей тех мест (рис. 27).

Многочисленные надписи выполнены в основном на мероитском и являются главным образом обращениями к богу Апедемаку; но некоторые из них сделаны и на других языках — одна на египетском демотическом письме, одна на греческом, несколько — на древненубийском (рис. 4). Надпись на латыни, самая южная из известных, была вывезена Лепсиусом в Берлин. Восточнее этого главного храма расположен другой (Северо-восточный храм), ко входу в который ведет помост, а при входе возвышаются две громадные статуи (фото 19).

Самое значительное открытие последних раскопок было сделано в храме, до той поры известном как Юго-восточный храм, но позднее переименованным в Львиный храм (рис. 30). До начала раскопок здание напоминало кучу строительного мусора, в котором можно было рассмотреть только несколько фрагментов скульптурных рельефов, и считалось принадлежащим к более позднему периоду. В ходе раскопок были расчищены рельефы на наружной поверхности южной стены, которые оказались почти в полной сохранности, поскольку стена в свое время рухнула наружу, и составляющие ее блоки сохранились, упав резной поверхностью в песок. Когда блоки эти были вновь собраны в первоначальном порядке, на них были обнаружены

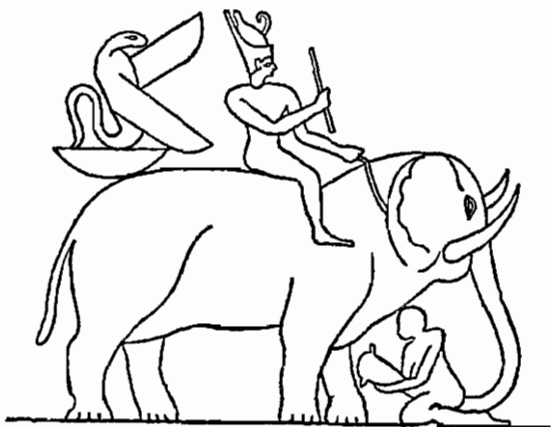

Рис. 27. Рельеф с изображением царя, едущего на слоне

надписи на египетском языке, в том числе и имя царя Арнехамани.

Эти надписи, содержащие важную информацию о мероитской религии, имеют большое значение и для установления хронологии. Особенности языкового стиля, а также начертания иероглифов характерны для начала эры Птолемеев, поэтому раскопавшие храм археологи предположили, что он был возведен между 235-м и 211 гг. до н. э.

Были проведены раскопки еще двух менее крупных храмов, относящихся предположительно к более позднему периоду, а также некоторых мастерских и строения, расположенного непосредственно к югу от основного комплекса. Был обследован большой *hafir* — устройство для хранения воды, представляющее собой большую земляную насыпь, открытую в направлении стока дождевой воды с холмов. Подобные устройства были обнаружены еще в ряде мест «острова Мероз», и все они могут быть датированы мероитским периодом.

Из других городов могут быть упомянуты лишь немногие. Баса, расположенный у Вадии-Хавада, имел храм и *hafir*. Храм был частично раскопан Крауфуттом в 1907 г. Он

обнаружил там девять статуй львов, четыре из которых располагались у входа в храм, а пять стояли вокруг *hafir'a*, словно охраняя его. На одном из них было обнаружено имя Аманихабале, что дало основание для датировки строения приблизительно серединой I в. до н. э. В свое время здесь же была найдена и большая каменная лягушка, которая до нашего времени уже не сохранилась. Умм-Усуда расположен далее к востоку и состоит из *hafir'a*, также окруженного каменными львами. Здесь было обнаружено семь статуй львов и три платформы наряду со стелой, несущей надпись мероитским курсивом. Надпись эта, означающая по-арабски «мать львов», вероятно, имеет отношение к этим каменным животным.

Далее к югу, неподалеку от Джебель-Куэли, рядом с современной трассой, проходящей через Бутану из Хартума в Кассалу, на большом гранитном валуне, лежащем у подножия холма, вырезана чрезвычайно интересная сцена. Эту сцену, которую очень трудно рассмотреть, видели и комментировали с весьма умеренным успехом несколько исследователей. В 1958 г. восточногерманская экспедиция смогла сделать с нее латексный слепок, который стал основой для рисунка (рис. 7). Это впервые дало возможность подробно рассмотреть и изучить все детали изображения и понять, что не прочитанное ранее имя принадлежит царю Шеркареру, правившему в I в. н. э.

Сцена изображает победу, одержанную царем Шеркарером, причем царь обращен лицом к богу солнца и держит группу поверженных врагов за веревку, свисающую из его левой руки. Одежда царя во многом подобна той, в которую облачены мероитские цари на других изображениях. Кроме лука и стрел, которые он держит в своей правой руке, царь вооружен мечом, висящим у него за левым плечом, как это до сих пор в обычае у некоторых арабских племен восточной Бутаны. Бог солнца изображен анфас и держит в правой руке нечто напоминающее метелку сорго, распространенного в центральном Судане зернового растения. Изображение бога солнца имеет мно-

го схожего с изображением солнечного божества в Хатре и других городах Западной Азии, которые считаются парфянскими¹ и датируются двумя первыми столетиями н. э. Самой примечательной деталью изображения являются выразительные фигуры семи пленников, падающих с холма. Считается, что сцена эта посвящена победе, одержанной над Аксумом, хотя никаких специфически аксумских черт во внешности врагов нет.

Западнее Нила никаких городов, признанных мероитскими, не существует, хотя, как это в высшей степени вероятно, они еще только ждут своих открывателей. В центре пустыни Байюда, около селения Фура, на территории прямоугольного каменного форта было найдено несколько черепков мероитской керамики. Место это вполне могло быть стоянкой на трансбайюдском маршруте.

Около Собы, что на Голубом Ниле, в четырнадцати милях выше Хартума по течению, была найдена каменная платформа (датируемая мероитским периодом и известного уже ранее стиля), которую ныне можно видеть в основании англиканской церкви Хартума. На ней обнаружена надпись мероитскими иероглифами, причем в поврежденном картуше прочитывается нечетко имя царя, нигде больше не встречаемое, хотя он, по предположению Хитце, должен быть погребен в пирамиде № 30 в Мероэ. Исходя из стиля платформы и надписи предложенная датировка (165—184 гг. н. э.) представляется несколько поздней. Никаких других следов мероитского присутствия здесь не было обнаружено, так что вполне возможно, что эта платформа была перевезена сюда из какого-либо другого места в те времена, когда Соба была столицей христианского государства.

¹ Парфянское царство — древнее государство, возникшее около 250 г. до н. э. к югу и юго-востоку от Каспийского моря (коренное земледельческое население этой территории — парфяне) и подчинившее в период расцвета (середина I в. до н. э.) своей власти и политическому влиянию обширные области от Месопотамии до границ Индии; существовало до 20-х гг. III в. н. э.

Единственным местом далее к северу, в котором обнаружены предметы, опознаваемые как мероитские, является Сеннар, хотя вдоль берегов Белого Нила есть целый ряд холмов, в которых находят керамику, напоминающую африканские изделия, обнаруженные в других мероитских городах. Сеннар является самым южным из поселений этой культуры, известным к настоящему времени, и, если не появится каких-либо других свидетельств, должен считаться приблизительно южной границей государства. Все найденные артефакты были обнаружены в захоронениях, но не в городах, однако обширность материальных свидетельств заставляет сделать предположение, что здесь располагалось довольно крупное и значительное поселение. Предметы из захоронений, обнаруженных во время строительства Сеннарской плотины, испытали на себе превратности судьбы; часть их была утрачена, когда судно, которое должно было доставить их в Англию, затонуло в Красном море. Основными предметами, найденными здесь, были бронзовые чаши хорошо известного мероитского типа, относящиеся предположительно к первым двум векам до н. э.

Неподалеку от Сеннара расположено большое кладбище Джебель-Мойя, которое представляется современным мероитскому государству, хотя на нем и не найдено никаких однозначно мероитских предметов. Имевшей место дискуссии по поводу датировки этого места подвел итог Аддисон, который пришел к заключению, что исходя из наличия напатанских предметов и местных разновидностей керамики, в значительной степени напоминающих мероитскую, данное кладбище должно быть отнесено к тому же периоду.

Мероитские бронзовые чаши были найдены в эфиопском Аксуме, но они, по всей вероятности, попали сюда в результате торговых обменов и не могут считаться доказательством пребывания здесь мероитов, хотя у нас нет и никаких данных о торговых или политических контактах между двумя этими государствами.

Глава 4

ИСКУССТВО

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Искусство Мероэ никогда не было предметом пристального изучения и, подобно многим другим аспектам культуры, считалось провинциальным ответвлением египетского искусства, содержащим в себе некие привнесенные элементы. Суждение это не вполне справедливо: мероитское искусство имеет свои характерные черты и вполне заслуживает внимания.

В такой мере самобытным, чтобы его можно было рассматривать отдельно от египетской культуры, мероитское искусство становится лишь в позднейший период. В течение же всего периода мероитского правления (с 590 г. до н. э. и по 300 г. н. э.) характерные черты мероитского искусства просматриваются только примерно с III в. до н. э. Мероитская письменность тоже, как представляется, начинает развиваться в это же время. Большая часть всех артефактов, считающихся характерными для Мероэ, относится к еще более поздним временам, отдельные же предметы датируются не ранее начала I в. н. э.

Причины этого до сих пор не ясны, хотя мы уже подчеркивали, что почти все мероитские поселения в северной части царства относятся ко времени рождения Христа. В это время, кажется, происходил очень быстрый переход от одной культуры к другой, так что можно предположить и появление культурного надлома. Одна-

ко, пока не будут найдены стратифицированные поселения с населением напатанского или по крайней мере раннего мероитского периода, существование этого надлома не может быть подтверждено. Какой бы ни была реальность этих культурных и, возможно, также и лингвистических перемен, влияние Египта оставалось весьма значительным, так что до конца мероитского периода формы искусства, существующие в Египте, присутствуют и в Мероэ.

Неегипетские и несредиземноморские элементы в искусстве гораздо сложнее вычленишь, так что они до сих пор остаются по большей степени неизученными. Практическое отсутствие каких-либо аборигенных артефактов из непосредственно домероитского периода значительно осложняет установление специфических влияний несеверного характера. Нам также ничего не известно об искусстве (если оно существовало) тех народов, которые населяли эту часть долины Нила в более ранние времена.

Некоторые аспекты мероитского искусства свидетельствуют о довольно заметном восточном влиянии. Пути, по которым элементы восточной культуры проникли в долину Нила, не совсем ясны, но можно предположить, что трансбутанские караванные тропы были маршрутами, по которым влияние Персии, Индии и, возможно, еще более далеких стран дошло до Мероэ. Мы до сих пор очень мало знаем об археологии побережья Красного моря, где не было найдено никаких артефактов, которые идентифицировались бы как мероитские, но наверняка торговые суда ходили по Красному морю еще в эллинские и римские времена, а гавань Птолемей-Терон (*sic!*) была основана как торговый порт не позднее III в. до н. э.

Остаточные следы восточного влияния могут рассматриваться как местные мероитские и африканские, демонстрируя видоизменения известных художественных стилей других государств и регионов в предметах

искусства, которые определенно принадлежат мероитской культуре и этому времени. Этот специфически мероитский элемент в искусстве не так просто вычленишь — он может быть усмотрен в подчеркнуто полной женской фигуре, в высшей степени индивидуальном стиле керамики, в использовании мотивов и объектов, не встречающихся нигде более. Среди излюбленных объектов мероитских художников есть слоны и львы, животные, редко встречающиеся в египетском искусстве, которые явно относятся исключительно к местным достопримечательностям. Лев, воплощение весьма почитаемого местного божества Апемедека, часто присутствует на рельефах, равно как и на скульптурах из этих мест. Находки, сделанные в Мусавварат-эс-Софре, позволяют предположить, что львы приручались и содержались в храмах в качестве живых представителей этого бога. Слон, много раз появляющийся на рельефах, равно как и в других вариантах, также занимал заметное место в жизни мероитян. Как представляется, слоны использовались на войне и для церемониальных целей, а знания о возможностях такого применения слонов вполне могли быть получены из Индии. Африканские слоны, участвовавшие в военных действиях во времена правления Птолемеев и в римскую эпоху, почти наверняка были обучены этому мероитами.

Этот явно местный элемент может быть назван «африканским», и то только в определенном смысле, поскольку Мероэ является частью Африки. Надо признать, что этот термин может ввести в заблуждение, поскольку он предполагает родство с теми формами искусства региона, прилегающего к африканской Сахаре, которые известны нам на сегодня. Однако довольно трудно найти какую-либо связь между искусством Мероэ и искусством районов, лежащих южнее, будь то к востоку или западу. Были попытки усмотреть мероитское влияние в известных бронзовых бюстах из Ифе в Нигерии, но тщательное их изучение установило от-

сутствие какого-либо сходства, а расстояние по времени и в пространстве между Мероэ и средневековой Нигерией исключает любую возможность существования взаимоотношений между ними.

СКУЛЬПТУРА

Искусство Мероэ лучше всего известно по сравнительно небольшому числу произведений скульптуры в этом регионе и по рельефам на храмах и часовнях пирамид. Те немногие скульптуры, которые были здесь обнаружены, являются в своем большинстве изображениями правящих личностей или божеств. Лишь немногие из них могут быть точно датированы; большая же часть, как можно предположить, относится к I в. до н. э. и I в. н. э.

Ряд фигур, можно с определенностью сказать, был предназначен для установки у входа в храмы; из них лучше всего известны колоссы из Хаг-Зуммар с острова Арго (см. с. 76) (фото 23). Они приписываются Данхэмом изображению царя Нетекамани. Колоссы вырублены из гранита, добытого в карьере под Тумбусом, что расположен несколько выше Третьего порога и разрабатывался уже с периода египетской XVIII династии. Данхэм приводит описание этих двух статуй, а также аргументы, позволяющие связать их с Нетекамани. Мы не видим необходимости приводить здесь эти аргументы, скажем лишь, что по причине отсутствия каких-либо надписей идентификация была произведена по сходству художественного стиля и по сравнению деталей одежды и орнамента с такими же деталями на храмовых рельефах Нетекамани в Наге.

Установка статуй при входе в храмы была, как представляется, распространенным обычаем, и примеры этого мы видим в нескольких других поселениях (фото 19). При входе в Северо-восточный храм Мусавварат-эс-Со-

фры возвышались два изрядно разрушенных ныне колосса, от которых дошло очень мало отдельных фрагментов. В Наге были раскопаны две статуи, которые, не будучи колоссами, могли иметь то же предназначение; они также были сильно повреждены, но отдельные детали все же различимы. Статуи представляют собой изображения мужчин, предположительно царей, и по отдельным деталям одежды можно сделать заключение, что они относятся примерно к периоду Нетекамани. Фрагмент подобной скульптуры был найден в Мероз, рядом с дворцом 750 (фото 21).

Вообще, в Мероз обнаружено гораздо больше скульптурных изображений, чем в каком-либо другом городе, причем они демонстрируют большое разнообразие стилей. Самыми интересными, возможно, являются скульптуры, найденные в руинах так называемого храма Исиды (фото 24). Фигуры эти, похоже, были позднее использованы в качестве основания колонн построенного затем храма, но можно предположить, что в свое время они стояли по сторонам от входа в храм. В литературе они обычно упоминаются как царь и царица, затем следует их описание, составленное открывшим их археологом. В фигуре так называемой царицы нет ничего, что указывало бы на принадлежность ее к женскому полу; на самом деле каждая статуя изображала царскую мужскую фигуру. Гарстэнг упоминает, что женская фигура была окрашена в черный цвет, но к нашим дням на ней не сохранилось следов какой-либо краски. Датировка этих фигур представляет собой значительные трудности. В ряде деталей есть сходство с царскими регалиями Нетекамани: в наплечной повязке, больших круглых подвесках, просматривающихся на скульптуре «царицы», в набедренной повязке есть аналогии с изображениями того периода, но в целом статуи выглядят более тяжелыми и грубыми, чем статуи из Арго или рельефы храма в Наге. Заметны различия в деталях между двумя статуями, но из факта открытия их в одном месте и обще-

го сходства можно предположить, что они были созданы в одно время. Исходя из упадка художественного мастерства, заметного в них, они предположительно датируются временем после правления Нетекамани и могут быть ориентировочно отнесены ко II в. н. э.

Другие скульптурные находки из Мероэ, включая и найденные в «римских банях» (вроде полулежащего мужчины), демонстрируют сильное средиземноморское влияние (фото 25). Многие из них сделаны из гипса, как две замечательные статуи мужчины и женщины, найденные во дворце № 295 рядом с банями. Среди других найденных там статуй есть три фигуры женщин, играющих на музыкальных инструментах; две из них — флейтистки и арфистки — все еще находятся там, где были обнаружены; третья — женщина, играющая на *auloi*¹, — стала известна лишь в самое последнее время (фото 26, 27). Однако отсутствие каких-либо других данных делает невозможной ее датировку. находка эта интересна как свидетельство того, что музыка играла известную роль в мероитской жизни, а находка самих *auloi* по крайней мере в двух местах стало подтверждением этого.

Кроме скульптурных изображений человеческих фигур здесь было найдено много вырезанных из камня овов, которые располагались по сторонам аллей, ведущих к храмам, как в Мероэ перед храмом Амона и в Наге. В Мероэ было также найдены многочисленные изображения небольших львов из песчаника, а более крупная фигура льва — в Басе (фото 16).

Наряду с этими скульптурными фигурами, большей честью в натуральную величину или несколько более крупными, здесь создавалась и мелкая пластика, от которой сохранилось очень мало. Одну из таких миниатюр, изображающую царя, найденную в Львином храме Мероэ и сделанную из стеатита, стоит описать подробнее. Царь

¹ *Auloi* (греч.) — род тростниковой свирели, распространенной в Древней Греции.

представлен со всеми своими обычными регалиями, в том числе с большими бусинами и браслетами на предплечье, но также и с единственной в своем роде деталью — с амулетом, который, как можно предположить, должен был служить ракой, покоящейся на груди и подвешенной к цепи, надетой на шею.

Скульптуры из бронзы распространены меньше, но в Каве был найден ряд бронзовых миниатюр, среди которых есть две особой значимости. Одна из них была найдена в храме Т в Каве и изображает царя или бога, возможно, Амона (фото 34, 35). Эта тонкой работы миниатюра воспроизводит все характерные символы царской власти, обычные при изображении царя в начале I в. до н. э. Она и датируется примерно этим временем. Другая миниатюра является головой богини; она пустотела и имеет углубление в основании, как будто предназначенное для установки ее на деревянную стойку — возможно, на носу церемониальной ладьи (фото 36). Значимость этой находки заключается в картуше царя Арнехамани, вырезанном на передней части основания. Иероглифы вырезаны с меньшим мастерством, чем собственно голова, сделанная с чрезвычайным искусством. Это позволяет предположить, что надпись является более поздним добавлением. Стиль статуэтки позволяет отнести ее ко времени династии Птолемеев, но даже при характерном египетском стиле то особое внимание, которое скульптор уделил морщинкам на шее, безошибочно указывает на ее мероитское происхождение.

Из скульптур, несомненно ввезенных в Мероэ, самой известной является голова Августа, история открытия которой уже была описана (фото 28). Две бронзовых головы эллинистического периода были найдены при вскрытии пирамиды, известной как гробница № 5. Обе они принадлежали ныне утраченным статуям и изображают бога Диониса (фото 38). Они совершенно определенно являются работами греческих мастеров, но их точная датировка весьма затруднена, поскольку подоб-

ные изображения производились с IV в. до н. э. и примерно до середины I в. н. э. Совершенно необычна небольшая бронзовая фигура верблюда, найденная в гробнице № 5; она является единственным изображением этого животного, дошедшего до нас с мероитской эпохи, и датируется началом I в. н. э. Веркутте предположил, что она может быть китайского происхождения.

Стоит упомянуть и о единственной в своем роде золотой статуэтке царицы, случайно найденной в Желбел-Баркале. Она представляет собой самый примечательный образец подобной миниатюры и единственный сделанный из этого материала (фото 29, 30). По особенностям художественного стиля она может датироваться I в. до н. э. Статуэтка производит впечатление одной из тех древнегреческих миниатюр, которые были весьма популярны в свое время и восходят к изображениям Афины на некоторых монетах. Хотя миниатюра частично повреждена, мелкие детали хорошо сохранились и передают все характерные особенности царского одеяния и украшений. Подобные же одеяния и украшения присутствуют и на рельефах в Наге, поэтому вполне может быть, что эта статуэтка является изображением царицы Аманитары.

Прежде чем перейти к рассмотрению храмовых рельефов, есть смысл упомянуть еще и о трех небольших рельефных работах, которые происходят, по всей вероятности, из Мероэ (фото 31). Одна из этих работ, выполненная на темно-красном сланце, была найдена в Львином храме; первоначально она представляла собой изображение, выполненное на двух сторонах плоской пластины сланца, но еще в древности пластина была расщеплена вдоль на две части. На одной стороне был изображен царь Таньидамани при всех регалиях, облаченный в длинное позолоченное или вышитое (?) одеяние, уже известное по статуям в Наге и храмовым рельефам. На другой стороне изображен бог-лев Апедемак. Другая работа из храма Амона изображает царственную чету, приносящую жертву

богам, причем царь приносит жертву Амону, а царица — Исиде (фото 32). Мeroитский текст, большей частью не сохранившийся, не позволяет установить имена царственной четы. Рисунок, по сравнению с более ранними работами, выполнен довольно грубо, что приводит к предположению о сравнительно позднем происхождении рельефа — некоторые особенности сохранившейся надписи позволяют датировать его предположительно I в. н. э. Наконец, третья работа представляет собой декоративное блюдо из песчаника, которое, как считается, было сделано в Мероэ (фото 33). На нем изображен принц Ариханхарер (имя которого написано мероитскими иероглифами в картуше слева вверху), повергающий наземь своих врагов. У ног принца мы видим пса, раздирающего одного из врагов; пес изображен в римской манере, и Гриффит считает, что это изображение следует датировать не ранее чем второй четвертью II в. н. э. На заднем плане присутствует весьма необычное изображение крылатой богини, параллелей которой не известно, но которая может быть объяснена персидским влиянием.

Рельефы на стенах храмов и часовен обнаружены в изобилии, они представляют собой прекрасный материал для прослеживания перемен в мероитском искусстве, а также дают нам ценнейшую информацию об иконографии, религии и особенностях царских одеяний и регалий. Большая группа рельефов была найдена на стенах часовен, принадлежавших к пирамидам в Мероэ, большие сохранившиеся фрагменты их — на пирамидах в Баркале и Нури. Другие важные рельефы были найдены на Львином храме в Наге и на недавно раскопанном Львином храме в Мусавварате. Все рельефы носят следы значительного влияния египетских художественных и религиозных идей. Даже на самых поздних из них, таких, как найденные на стенах часовни в Бегаравийе (которые предположительно датируются III в. н. э.), изображены все те же знакомые нам сцены с восседающими царями и проходящими перед ними процессиями.

В сущности, не обнаружено рельефов более ранних, чем те, которые изображены на первой часовне при пирамиде в Мероэ, датируемых концом IV в. до н. э. На некоторых часовнях в Нури, как представляется, были в свое время рельефы, а небольшие их фрагменты до сих пор различимы на пирамидах Аманиастабарги (№ 2), Харсиотефа (№ 13) и Натасена (№ 15), но, кажется, вплоть до часовни Баскакерена украшения любого вида скорее были исключением. Начиная с этого периода они становятся правилом, и даже самые незначительные гробницы имеют подобные украшения.

Остатки этих рельефов находятся в пригодном для изучения состоянии только в Мероэ, и поэтому у нас есть информация только обо всем мероитском периоде, тогда как от напатанского периода до нас почти ничего не дошло. Но в самом Мероэ до нашего времени сохранилось вполне достаточно, чтобы отслеживать стилистические изменения на протяжении периода почти в 600 лет.

Основным мотивом настенных изображений на протяжении всех периодов остается изображение правителя, сидящего на троне, подлокотники которого в большинстве случаев сделаны в виде льва. За спиной правителя, оберегая его, стоит богиня Исида, а порой за ней — кто-нибудь еще из ближайших родственников царя (рис. 28). Самые ранние гробницы в каждой из групп украшены рельефами в египетском стиле с элементами эллинистического влияния. Особенно это чувствуется в погребении Аркамани, который захоронен в гробнице № 7, где столь заметен египетский стиль, что возможно предположить египетское происхождение резчика (рис. 29). Из этих самых ранних захоронений лучше всего сохранились рельефы на гробнице № 11, считающейся — довольно сомнительным — свидетельством принадлежности ее либо царице Нахирке (ее имя присутствует на пирамиде № 8 в качестве супруги царя, чье имя не сохранилось) или же Шанагдахете, которая известна нам в качестве царицы по

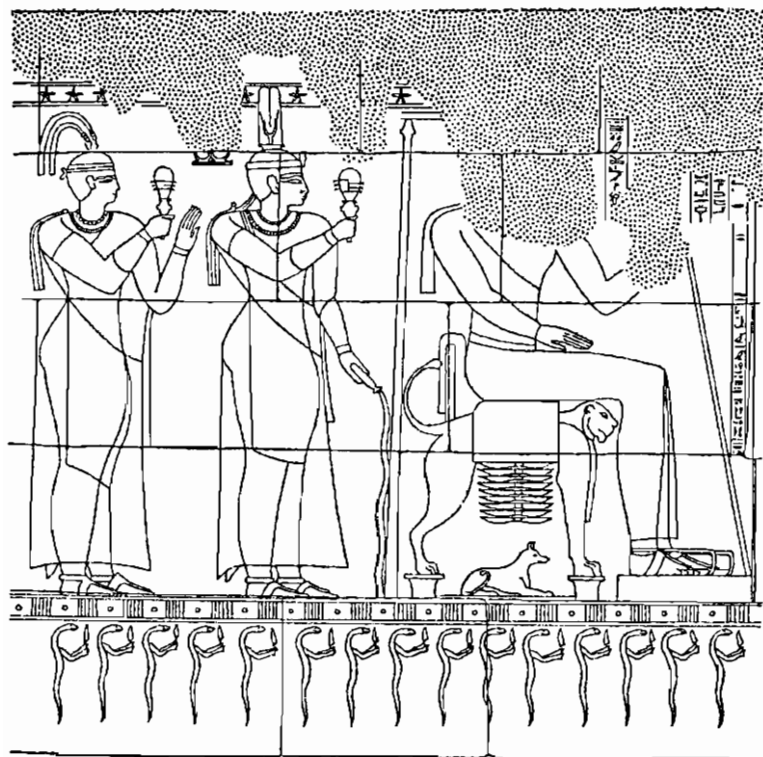

Рис. 28. Рельеф на стене часовни у пирамиды Аркамани

надписи на храме F в Наге. В чью бы честь ни были созданы эти рельефы, они представляют значительный интерес, ибо содержат намного больше отдельных деталей, чем большинство других. На них же впервые изображена процессия более мелких фигур, несущих пальмовые ветви, — сцена, которая стала очень распространенной и начиная с этого времени (начало II в. до н. э.) имеется на стенах почти всех часовен.

С пирамиды № 12 — а некоторые археологические детали позволяют нам датировать ее примерно тем же

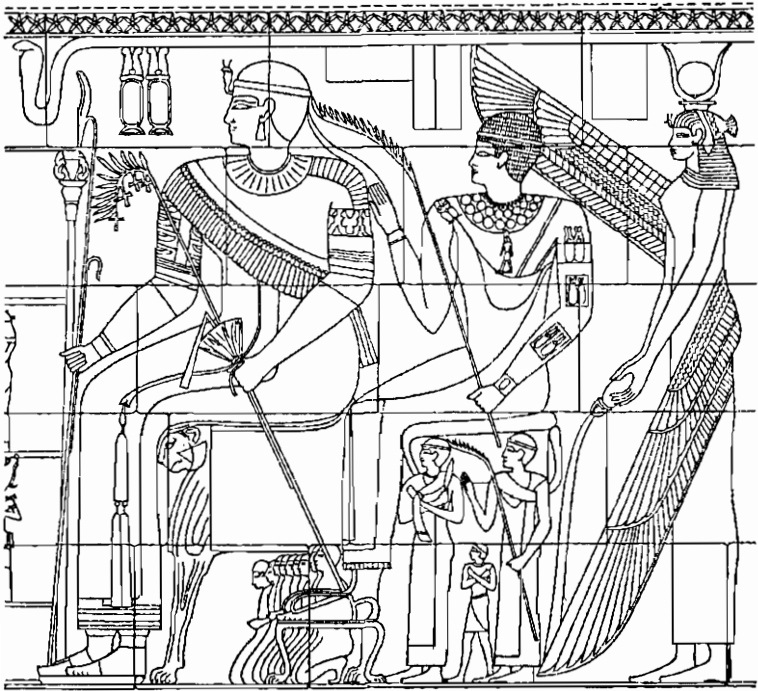

Рис. 29. Рельеф с часовни при пирамиде Нахирки

временем, что и пирамиду № 11, — мы начинаем наблюдать на изображениях все детали мероитских царских облачений. Они запечатлены там во всех подробностях, заметно отличающихся от более напоминающих египетские регалии на более ранних гробницах, и, похоже, знаменуют собой важные культурные перемены. Детали эти отличаются большой сложностью и присутствуют в широком спектре стилей одежды и личных украшений. Среди самых характерных следует отметить большие бусины-подвески (которые надевались буквально почти по

каждому случаю), отделанный бахромой покров, носимый на правом плече, и кисточки, свисающие с плеч. К ним же относится целый ряд головных уборов, по большей частью позаимствованных из Египта, за исключением плотно прилегающей к голове шапочки, обтянутой лентой и являвшейся обычным предметом одежды.

Сюжеты рельефов на стене храма Солнца уже были описаны выше. Они представляют особый интерес с художественной точки зрения, поскольку являются единственными примерами рельефов с изображением других сцен, кроме как весьма формальных процессий богов и царственных особ. Рельефы отличаются свободой изображения, находясь в разительном контрасте со стилизованными рельефами с часовен при пирамидах и других храмов, и демонстрируют нам детали оружия и боевой техники, которые не известны из других источников. При отсутствии материала для сравнения весьма трудно датировать главные сцены, хотя, как представляется, они не относятся к глубокой древности и могли быть созданы во времена Аспелты. С другой стороны, некоторые из рельефов на западной стене, в частности изображение двух всадников, созданы в совершенно другом стиле и позволяют со значительной вероятностью предположить римское влияние.

Другими весьма важными рельефами являются найденные в Мусавварат-эс-Софре и Наге. Самыми ранними из них, возможно первыми истинно мероитскими рельефами, считаются обнаруженные на стенах Львиного храма в хорошо сохранившемся состоянии. Они дали нам ценный материал для хронологии, а также для познания художественной эволюции. Эти рельефы, времен царя Арнехамани, созданы в раннем птолемеевском стиле, о чем свидетельствуют не только манера изображения, но и начертание иероглифов и язык надписей (рис. 30). В украшениях на фигуре царя, однако, заметны мероитские элементы, равно как и в уникальном изображении колец на больших пальцах правых рук царя и бога-льва Апедемака на северной стене (рис. 31). Эти

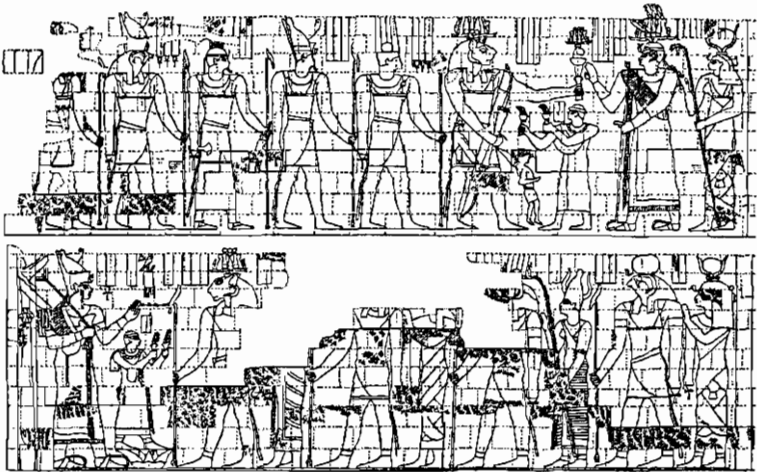

Рис. 30. Реставрация рельефов с южной и северной стен Львиного храма

кольца, носимые на большом пальце и в изрядном количестве известные нам по находкам в мероитских поселениях, являются своего рода загадкой. Они обычно считаются символом власти высших должностных лиц, но открытие Аркеллом на мероитском кладбище Хартума двух таких колец на больших пальцах правых рук погребенных там скелетов показывает, что порой они носились и просто как бытовая принадлежность. Об их предназначении какое-то время спорили, но в конце концов предположение Аркелла о том, что они использовались при натягивании лучниками правой рукой тетивы, стало общепринятым. Рельефы из Мусавварат-эс-Софры служат подтверждением этой точки зрения, и, хотя кольцо на руке царя может быть только украшением, знаменательно, что Апедемак, имеющий кольцо на большом пальце правой руки, держит в той же руке лук и колчан со стрелами (рис. 32).

В отличие от рельефов Львиного храма, другие произведения скульптуры из этого города встречаются толь-

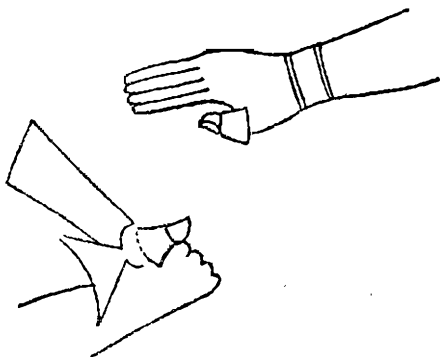

Рис. 31. Кольца для большого пальца на руках бога и царя, Львиный храм

ко в виде отдельных колонн и их капителей. Их стиль разительно отличается от всего прочего, известного в мероитском искусстве, заставляя вспомнить о горельефных изображениях и о некоторых других фигурах индийского искусства I в. н. э. В последнее время здесь были найдены новые изображения слонов, а основания отдельных колонн выполнены в виде резных голов слонов и львов, что опять-таки возвращает нас к мысли об индийском влиянии.

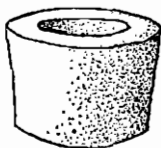
Скульптурные изображения из Наги, датируемые началом I в. н. э., вероятно, являются самыми известными из всех мероитских рельефов. Наиболее значительные из них обнаружены на стенах храма А, известного также под названием Львиного храма, и их описания уже были приведены выше. Будучи на три сотни лет древнее подобных же сцен со стен Львиного храма в Мусавварат-эс-Софре, они наглядно демонстрируют, сколь мало изменились основные элементы в мероитском искусстве, хотя за это время мастерство художников несколько снизилось. Имеются некоторые отличия в деталях царского одеяния и регалий, но сохраняется общее впечатление, что мероитская царская династия оставалась приверженной определенным художественным традициям на протяжении столетий. Новые элементы видны в представлении бога-льва как мно-

гоголового и многорукого существа, а частичное влияние классического мира античности — в изображении головы бога анфас на приведенной иллюстрации (рис. 25). Пилоны этого храма покрыты изящными изображениями царя и царицы, повергающими своих врагов, — мотив, восходящий ко временам египетского Нового царства, хотя его трактовка мероитскими художниками демонстрирует значительные отличия (рис. 24). На боковом пространстве этих пилонов имеется примечательный рельеф бога-льва, представленного с телом в виде змеи, поднимающейся из цветка лотоса; это в который уже раз заставляет нас вернуться к мысли об индийском влиянии (фото 12, рис. 33). Индийские художественные элементы столь сильны в отдельных областях искусства Мероэ, что это подвигло Веркутера заметить, что он считает мероитское искусство «в такой же степени индиазированным, в какой и египтизированным».

Среди менее выдающихся образцов вырезанных на камне скульптурных рельефов следует упомянуть столы для жертвоприношений (рис. 35, 36). Они были найдены в большом количестве на кладбищах и представляют собой значительную ценность для изучения мероитского языка, поскольку на них часто имеются ритуальные надписи и имя покойного, написанные по периметру граней. На них обычно бывают неглубоко вырезанные рельефные изображения бога Анубиса¹ и

Рис. 32.
Кольцо для
большого
пальца

¹ А н у б и с — египетское божество, в иероглифических памятниках называется Анепу или Ануп. По египетской мифологии Анубис — сын Осириса, родившийся от Нефтис, которую Осирис по ошибке принял за свою супругу Исиду. Греки приравнивали его к Гермесу, иногда же, объединяя его египетское и греческое имя, называли Германубисом. На памятниках он изображен с головой шакала, с заостренными ушами и мордой; эту голову греки заменяли головой собаки. На том и другом изображении его красуется двой-

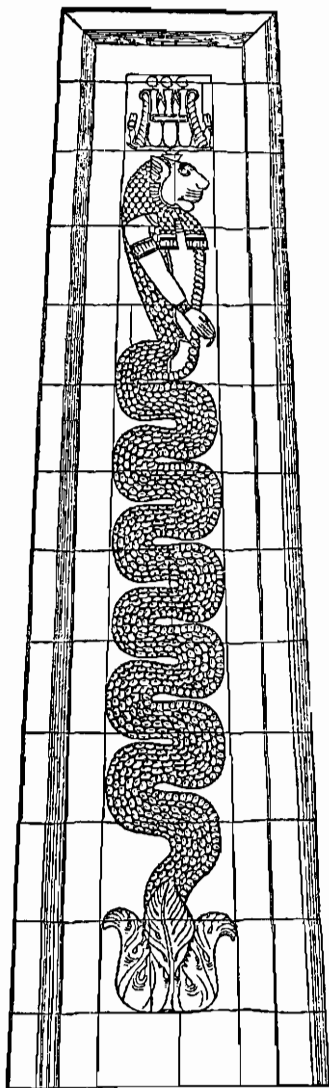

Рис. 33. Бог-лев с телом змеи, Нага

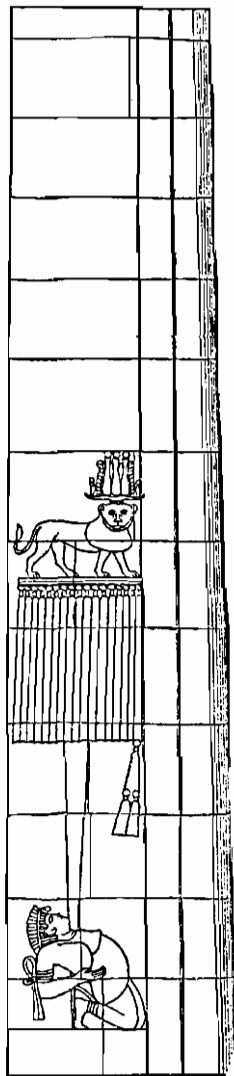

Рис. 34. Обычное изображение бога-льва, Нага

Рис. 35, 36. Мероитские столы для жертвоприношений

богини Нефтис², совершающих возлияния на стол, на котором вырезаны изображения жертвенных яств. Некоторые из таких столов не имеют изображений фигур божеств, а только изображения жертвенных яств и возлияний.

ная корона Верхнего и Нижнего Египта. По Плутарху, в жертву ему приносили белого или желтого петуха. Как и Гермес, Психопомпос у греков, он, по верованиям египтян, был проводником мертвых в подземный мир, называемый Аментес, и вместе с Горусом взвешивал дела их перед Осирисом. Когда египетский культ проник в Римскую империю, Анубис слился с Гермесом и его изображения с собачьей головой сопровождался знаками последнего.

² Нефтис или Нефтида (по-египетски «хозяйка дома») — богиня, дочь неба (Нут) и земли (Кеба), сестра Осириса и Исиды, супруга Сета, последний член великой эннеады; чисто искусственное женское дополнение Сета, который, как бог разрушения, не нуждался в нем. Нефтис — двойник Исиды; она родила от Осириса Анубиса и оплакивала его вместе с Исидой. Весьма часты изображения на саркофагах этих двух сестер, стоящих в головах и ногах мумий на коленях и плачущих; они играли также роль в ритуале плача над Осирисом, будучи представляемы двумя жрицами. Когда имя Сета стало заменяться Тотом, Нефтис выступает иногда супругой последнего, отождествляясь с Сафхет (в Фивах). Изображалась в виде женщины, с иероглифом своего имени на голове. В последний день года праздновалось ее рождение.

ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Из всех художественных изделий мероитской цивилизации более всего известны гончарные изделия. Они производились во многих селениях и описаны во множестве публикаций, при этом отмечается не только большое количество, в котором они были найдены, но и их высокие качества. Керамика представлена множеством разновидностей гончарного производства мира античности и наряду с более поздними и родственными им гончарными изделиями христианской Нубии образует основной вклад Древнего Судана в художественное наследие долины Нила.

В гончарных изделиях воплощены два элемента, постоянно присутствующих в мероитской культуре, благодаря которым четко видна грань между средиземноморскими и африканскими традициями, причем оба стиля, как было обнаружено, постоянно взаимодействуют друг

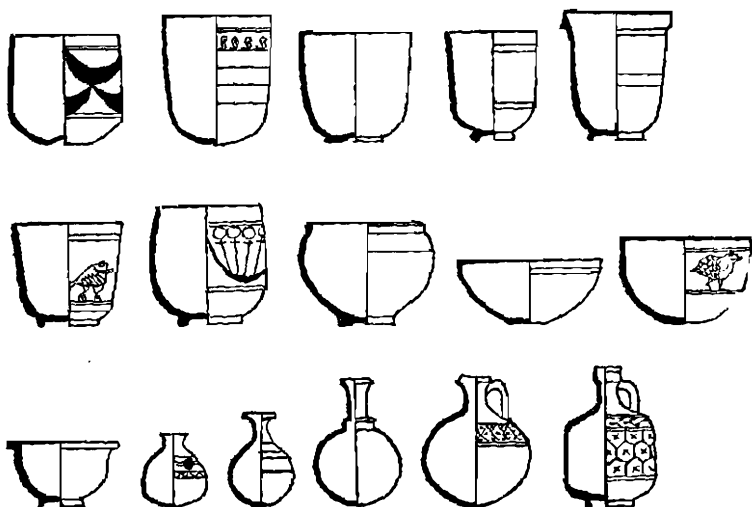

Рис. 37. Мероитская керамика: изысканные изделия

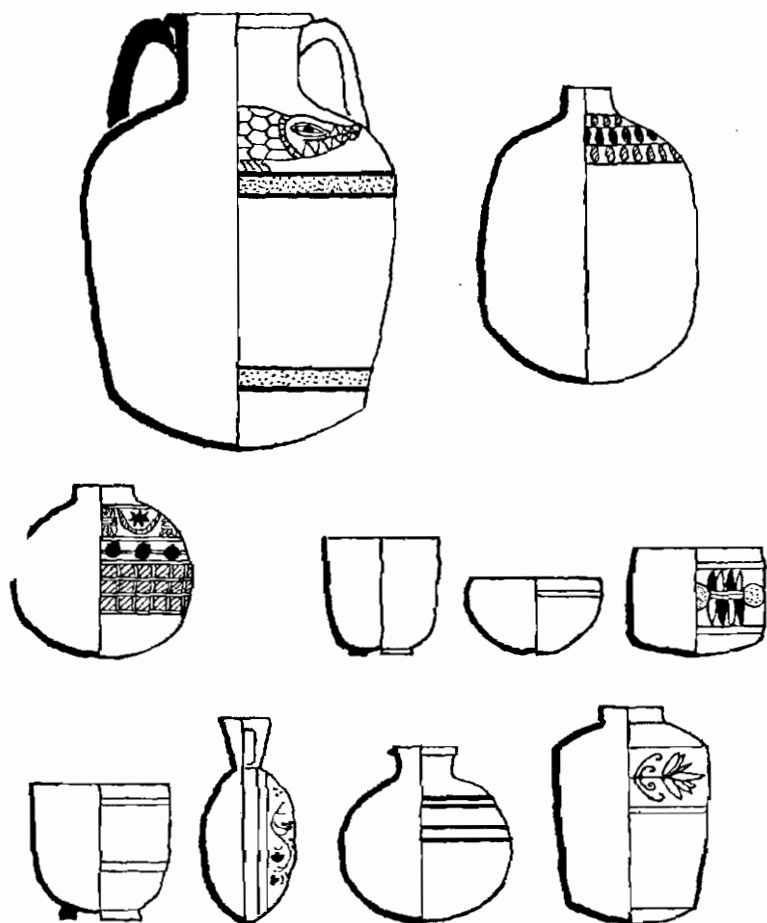

Рис. 38. Мероитская керамика: обиходные изделия

другом. В этих двух стилях присутствует также функциональная значимость. На протяжении всей истории уха можно видеть, что почти во все времена присутствуют две совершенно различные традиции — гончарные изделия, изготовленные на гончарном круге, с ясно

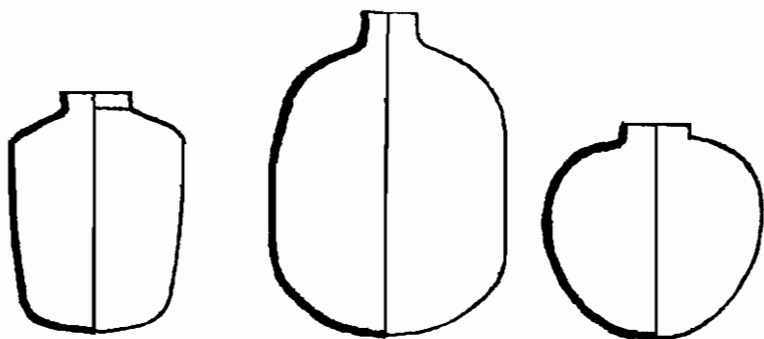

Рис. 39. Мероитская керамика: полированные изделия

видимым северным влиянием, произведенные мужчинами, и выработанные ручным способом изделия, произведенные женщинами. Гончарные изделия, изготовленные на гончарном круге, демонстрируют множество вариантов и готовность сделавших их ремесленников откликнуться на стилистические изменения. В то же время выработанные женщинами изделия керамики демонстрируют заметный консерватизм форм и стиля. Изделия женской работы отражают глубоко укорененную африканскую традицию, в соответствии с которой подобные изделия и в наше время сохраняют тот же самый стиль, причем не только в Судане, но и во многих других регионах Африки.

Вплоть до настоящего времени все коллекции керамики, о которых имелись публикации, были собраны во время раскопок кладбищ и происходили, за исключением самого Мероэ, из различных поселений Нижней Нубии. Очень мало известно о гончарных изделиях из южной части мероитского государства, и, поскольку заселение Нижней Нубии происходило со времени III столетия до н. э., то керамика более раннего периода совершенно неизвестна. Лишь в последнее время были проведены гораздо более детальные исследования мероитских гончарных изделий, а исследова-

ния Адамса пришли на смену более поверхностным ранним работам.

При исследовании керамики из северной части мероитского государства — как находок из погребений, так и найденных в немногих городских жилищах — Адамс расположил многочисленный найденный материал и классифицированные ранее его находки в определенном порядке, согласно культурным слоям, в которых они были обнаружены, что позволило ему установить начала хронологии. Единственная имевшаяся ранее попытка установления хронологии этой керамики основывалась на предложенной Гриффитом последовательности захоронений в Фарасе. Хронология эта была явно неудовлетворительной, поскольку одни и те же гончарные изделия были найдены во всех типах захоронений, за исключением самых поздних, уже постмероитской эпохи.

Согласно классификации Адамса, все гончарные изделия образуют пять основных групп: I — мероитская изысканная керамика, II — мероитская обиходная керамика, III — мероитская полированная керамика, IV — привозная греко-римская керамика, V — мероитская домашняя керамика. В группы I, II и III объединена керамика средиземноморского стиля, изготовленная на гончарном круге; в группе IV находятся все привозные изделия, в основном из Египта, хотя частью и из других регионов, в то время как в группу V включена изготовленная в африканской традиции керамика ручной работы.

Эти пять групп подразделяются на виды изделий; их можно подробно изучить по опубликованным работам Адамса, мы же рассмотрим только обобщенные их характеристики. На рисунках 37—41 изображены типичные формы горшков из различных групп (фото 34—43). Группа I объединяет знаменитые изысканные изделия, зачастую расписанные узорами, а также различными зооморфными фигурами. Иногда они отделаны полосами украшений, нанесенных шаблоном. Сосуды в этой группе керамики невелики по размерам, их выделка от-

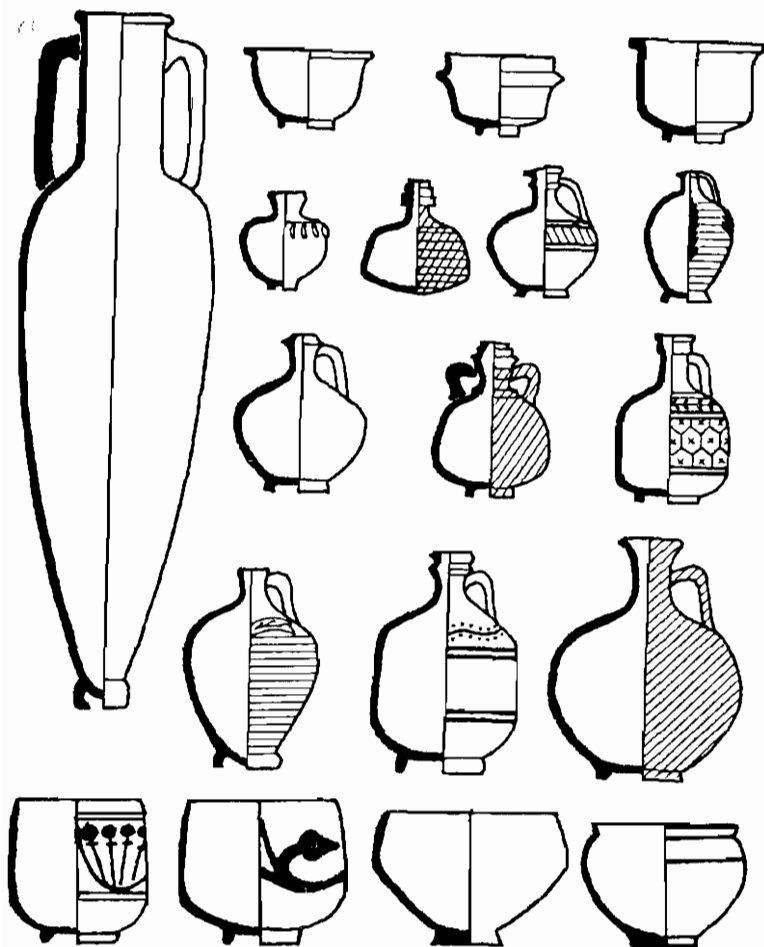

Рис. 40. Привозная греко-римская керамика

личается тонкостью работы и изысканностью рисунка. Этот стиль керамики появляется в самых ранних мероитских слоях Нижней Нубии и представляет собой нечто вроде художественной и хронологической проблемы, поскольку, как представляется, не имеет отчетливых

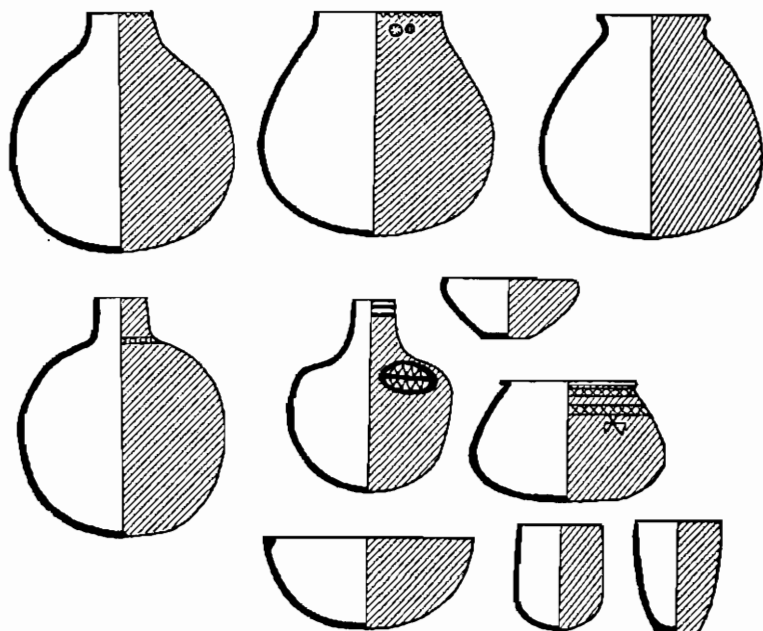

Рис. 41. Меройтская керамика: домашние изделия

предшественников. Неожиданно возникнув в конце IV или начале III столетия до н. э. как полностью сложившийся вид художественной керамики, чей закат, но никак не возникновение мы можем проследить, он продолжает оставаться загадкой. Каким бы ни было его происхождение, эта керамика имеет свой ярко выраженный самобытный характер, хотя во многих случаях ее мотивы восходят к Египту времен фараонов, что видно на примере изображенных на иллюстрации урея¹ и ло-

¹ У р е й (Уррит) — священная змея в Египте из породы ная, аспид. Считалась эмблемой царской власти. Сделанная из золоченого дерева или металла, прикреплялась к головному убору на лбу царей и богов или их статуй (из камня — на каменных). Эти изображения урея считались чудодейственными, поражавшими врагов царя и придававшими таинственную силу самим головным уборам.

тоса. Говоря словами Чарльстона, эти расписные гончарные изделия «демонстрируют адаптацию греко-римского стандарта, в котором классическая правильность уступает место энергичной и ритмичной работе кисти или настоянию прирожденного чувства формы» и представляют собой восхитительный и важный вклад в историю керамики (рис. 42).

Керамика групп II и III представляет собой более грубые разновидности гончарных изделий местного производства, причем большинство сосудов крупнее, чем представленные в группе I (фото 44—48). Они выполнены в той же традиции, их происхождение должно быть точно таким же. В качестве художественной росписи их украшают те же мотивы и сценки, те же фигуры животных и людей. Некоторые из этих живописных сцен основываются на местной тематике, как, например, на керамическом горшке, где лев пожирает человека выраженной африканской внешности (фото 46). Хотя изысканная керамика группы I, как представляется, не производилась уже по окончании мероитского периода, но все же продолжала свое существование, постепенно сходя на нет, вплоть до конца I столетия н. э., причем все более и более грубые разновидности этой керамики продолжали оставаться в ходу, так как самые поздние из найденных образцов датируются уже концом мероитского периода.

Привозные изделия группы IV отличаются от местной керамики тяжелой основой розового цвета, формой и украшениями демонстрируя свое происхождение из районов, пребывавших под влиянием римской традиции в керамике. Предположительно они были сделаны по большей части в Египте, как провинциальные копии изделий метрополии, хотя самые лучшие образцы могут исходить из районов Римской империи, лежащих ближе к Риму. Эти изделия отличаются множественностью форм (рис. 40), за исключением амфор, форма которых чрезвычайно единообразна, где бы они ни изготовлялись. Основная часть сосудов отличается не-

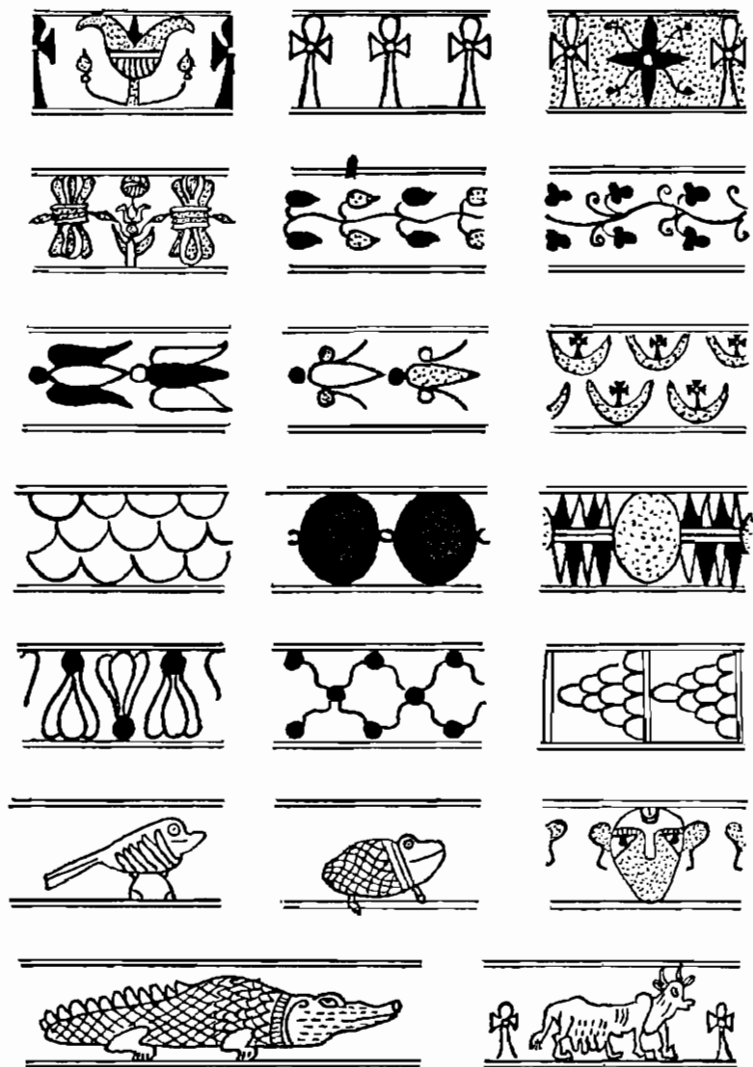

Рис. 42. Рисунки украшений на мероитской керамике

большими размерами. Большинство горшков этой группы не имеет росписи, хотя часто они украшены узкой полоской розового, кремового или красного цвета. Одна подгруппа этой керамики весьма напоминает древнеримские барботиновые¹ изделия, с расписными боками и росписью по краям (фото 53, 54). Есть подгруппа красной полированной керамики, предположительно сделанной также в Египте, представляющая собой ухудшенную копию древнеримской арретиновой² керамики. Примером изделия такой подгруппы является чаша из Фараса (фото 43, в центре). Отдельные чисто итальянские или, по крайней мере, европейские изделия были найдены как в Мероэ, так и в Вад-бен-Наге. Из привозной керамики, не относящейся к этой группе, самым известным образцом является великолепный античный ритон³, найденный в гробнице № S. 24 в Мероэ. Этот шедевр, носящий клеймо гончара Сотадеса, попал в гробницу, скорее всего сменив многих владельцев, поскольку известно, что Сотадес работал в Афинах в конце V столетия до н. э., а гробница датируется примерно 400 г. до н. э.

Керамика группы V совершенно отличается от всех других подобных изделий. Эти отличия касаются прежде всего способа ее производства, так как она лепилась руками без применения гончарного круга, а также из сырья, содержащего небольшие кусочки слюды и во множестве резаную солому и траву (фото 57—59). Эта керамика менее прочна. Обжигалась она при невысокой температуре, скорее всего, не в специальных печах, как более изыскан-

¹ Барботин — паста на основе глины для создания украшений на гончарных изделиях.

² Арретиновая керамика (Arretine ware — *англ.* или terra sigillata — *лат.*) — покрытые красной глазурью изделия из терракоты, производившиеся в Тоскане с 100 г. до н. э. по 100 г. н. э., широко распространившиеся в результате торговли.

³ Ритон — у древних греков сосуд для питья, в форме рога, с небольшим отверстием в остром конце, через которое вино проходило тонкой струей. Часто сосуду придавалась форма головы животного.

ные изделия, а более простым способом, использующимся до наших дней, — сосуды помещаются в вырытое в земле углубление, заваливаются кизяком и другими горючими материалами, которые затем поджигаются. Подобная керамика обычно черного цвета, небольшие сосуды часто полируются; порой они украшаются небольшой полосой красного цвета, которая затем шлифуется. Такие гончарные изделия часто украшаются выдавленными до обжига узорами, заполняемыми белой или, несколько реже, красной краской (фото 55). Их форма повторяет калebasы¹ и бурдюки — обычные емкости на большей части Африки, которые в основном и были предшественниками гончарных изделий и до сих пор используются кочевыми племенами, поскольку они менее хрупки и удобнее для кочевой жизни. В редких случаях некоторые из небольших сосудов имеют форму, близкую к форме металлических емкостей.

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Ювелирные украшения, известные нам по находкам главным образом в царских гробницах, представляют собой одни из самых знаковых изделий мероитской культуры. Они были найдены в значительных количествах: самая большая их группа была обнаружена Ферлини, по его словам, в пирамиде № 6 в Мероэ, принадлежавшей царице Аманишахете. Существуют некоторые сомнения в истинности этой версии. Бадж, например, считает, что, даже если эти ювелирные изделия первоначально происходят из Мероэ, они все же не были найдены в одной гробнице, а, скорее всего, приобретены у некоего торговца. Скептицизм Баджа имел основания, поскольку уже ранние исследователи выражали сомнения

¹ К а л е б а с — сосуд из высушенной тыквы особого вида, дающего продолговатые плоды.

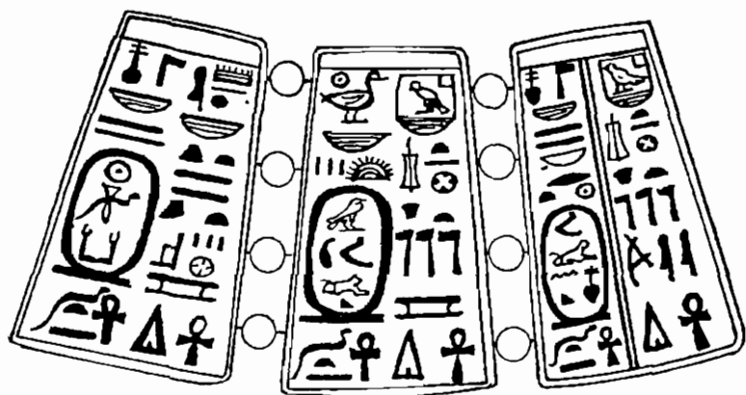

Рис. 43. Золотые пластины с именами Амталги и Маленакена из Мероэ

относительно подлинности материала. Ныне же, когда мы знаем куда больше о мероитских ювелирных изделиях, имеется полная уверенность в том, что эта прекрасная коллекция — подлинная и почти наверняка извлечена из одной из царских гробниц Мероэ.

Пожалуй, куда надежнее все же продолжить рассмотрение вопроса на примере находок, сделанных во время раскопок Райснером и представляющих собой множество великолепных ювелирных изделий. К раннему мероитскому периоду относится не так уж много находок, они становятся многочисленными и богатыми лишь к I в. до н. э. По самым первым находкам, относящимся к захоронениям Нури и ранним мероитским гробницам, видно, что эти ювелирные изделия созданы в современном им египетском стиле и лишь в более поздних образцах воплощают специфически мероитский стиль (рис. 43). Говоря о более ранних изделиях, стоит особо упомянуть о золотых пластинах из Мероэ с именами Амталги и Маленакена на них. Эти пластины являются частью клада, найденного в основании строения № 294, и представляют важное свидетельство раннего заселения

Мероэ. Их точное предназначение не ясно, хотя они могут быть частью ожерелья, так как пластины первоначально были соединены между собой, причем между ними находились аметистовые бусины.

Значительная часть этих ювелирных изделий изображена на рельефах цариц, которые предстают перед нами на этих изображениях буквально увешанными самыми различными украшениями. Большинство их сделано из золота — серьги, браслеты, перстни — и часто инкрустировано полудрагоценными камнями, как правило сердоликами. В качестве иллюстраций могут служить приведенные здесь изображения группы серег и браслетов из золота с сердоликами, найденных в пирамиде № W.5 в Мероэ (фото 60, рис. 44).

Эти и еще множество других украшений были найдены на груди женского скелета, лежавшего в той же погребальной камере, что и другой, который, как нам известно по надписи на рельефе в часовне, являлся останками царицы. Было высказано предположение, что первый скелет принадлежал девушке-служанке, заведовавшей драгоценностями своей госпожи; эти драгоценности были положены ей на грудь в полотняном или кожаном мешочке, который совершенно сгнил. Захоронение предположительно датируется концом I в. до н. э.

Все эти золотые изделия во многом напоминают образцы поделок египетских ремесленников в эллинистическом стиле, хотя они изучены недостаточно для того, чтобы делать какие-либо категорические заключения или проследивать стилистические изменения в различные эпохи. Похоже на то, что большинство этих украшений были местного происхождения, а множество находок их свидетельствует о богатстве мероитского государства и обилии здесь золота. Дизайн ювелирных изделий весьма различен, хотя голова Хатор¹ является самым распростра-

Рис. 44.
Золотые
серьги из
Мероэ

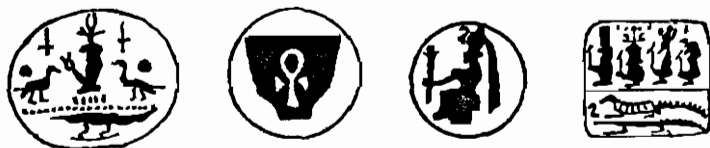

Рис. 45. Золотые и серебряные кольца из Мероз

ненным мотивом серег (фото 62). Амулеты изготавливались обычно в виде различных насекомых, раковин каури, бараньих голов. На золотых и серебряных кольцах мы видим большое разнообразие выгравированных фигур, многие из которых берут свое начало в мифологии Египта и представляют собой фигуры богов (самая распространенная — Исида), а также другие египетские символы (фото 61, рис. 45). Отдельные украшения греческого стиля были, по всей видимости, привезены издалека, как, например, кольцо с надписью на греческом языке ΧΑΡΙΣ, и другое, с изображением Афины, держащей в руке факел.

Ряд небольших серебряных пластин с изображениями львов или львиных голов, с отверстиями по краям, был найден в пирамидах № 16 и № 11; они упоминались выше как декоративные элементы из драгоценного металла (рис. 46). Некогда эти пластины могли украшать кожаные доспехи, но со столь же высокой вероятностью могли служить и украшениями конской сбруи.

Кроме ювелирных изделий, при раскопках захоронений во множестве были найдены бусины, но опять-таки мало что было сделано для изучения изменений в моде и стиле этих украшений за те века, что они были в ходу.

В ранних погребениях были обнаружены бусы египетского стиля и множество небольших фаянсовых аму-

¹ Х а т о р — в древнеегипетской мифологии и религии богиня неба и плодородия, любви и веселья. Изображалась в виде женщины с головой коровы. Считалась покровительницей женщин и детей. Центром культа Хатор был город Иупет (современная Дендера), где находился храм Хатор.

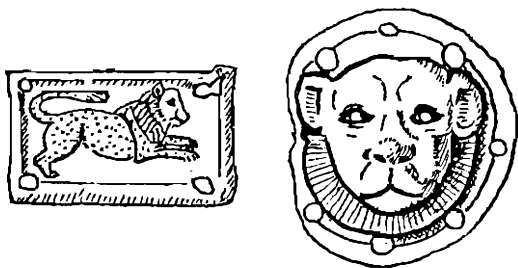

Рис. 46. Серебряные пластины с головой льва из пирамид Мероэ

летов, столь хорошо известных нам по Египту (рис. 47). Одна из связок этих ранних бус изысканной работы, датируемая самым началом нашей эры, была обнаружена в пирамиде № 8, принадлежавшей Аспелте. Связка содержит восемь рядов бусин из золота и берилла и один ряд бусин из аметиста.

Самые богатые и разнообразные бусы датируются более поздним периодом, наиболее обширное их разнообразие обнаружено на кладбищах Фараса. Кроме обычных полудрагоценных камней, широко использовалось

Рис. 47. Образцы фаянсовых амулетов

стекло. Довольно большое количество подобных бус было привезено из Египта. Среди них — «бусы для лица» и бусы из многоцветного стекла. Что касается местных материалов, то скорлупа страусовых яиц, используемая со времен неолита, продолжала широко применяться. Также и дисковидные бусы не отличаются от тех, что известны с древнейших времен. Часто встречаются шаровидные и бочковидные бусы, а к I в. до н. э. появляются подвески из подобных материалов и кварца (фото 63). Каплеобразные бусы из непрозрачного кварца характерны для самого конца мероитской эпохи и остаются распространенными и в последующее время.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Поскольку все исследованные нецарские захоронения датируются примерно III в. до н. э. или более поздним временем, у нас нет никакой информации о нецарских металлических изделиях более ранних эпох. Но начиная с этого более позднего периода большая часть произведенных в этом регионе предметов состоит из бронзовых чаш примитивного стиля, украшенных различными инкрустациями (фото 64, 65). Они были найдены в большом количестве в Фарасе, а также при раскопках других захоронений на юге, вплоть до Сеннара. Похоже, что чаши с характерным мероитским орнаментом были местного производства. Однако, поскольку в долине Нила не было природных месторождений медной руды, сырье для них было привезено из-за границы.

Известны сосуды более изысканных форм, например в виде бутылки, предположительно датирующиеся I или II в. н. э. К ним можно отнести и чашу на ножке с двумя ручками из Гемаи (фото 66, фото 68). Было также найдено множество чаш с ручками для подвешивания, причем лучшие их экземпляры были обнаружены также в захоронениях Гемаи.

Рис. 48. Изображение слона, вырезанное на бронзовом кубке из Мероэ

Совершенно необычной находкой, почти наверняка происходящей также из Мероэ, стал кубок с вырезанным на нем изображением двух слонов, держащих в хоботах то, что представляется рядом колец (рис. 48). Несколько выше головы одного из них различима эмблема, которая может быть знаком владельца или сделавшего его мастера. На чаше из Каранога можно видеть изображение селения и сцену из сельской жизни.

Весьма необычным образцом работы по бронзе является конусовидный предмет из Кавы, который мог быть навершием флягштока. На нем читается имя царя Аманихабале, и поэтому его предположительно относят к I в. до н. э.

Большинство привозных предметов роскоши, дошедших до наших дней, сделаны из металла — бронзы и серебра. Среди наиболее часто встречающихся предметов средиземноморского происхождения есть лампы. Два особо изящных экземпляра были найдены в пирамиде № 18 в Мероэ, в которой была захоронена царица Аманихаташан, правившая в конце I в. н. э. (фото 70, 72). Эти лампы, имеющие ручки в виде туловища кентавра, не подда-

4335 4w Y 52
13

Рис. 49. Эмблема и надпись на бронзовой лампе из гробницы царя Такидеамани

ются точной датировке, но можно предположить, что они были сделаны греческим мастером на рубеже двух эр. На фотографиях приведены изображения еще двух ламп, одна из них (типичной для Древнего Рима формы) была найдена в Фарасе, другая, датирующаяся III в. н. э., — в гробнице на Западном кладбище Мероэ (фото 73). Эта лампа, украшенная изображением двух слоновьих голов, лишней раз свидетельствует о приверженности мероитов к этим животным (фото 71).

Последняя из изображенных ламп несколько необычна. Найденная в пирамиде № 29 в Мероэ — захоронении царя Такидеамани, — она сделана из бронзы, но имеет железную рукоять, к которой был присоединен бронзовый крюк для подвешивания (фото 69). За прошедшие годы железо уничтожила ржавчина, но теперь рукоять восстановлена. Эта лампа интересна и тем, что, будучи сделанной в классическом стиле с защитной стойкой для пламени в виде акантуса и крюком в виде головы грифона, она представляет совершенно уникальное изделие, не имеющее аналогов. На ней имеется надпись на мероитском языке (читающаяся как *abrikheli she*, возможно, имя изготовившего ее мастера) и знак, кото-

рый присутствует также на других предметах в царской гробнице (рис. 49). Данхэм предположил, что его следует считать геральдическим знаком, которым отмечались предметы, отобранные для царской усыпальницы, и который, следовательно, свидетельствует о том, что лампа была сделана в самом Мероэ. Если это так, то можно говорить либо о высоком уровне технического мастерства местных умельцев, либо о присутствии в городе иностранных мастеров.

Подвесная чаша в виде головы коровы была найдена в Фарасе (фото 77). Сама чаша и ее ручка сделаны из бронзы, ушки для крепления ручки — из железа (восстановлены позднее), а глаза инкрустированы серебром. Чаша предположительно датируется II или III в. н. э. Известно много других привозных предметов из бронзы, но объем книги не позволяет описать их все. Упомянем только великолепный футляр для зеркала из Фараса (фото 75, 76). На внешней стороне футляра изображены голова и плечи женщины в эллинистическом стиле, тогда как изнутри он украшен выгравированной сценой, изображающей Гарпократа¹, сидящего на цветке лотоса в окружении девяти существ, некоторые из них являются животными и птицами, а другие мифическими существами.

Среди находок часто попадаются бронзовые колокольчики, в том числе с выгравированными на них изображениями. Некоторые имеют в плане форму восьмигранника, украшенного изображениями связанных пленников, другие принадлежат к более распространенному типу и украшены сценками с хищниками, нападающими на ста-

¹ Г а р п о к р а т — греческая транскрипция одного из египетских эпитетов бога Гора, впоследствии ставшего именем особо выделившегося божества. Впервые это имя появляется в надписи на пирамиде царя VI династии Меренра. В ермонтском святилище, воздвигнутом при Птолемах, изображено его рождение и воспитание. Он олицетворял восходящее солнце; изображался с косичкой на голове и пальцем правой руки во рту — признак детства. Греки не поняли этого условного знака и сделали из Гарпократа бога молчания.

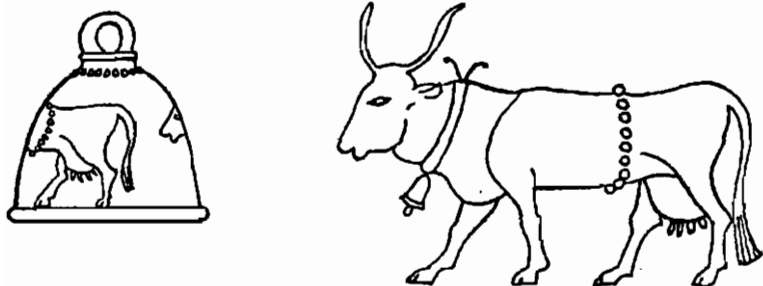

Рис. 50. Гравированное изображение коровы на бронзовом колокольчике

до (рис. 50). Иногда они использовались как коровьи боталы, что можно заключить по небольшому колокольчику, который украшен рисунком коровы с таким же колокольчиком на шее. Корова, изображенная на чаше из Каранога, также имеет на шее колокольчик.

Некоторое количество серебряных сосудов являются привозными; среди них стоит отметить кубок, первоначально позолоченный, найденный среди упавших блоков пирамиды № 2 (фото 78). Он не мог быть частью содержимого этой гробницы и, возможно, был обронен грабителями могил, его отделка напоминает римскую. Кубок предположительно датируется серединой I в. н. э. Серебряная миска из гробницы № 18 — еще один великолепный образец примерно того же времени (фото 74). На ней выгравированы две сценки, сделанные в той же манере, что и рисунки на кубке со слонами и на лампе, а также, возможно, и клеймо сделавшего его мастера.

СТЕКЛО

По причине природной хрупкости стекла до нас дошло относительно мало целых сосудов, хотя их стеклянные фрагменты встречаются довольно часто. Все

найденные стеклянные изделия относятся к римскому стилю. Это дало основания исследователям Каранога, где были найдены тончайшие образцы изделий из стекла, утверждать, что «изделия из выдувного стекла не были произведены в Нубии», — вывод, который в свете современных исследований представляется излишне категоричным. Это отнюдь не значит, что стеклоделие было неизвестно мероитам, но, как представляется, все местное производство стекла ограничивалось изготовлением бус.

Поскольку среди находок отсутствуют предметы, относящиеся к ранним периодам, мы знаем, что стекло было относительно редко в Египте в период после XVIII династии и до начала IV в. до н. э. Лишь после важной технической революции в начале христианской эры, когда произошел переход от производства литого стекла к выдувному, оно получило широкое распространение. Но даже и тогда оно продолжало оставаться в ограниченном употреблении вплоть до середины I в. н. э. Каранис, который, как представляется, был главным центром производства в Египте и из которого попали в Мероэ многие из найденных там предметов, начал производить их в полную силу только не ранее 100 г. н. э.

Изящный сосуд литого стекла был найден в Фарасе в гробнице, датируемой I или II в. н. э. (фото 83). Другие известные сосуды почти все сделаны из выдувного стекла и, судя по их форме, предназначались для хранения женских притираний и ароматических масел. Представляется, что в большинстве случаев они были привезены в качестве емкостей, содержащих эти ценные товары. Один из этих сосудов, сделанный из зеленого стекла, был найден в Фарасе. Сосуды подобного типа находят на всем пространстве римского мира, они датируются серединой III—IV в. (фото 82). Ряд таких же сосудов был найден в Караноге. Помимо этих флаконов с двумя ручками были найдены многочисленные фрагменты косметических сосудов, а также несколько целых. Флаконы этого типа

были наиболее распространенными в Римской империи и оставались практически без изменения с I по V в. н. э. Восемь сосудов, сделанных из зеленого стекла, были обнаружены при раскопках пирамиды № 18. Они были найдены (причем три из них в виде отдельных фрагментов) в остатках деревянной шкатулки, которая была сделана специально для них и в которой они, по всей вероятности, и были привезены из Египта.

Двухцветная бутылка, сделанная из коричневого и фиолетового стекла и украшенная полосками желтого стекла (фото 84), была найдена в гробнице № 300 в Мероэ. По форме она напоминает гончарные изделия конца мероитского или даже постмероитского периода и датируется 200—400 гг. н. э.

Высокие образцы мероитского искусства являют нам завораживающие свидетельства богатой культуры, испытывавшей на себе широкий спектр воздействий соседних цивилизаций.

Глава 5

ЯЗЫК

Хотя прошло немало времени с тех пор, как впервые были расшифрованы мероитские письма, язык мероитов все же остается в значительной мере загадкой, а значение их слов в большинстве случаев ускользает от понимания. Это является ощутимой преградой для изучения мероитской истории и культуры.

Надписи на мероитском языке были известны с 1819 г., когда Гау опубликовал несколько письменных строк с храма в Дакке. Еще несколько надписей были опубликованы в первой половине XIX столетия, но вызвали лишь незначительный интерес и немногие комментарии, пока Лепсиус не собрал свою первую большую коллекцию в 1843—1844 гг. Лепсиус, как и большинство первых исследователей этих текстов, полагал, что они должны быть написаны на нубийском языке, который до сих пор в ходу в одном из регионов долины Нила (от Дайроу в Египте до Деббы, местечка, расположенного чуть ниже по течению Четвертого порога). Позднее Лепсиус сам отказался от своей точки зрения, придя к заключению, что язык этот ближе к бейджа, языку кочевников, распространенному в нагорьях у Красного моря. Его коллеги, однако, продолжали придерживаться мнения, что этот язык был нубийским.

Заслуга первого прочтения текстов принадлежит Гриффиту, ему же удалось к 1909 г. установить фонетическое значение большинства письменных знаков. Тогда-то и стало понятно, что мероитский язык не является ни ну-

бийским, ни бейджа. Просматривались только определенные аналогии с нубийским, хотя лишь немногие слова можно было предположить общими для обоих языков. Гриффит так прокомментировал этот факт: «Аналогии с нубийским языком, как в структуре, так и в вокабуляре, настолько поразительны, что заслуживают упоминания». Но с [неизвестно] язык не был нубийским, и его сущность, а также его с [неизвестно]шения с другими языками Африки по-прежнему остаются загадкой.

Время от времени предпринимались попытки найти родственные языки, и в 1930 г. [неизвестно] вернулся к мысли, что ответ может быть найден [неизвестно]ении кушитских языков прибрежного региона Красного моря, то есть языковой группы, к которой принадлежит и бейджа. Его мнение было резко опровергнуто Хитце, который показал, что эти языки отнюдь не родственные. Хитце, однако, не смог выдвинуть никакого позитивного предположения. В 1955 г. Гринберг вынужден был признать, что «язык этот не родственен никакому существующему языку Африки». С тех пор не появилось никаких новых фактов, и, несмотря на все успехи в африканском языковедении, в этом вопросе не было достигнуто никакого прогресса.

Географическое распределение восточных суданских языков, к которым принадлежат нубийский и нильский языки южного Судана, позволяет с высокой степенью вероятности предположить, что они представляют собой остатки того, что некогда было однородной группой родственных языков, разбросанных на широком пространстве Восточной Африки с центром в Судане. Есть вполне обоснованные гипотезы, что мероитский язык принадлежал к этой же группе, что и объясняет его сходство с нубийским. Существуют основания думать, что мероитский язык мог быть родственен малоизвестной группе языков, под названием «коман», на которых ныне говорят на ограниченном пространстве вдоль Голубого Нила и вокруг Джебель-Гуль. Группа эта не включается в восточносуданскую семью языков,

но принадлежит к более широко распространенным шари-нильским языкам. Триггер высказывал твердое убеждение в том, что мероитский язык входил в восточносуданскую группу языков, и приводил ряд интересных параллелей между мероитским и другими языками этого большого семейства.

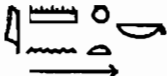
Мероитский язык, наряду с этрусским, отличается тем, что является одним из двух языков античности, фонетическое значение знаков которого может быть воспроизведено с достаточной долей определенности, однако значение этих слов остается непонятым. Надписи на нем разделяются на два типа; к первому относятся надписи, выполненные иероглифами, основывающимися на египетских прототипах, ко второму — сделанные отличительными мероитскими письменами, обычно известными под неправильным названием «курсив». Буквы в этой форме письменности не соединяются между собой, поэтому, строго говоря, его неправильно именовать курсивом, но термин этот распространен настолько широко, что мы сочли за лучшее оставить его здесь в употреблении.

В напатанскую эпоху официальным языком страны был египетский, хотя мероитский мог быть распространен в качестве разговорного обиходного языка. Все известные надписи того периода сделаны на египетском, но знание этого языка постепенно сходило на нет. С течением времени по надписям становятся заметны все усиливающаяся неграмотность и незнание правил египетской грамматики и орфографии. Древнейшие мероитские надписи, которые поддаются датировке, сделаны во времена царицы Шанагдахете (ок. 180—170 гг. до н. э.) на стенах храма в Наге. Самые ранние мероитские надписи сделаны иероглифами, но их быстро заменяет курсив, и после правления Нетекамани иероглифические надписи становятся редки. Последней из них является имя царя Тарекенивала, высеченное на пилоне его пирамиды (гробница № 19), датируемой первыми годами II в. н. э.

Первые попытки расшифровки языка Гриффитом можно найти в его статье о надписях в Арейке. В ней он приходит к выводу, что мероитские иероглифы, в противоположность египетским, были не идеографическими, а алфавитными, о чем свидетельствует их немногочисленность. Кроме этого, он пришел к заключению, что, в противоположность египетской практике, направление, в котором развернуты иероглифы, изображающие людей, животных и птиц, должно было также иметь значение для читателя.

Важнейшая надпись, которая сделала возможным определение фонетического значения слов, была начертана на основании священной ладьи, обнаруженной Лепсиусом в Вад-бен-Наге, и впервые опубликована им же. В ней два царских имени, Нетекамани и Аманитаре, были написаны как египетскими, так и мероитскими иероглифами. Поскольку к этому времени египетский язык уже был хорошо изучен, имена эти были прочитаны, а эквивалентные фонетические значения могли быть соотнесены с мероитскими иероглифами.

Вот эти надписи:

1. Египетская

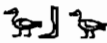

изображает имя Нетекамани с обычной почтительной инверсией, согласно которой имя бога (Амона) следует впереди, хотя читается последним,

Мероитская

2. Египетская
Аманитаре

Мероитская

По этим именам возможно было сделать определенные корреляции, и стало видно, что мероитская иероглифическая система была основана на отборе и модификации египетской системы. Таким образом, были установлены первые пять знаков, которые и приведены ниже в виде таблицы наряду с египетскими знаками, от которых они были произведены:

	= n : египетский		= n
	= m : египетский		= m
	= g или k : акрофония ¹ от египетского		= gh или k ^г
	= t : египетский		= t
	= i : египетский		= i; Hl в древнем коптском языке
	= t : неясно, возможно египетский		= ta
	= r или l : египетский		= r
	= y : египетский		= y

Это позволило определить звучание восьми из в общей сложности двадцати трех используемых знаков. Тем временем исходя из сравнения погребальных текстов было установлено соответствие между иероглифическими и курсивными буквами. Было замечено, что эти тексты на столах для жертвоприношений и стелах обычно начинаются с

4 1115 ω 13 : 4 3 1 8

¹ А к р о ф о н и я (от *греч.* akros — крайний и phonos — звук) — слова, образованные из начальных букв слов исходного словосочетания, читаемые не по алфавитным названиям букв, а как обычное слово. По принципу акрофонии построены некоторые сложносокращенные слова в русском языке — например, «вуз» (высшее учебное заведение), «ГУМ» (Государственный универсальный магазин).

Один стол для жертвоприношений, найденный в Мероэ, был украшен иероглифическими знаками, которые можно перевести так:

ⲓ ⲛ ⲛ

...и совершенно ясно, и сразу же стало понятно значение семи курсивных знаков:

ⲓ = ⲛ	ⲛ = ⲛ	ⲓⲓⲓ = ⲛⲛ
ⲓⲓ = ⲛⲛⲛ	ⲛ = ⲛ	ⲓ = ⲛ
ⲛ = ⲛ		

Эти соответствия были подтверждены и дополнены сравнением других групп одинаковых текстов и некоторых других, посредством чего и были установлены соотношения между двадцатью одним курсивным знаком и их иероглифическими эквивалентами. Таким образом, на данном этапе были установлены фонетические значения восьми знаков в обоих алфавитах. Затем Гриффит посредством блестящего анализа распознал гласные знаки в курсивном алфавите и установил их соответствие иероглифам. Курсивные знаки, установленные таким образом, были

ⲓ, ⲛ, ⲛ, ⲛ.

Дальнейшие значения были установлены путем сравнения названий географических пунктов и других имен собственных, что позволило с определенной долей уверенности сделать выводы о соответствиях фонетических значений знаков. Полученные данные представлены в виде следующей таблицы:

	52	{ заглавный алеф или а		5	l
	5	e		6	h(kh)
	1	ê		3	h(kh)
	4	i		///	s
	///	y		3	š(sh)
	3	w		2	k
	v	b		11	q
	2	p		7	t
)	m		15	te
	2	n		4	tê
	e	ñ		2	d
	ω	r	:	:	{ знак раздела слов

То, что такая интерпретация не может быть очень уж ошибочной, видно из значительного сходства мероитских иероглифических форм с хорошо знакомыми египетскими, и даже некоторые курсивные знаки очень схожи с египетским демотическим письмом. Остальные курсивные знаки не выказывают явного отхода от египетских, так что мы не можем сказать, где они были изобретены, — они вполне могли быть непосредственным местным изобретением. Хотя никто не оспаривает

тот факт, что, как представляется, фонетические соответствия установлены верно, остаются все же некоторые сомнения касательно значений гласных знаков. Подозрительны и несколько вариантов написания для знаков "i" и 'i, а также гласные. В процессе установления фонетических значений стало видно, что две или три вертикальные точки используются как разделители слов.

Гриффиту удалось продвинуться в понимании очень большого числа погребальных надписей на столах для жертвоприношений, найденных на кладбищах, в основном в Шаблуле и Караноге, работа эта была с успехом продолжена Хитце. К настоящему времени известно более двухсот экземпляров подобного рода надписей, часть из них была сделана на столах для жертвоприношений, а другая — на стелах. Надписи эти выполнены по единому образцу: почти все, за исключением единичных, начинаются со слов *weši : šereyi*. После этого обычно следует группа знаков, различных во всех текстах, а за ней двойная фраза, половина которой начинается с *ate* или *at*. Предполагая, что надпись должна содержать имя усопшего, можно видеть, что единственное место, на котором оно может находиться, есть третья группа знаков; именно здесь тексты значительно отличаются друг от друга, а во многих случаях здесь же присутствуют группы слов, которые предположительно могут быть титулами, родословной и тому подобным.

Исходя из принципа построения этих погребальных надписей, можно догадаться, что они начинаются с закланания, а зная надписи подобного типа египетским демотическим письмом, становится вполне понятно, что первые два слова представляют собой имена Исиды¹ и

¹ И с и д а (Изида) — греческая транскрипция имени древнеегипетской богини Исе(т) (этимология неизвестна), первоначально местной покровительницы Буто в Дельте, затем, по сопоставлению с богом соседних Бузириса и Мендеса—Осирисом, — женское дополнение, сестра и супруга последнего, чему соответствовала и искусственная иероглифическая орфография обоих имен. Подобно Осирису, Исиды дочь неба (Нут) и земли (Кеба), олицетворение долины,

Осириса¹, «О, Исида, о, Осирис». За ними следуют имя, происхождение и восхваления усопшего, а заканчивается фраза ритуальной формулировкой, которая представляет собой предположительно молитву.

оплодотворяемой Осирисом — Нилом. Известен миф об убийстве последнего Сетом, поисках его тела, плач над ним Исида, погребении его и воспитании ее сына Гора в болотах Дельты. Другой миф представляет ее премудрейшей из людей, богов и духов и рассказывает, как ей удалось перехитрить владыку Ра, выпытав у него его сокровенное имя (Pар. Turin. 131). Как в древнеегипетской литературе (например, Pар. Ebers), так и у классиков (например, у Галена), Исиде приписывалось изобретение различных медицинских средств, магических формул (отсюда ее эпитет «великая волшебством»), знание сокровенных вещей и т. п. Культ ее из Буто, потом Мендеса и Бузириса, благодаря илиопольской богословской системе, в которую она вошла, распространился по всему Египту, причем особенно привился в Мемфисе, Копте, где совершались мистерии (Pausan. X, 32), Филе, где был оракул ее, действовавший еще в V веке до н. э. Во время преобладания культа Осирисова цикла в позднейшие времена Египта с Исидой были сопоставлены женские божества других циклов и номов: Гатор, Баст, Мут, Нейт. Во время эллинистического синкретизма дело пошло еще дальше, сопоставив с Исидой Астарту и Димитру и другие соответствующие иностранные женские божества. Но скоро сделан был последний шаг и Исида стала почитаться за пределами Египта под своим именем. В Греции она имела храмы: в Тифорее Фокидской, Мегаре, Коринфе и др.; в Италию культ ее проник еще в III в. до н. э., но особенно привился во время империи, в эпоху увлечения восточными религиями. Безнравственность культа неоднократно вынуждала правительство на ограничение или даже совершенное запрещение его, тем не менее при Домициане он сделался не только дозволенным, но и поощряемым, так как император и многие его преемники приняли сан жрецов богини. В честь ее даже беспрепятственно совершалась процессия «*navigium Isidis*» — начало навигации (Lactant. Inst. I, II). Впрочем, в это время культ Икиды окончательно сделался выразителем пантеистических идей тогдашнего общества, на что указывают сохранившиеся гимны. Посвящены Исиде были: созвездие Сириус, дерево Персея и 4-й день из пяти вставочных, когда праздновалось ее рождение. Как богиня женского плодородия Исида изображалась в виде коровы, несущей между рогами солнечный диск. Этот же головной убор не забывался, если богиня изображалась в виде женщины, причем иногда к нему присоединялся иероглиф богини. В эпоху синкретизма нередко богиню изображали вроде азиатских женских божеств с грудями по всему телу. Сохранилась масса статуэток Икиды с младенцем Гором на руках.

¹ О с и р и с или Озирис — наиболее популярное египетское божество. Относящиеся к нему мифы записаны Плутархом в трактате «*De Iside*» и подтверждаются бесчисленными намеками в иероглифических текстах. Популярность Осириса объясняется главным образом его отношением к загробному миру и заупокойному культу. Сын зем-

Вторая часть формулировки состоит порой из одного слова, различного от текста к тексту, и похожа на имя. Но эта часть, предшествующая формулировке *ate*, порой довольно значительна и почти во всех текстах состоит из нескольких слов, среди которых мы видим *terikelewi* и *tdhelewi* с незначительными вариациями. Схема укороченной версии текстов следующая: А (имя усопшего), В *tdhelewi*, С *terikelewi*. Слова В и С варьируются от текста к тексту и поэтому, как и слово А, являются именами. Целиком же этот раздел надписи может предположительно значить: А, сын В и С. Половая идентификация родителей (В и С) может быть установлена по наличию буквы *r* на конце имени С, но отсутствию ее у В. Поскольку, исходя из известных нам имен, *r*, как представляется, стоит в окончании мужских имен, то В становится матерью, а С отцом усопшего. Таким

ли (Кеба) и неба (Нут), Осирис, по удалении своих родителей, царствовал над Египтом вместе со своей сестрой и супругой Исидой (Изидой), с которой он вступил в брак еще до рождения. Заметив, что их подданные, несмотря на продолжительные царствования предыдущих царей-богов, все еще оставались в глубоком варварстве, Осирис и Исида учили их земледелию и оседлой жизни, врачебному искусству, строили города, вводили браки, устанавливали культ. В этом им содействовал главным образом Тот — олицетворенная премудрость. Затем Осирис предпринял поход в Азию, для политических и, еще более, культурных завоеваний. После победоносного возвращения Осириса брат и противник его Сет принес на пир прекрасной работы сундук и обещал подарить его тому, на чей рост он придется. Таким образом удалось заключить в него Осириса и бросить ящик в Нил, который, через Танисское русло, выбросил его в Финикийский Библ; там выросшая эрика покрыла его своим стволом, а царь, срубив ее, сделал одной из опор крыши во дворце. Исида долго искала труп, наконец явилась в Библ, сделала сначала воспитательницей царевича, а потом открылась и выпросила себе ствол дерева с гробом Осириса, который и отнесла в Египет. Сет нашел его и разрубил на 14 частей. Исиде удалось собрать почти все, и на месте нахождения каждой она воздвигала гробницу; поэтому большинство египетских номов считали себя местом упокоения бога или одного из его членов. Это известие, вероятно, более позднего происхождения и образовалось для объяснения местных культов и преданий; весьма многие провинциальные боги-покровители были сопоставлены и отождествлены с Осирисом — например, «великий бог, предводитель западных» (то есть покойников) в Абидосе. Этот город и его Тинитский ном имели гербом находившийся у них реликварий с го-

образом, вся формулировка может быть прочтена как: А, рожденный В, возвращенный С (или очень близко к этому). Любопытной особенностью этих текстов является повторение во многих случаях слов *terikelewi* и *tdhelewi*, часто двойное, в нескольких случаях тройное, а один раз даже четверное. В случаях многократного употребления окончание *-ewi* обнаруживается только в последнем повторении слов, которые в других положениях заканчиваются на *-l*. Значение такого повторения не ясно. Гриффит считал, что многократное употребление этих слов было генеалогическим эквивалентом единичного выражения: «Можно сделать единственный вывод, что многократное удвоение сделано с целью подчеркнуть истинность происхождения». Хитце же придерживался мнения, что это имеет отношение к количеству браков родителей; таким образом, теоретически выражение «А,

ловой Осириса, с незапамятных времен привлекавший богомольцев; отсюда Манефон выводит начало египетской монархии. Уже в текстах пирамид, где миф Осириса и его цикла оказывается сложившимся, эта местность упоминается на каждом шагу. Сойдя в царство мертвых, Осирис сделался богом преисподней и загробным судьей, каковым он и выступает в Книге мертвых. Каждый покойник должен был записаться в число его последователей и даже принять его имя, которое сделалось в этом случае нарицательным («Осирис NN правогадый» — то же, что у нас «покойный NN»). Осирис является добрым началом (отсюда его эпитет «Уннофру» = Онуфрий = благой) и первым человеком; миф его объяснял происхождение зла и смерти, а также борьбу плодородия с пустыней. Отсюда сопоставление Осириса с Гани, богом Нила, а также введение его в круг солнечных божеств, то в виде вчерашнего солнца, временно побежденного мраком, то в виде ночного светила — луны, то, наконец, в виде верховного божества, особенно в позднейшие времена египетской культуры, когда его почитание сделалось всеобщим и стало оттеснять другие божества. В честь Осириса происходили во всех храмах мистерии в ноябре и конце декабря; особенно торжественно справлялись они в Филах, Дендере, Абидосе. Из животных Осирису были посвящены птица феникс и бык Апис; в форме Сераписа его культ перешел далеко за пределы Египта. Изображался Осирис в виде мумии, с различными головными уборами, с бичом и жезлом в руках. Во всех музеях масса его бронзовых статуэток; весьма часты его изображения, заимствованные из 125-й главы Книги мертвых и представляющие бога на троне, в виде загробного судьи. Как бог луны Осирис изображался иногда с ее диском на голове и назывался в таком случае «Осирис-Иах» (месяц).

В, *tdhel tdhelewi*, С *terikelewi*» означает, что покойный А был рожден во втором браке его матери и в первом браке отца.

Кроме этой единственной частично удачной попытки интерпретировать погребальные надписи, удалось понять еще лишь немногие слова, главным образом заимствования, такие, как *tewisti* — поклонение, *pelames* — генерал или командующий, *perite* — представитель, — все из них египетского происхождения. Значения многих мероитских слов были установлены по контексту, да и то зачастую предположительно: *ate* — вода, *wayeki* — звезда, *demi* — год, *mash* — солнце, *kdi* — женщина. Все имеют аналоги в нубийском языке, что и сделало возможным их интерпретацию.

Предпринимались попытки исследовать грамматические составляющие языка, но все они в высшей степени умозрительны. Прояснились лишь отдельные моменты; так, предположительно, в языке не существует категории рода, признаком множественного числа служит *eh* или *-h*, широко, как и в нубийском языке, применяются постпозиции¹. Этим на сегодняшний момент и ограничиваются наши знания, и представляется маловероят-

¹ П о с т п о з и ц и я (послелог) — явление, нередкое в разных неиндоевропейских языках и заключающееся в постановке разных частиц после основ или слов, с целью выражения тех или других побочных оттенков значения. В индоевропейских языках мы обыкновенно находим *препозицию*, то есть выражение подобных оттенков с помощью предлогов = *praepositiones*. В параллель к этим терминам, частицы, присоединяемые к концу основ или слов, называются иногда *послелогами* (*postpositiones*). Такие «послелоги» можно указать изредка и в индоевропейских языках. Кроме некоторых частиц, вроде союза лат. *que* = санскр. *ca*, греч. *fe*, индоевроп. *ke* и т. д., ставящихся после тех слов, к которым они относятся, примером индоевропейской постпозиции может служить иранский «послелог» *v* или *a*, сплотившийся с суффиксом местного падежа множественного числа — *su*: древнеперсид. *-uv-v*, *-|uv-v*, зенд. *-hv-v*, *-|v-v* или *-hv-a*, *-|v-a* (древнеперсид. *madai|uv-v* = «среди мидян», то есть «в Мидии»). Языкам русскому, болгарскому и румынскому свойственна постпозиция члена (болг. *страна та*, рус. *человек от*, *люди те*, рум. *Romanii* и т. д.), тогда как в германских и других романских языках он стоит впереди того слова, к которому относится: *das Land*, *the man*, *le pays*, *il padre*.

ным, что одним только анализом имеющихся текстов можно достичь большего. Пока не будет найден двуязычный текст одного содержания, скорее всего на египетском и мероитском, наиболее обещающим методом можно считать изучение живых языков, существующих в данном регионе и предположительно имеющих родство, пусть даже отдаленное, с мероитским. Собственно мероитский язык, можно сказать с уверенностью, является мертвым, но исходя из нашего знания африканских языков представляется маловероятным, что до нашего времени не дошло языков, имеющих родство с мероитским. Язык Древнего Египта также стал мертвым, за исключением ритуального использования во время служб в коптской церкви, но на многих родственных ему языках продолжают говорить в Африке.

Лингвистическая история этого региона содержит ряд проблем, среди которых самой насущной является происхождение нубийского языка. Известно, что нубийский был языком средневековых христианских государств Судана, но время его появления в долине Нила продолжает оставаться неясным. Первые сведения о нем мы получили из рукописей X в. н. э., но совершенно очевидно, что он был в употреблении задолго до этого периода. Имеются довольно убедительные гипотезы, что он был привнесен племенем ноба и вытеснил мероитский в начале IV в.

Мы ничего не знаем о разговорном языке домероитской эпохи, и вполне возможно, что во времена фараонов нубийский, а не мероитский был средством общения приречного населения. Нынешнее распространение различных диалектов нубийского языка вполне можно интерпретировать как происшедшее в результате распада лингвистического пространства нубийского языка, или

Весьма вероятно, что некоторые индоевропейские падежные суффиксы развились из подобных «послелогов», или постпозитивных частиц, так что в индоевропейском праязыке явление постпозиции было чаще, чем в современных отдельных индоевропейских языках.

придерживаться более распространенной точки зрения на арабский как на язык Запада, пришедший в эту речную долину с вторгшимися племенами ноба. Если эта гипотеза верна, то необходимо рассматривать мероитский как язык правящего класса; то, что такая ситуация вполне возможна, очевидно на примерах Африки наших дней, когда в различных ее частях правящие фамилии говорят на одном языке, а их подданные на другом.

Глава 6

РЕЛИГИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

Пока мы не сможем понять язык мероитов, источники для суждения о мероитской религии будут ограничены рельефами на стенах храмов и теми немногими сообщениями, которые оставили нам классические авторы. Информация, сообщаемая этими авторами, не очень способствует прояснению вопроса, поскольку они проявляли почти полное непонимание того, что верования других народов могут отличаться от их собственных, и зачастую пытались, как это делалось ими при описании египетской религии, просто отождествлять местных богов со своими собственными.

Изучение сонма божеств, изображенных на памятниках, приводит нас к пониманию того, что народ Мероэ позаимствовал значительную часть своих официальных религиозных понятий из Египта, а большинство богов этого народа и их изображения всегда очень похожи на соответствующих богов страны фараонов. Но были у них и свои собственные боги, аналогов которым у египтян не существовало, и по крайней мере один из них, Апедемак, стал самым значительным богом «острова Мероэ». У нас нет никаких сведений о местной религии Куша периода египетского захвата, но напатанские религиозные традиции представляются практически точной копией фиваидской религии позднего Нового царства с доминированием Амона, бывшего в той же мере государственным богом Напаты, в какой он был богом Египта. Храм в Джебель-Баркал был возведен для служения Амону и, как мы видели, ос-

тавался важным религиозным центром и долгое время после того, как политическое влияние Напаты сошло на нет.

Первые мероитские цари безусловно полагали преданность Амону в качестве главного элемента своего пребывания на троне, и по надписям времен Амани-нете-йерике, Харсиотефа и Настасена мы можем судить о почитании, которым он был окружен. Надписи эти сделаны на египетском языке, и в религиозных представлениях, которые раскрываются в них, перед нами предстает совершенная их адекватность египетским верованиям. Вполне возможно, что эта официальная религия, восходящая к религиозным представлениям времен начала египетского проникновения, замыкалась в кругу царской фамилии, царского двора и храмового жречества.

На рельефах храмов и часовен при пирамидах мы видим множество изображений богов, причем и здесь на всем протяжении мероитской истории представлены главным образом египетские боги. На рельефах часовен при пирамидах Мероэ, которые иногда достаточно далеко отстоят от египетских художественных традиций, изображены боги, опять-таки известные и представленные в современном им Египте.

Чтобы обнаружить собственно мероитские божества, мы должны обратиться к храмам, и в этом отношении особую значимость приобретает Львиный храм в Мусаварат-эс-Софре. Храм этот, как уже отмечалось, посвящен богу-льву Апедемаку, неизвестному в египетском пантеоне богов, но бывшему весьма почитаемым в Мероэ, хотя и, по всей видимости, незнакомому в северной части царства. Рельефы и надписи на стенах храма дают нам обширную информацию о мероитской религии в III в. до н. э. и заслуживают более пристального внимания. Обращаясь прежде всего к южной стене, мы видим царя с лицом, обращенным налево, и богиней Исидой, стоящей за ним; прямо перед царем изображена меньшая фигура принца в виде жреца Исиды в двух поселениях, названия которых часто встречаются в этих текстах и предположительно

идентифицируются как Мусавварат-эс-Софра и Вад-бен-Нага соответственно. Прямо перед царем стоит шеренга из шести богов, предводительствуемых Апедемаком; он держит в левой руке лук и стрелы и в ней же сжимает веревку, к которой привязан пленник. Вся его внешность, равно как и вооружение, однозначно предполагает, что перед нами изображен бог-воин величайшей значимости. Частые упоминания его в мероитских текстах вполне проясняют его роль, так что, как представляется, он наряду с Амоном был главным богом мероитов. Символом его был лев; это животное, которое должно было населять «остров Мероз» в больших количествах, ловили, вероятно, в младенческом возрасте и держали в Мусавварате, где оно играло какую-то роль в храмовых церемониях. Один из рельефов на стене этого храма изображает львенка, несомого в процессии, а другой — прирученного льва, сидящего на поводке с ошейником. После Апедемака следовал Амон, здесь он занимал второе место, поскольку данный храм был посвящен богу-льву, но все равно оставался могущественной и значимой фигурой. За ним по старшинству следовал другой бог в человеческом египтизированном виде, имя которого, больше нигде не известное, было Себевимекер; за ним шли Аренснүфис, Гор¹ и Тот². Пред-

¹ Г о р — древнеегипетское божество, сын Исиды, рожденный ею, по большинству сказаний, без участия Осириса, после его смерти, и усыновленный им.

² Т о т — древнеегипетский бог луны, времени, премудрости и культуры, первоначально ибис и предполагавшийся в нем благой и премудрый дух, возвещавший разлитие Нила и истреблявший вредных гадов. Почитался сначала в Ермополе, но уже со времени Древнего царства культ его распространился по всему Египту, и он включен в малую илинопольскую эннеаду или причислен к великой. Как бог ночного светила, считался «наместником Ра», когда тот ночью ходил по преисподней; как бог времени, был покровителем долголетия, престолонаследия и вообще наследства, богом мер и весов, правосудия и правды; как бог премудрости — изобретателем иероглифов, автором священных книг, магом, богом библиотек, присутственных мест, покровителем ученых и чиновников, учредителем финансов, словом — виновником и покровителем государственного и мирового порядка. Он был визирем у Осириса и Гора, когда те правили Египтом, был секретарем богов, возвестителем их воли и протоколистом Страшного суда.

ставляется, что почитание Аренснүфиса было ограничено пределами Нубии да еще, возможно, он был известен в Филах; таким образом, он мог быть по происхождению мероитским богом. Двое последних являются хорошо известными египетскими божествами. На северной стене храма имеется подобное же изображение царя и принца, перед которыми снова стоит шеренга богов. Отдельные участки этой стены были разрушены, поэтому точно определить фигуры божеств не представляется возможным, но во главе их стоит снова Апедемак, за ним — неизвестная богиня, бог и снова богиня, за ней следует бог Амон, изображенный на этот раз, как обычно, с головой овна, а за ним — богиня Сотис, Гор и Исида.

Особая значимость этого рельефа заключается в том, что надписи на нем сделаны на египетском языке, причем среди них есть молитвы богам или обращения к ним, что позволяет узнать нечто, касающееся отношения верующих к этим божествам. В молитве к Апедемаку говорится:

«Славься, Апедемак, властитель Наги; великий бог, властитель Мусавварат-эс-Софры; блистательный бог, главенствующий в Нубии! Лев юга, сильная рука. Великий бог, снисходящий к тому, кто взывает к нему. Тот, кто таит (?) тайну, скрытую в его существовании, кто не различим взглядом. Кто собрат мужчинам и женщинам, кому нет преград ни на небе, ни на земле. Кто дает пропитание всем людям и носит поэтому имя «Великий Бодрствующий». Тот, кто направляет свое горячее дыхание на своих врагов и носит поэтому имя «Великая Сила». Кто поражает своих врагов... Тот, кто карает всех, творящих преступление против него. Кто готовит место для того, кто отдает себя ему. Кто дает тому, кто взывает к нему. Властитель жизни, великий в величии своем».

Молитва эта имеет много аналогов в египетских религиозных текстах птолемеевской эпохи и демонстрирует, что Апедемак сам по себе был исключительно мероитским

богом, хотя те, кто составлял молитвы ему, были хорошо знакомы с египетскими религиозными ритуалами.

Первая часть надписи в честь Себевимекера, однако, не имеет никаких египетских параллелей и, поскольку этот бог известен нам только по данному региону, представляет особый интерес, раскрывая исключительно местное религиозное творчество. Этот бог говорит:

«Я даю тебе все, что нужно ночью, все, что происходит днем. Я даю тебе на радость годы под солнцем и месяцы под луной. Так говорит Себевимекер, властитель Мусавварат-эс-Софры, дающий жизнь подобно богу-солнцу во веки веков».

И в другом месте:

«Я даю тебе время жизни, бог солнца на небе, так говорит Себевимекер, великий бог во главе Нубии».

Об этом боге мы ничего не знаем, кроме того, что сообщают нам эти надписи, но, соотнося его с Апедемаком на задней стене Львиного храма, на стенах которого они изображены единственными из всего сонма богов, мы можем предположить, что он был одним из главных богов этого региона, хотя и не встречается больше ни в одном другом мероитском городе. По тому, что он заявляет сам о себе, он представляется богом-созидателем. Это косвенно подтверждается тем, что на этой стене храма фриз с изображением знака анкха, знака жизни, проходит ниже его ног, тогда как ниже ног Апедемака, бога войны, находятся изображения пленников, связанных по рукам и привязанных к боевым слонам.

Себевимекер известен нам только по Мусавварат-эс-Софре, но его более высокопоставленный коллега, бог-лев, знаком нам по находкам в нескольких других городах, из которых самым важным является Нага, где храм также посвящен ему. На его примечательном и уникальном изображении в Наге, на наружной поверхности задней стены, Апедемак представлен в виде единственного бога, принимающего поклонение от царственной фамилии. Он изображен только на южной плоскости двух

внешних поверхностей боковых стен, где, как и в Мусаварат-эс-Софре, он возглавляет шеренгу богов, к которым приближаются в молитвенных позах царь, царица и принц. За ним следуют Гор, Амон, Хонсу¹ и Хнум². На противоположной стороне также изображена царская фамилия, но на этот раз стоящей перед несколькими богинями — Исидой, Мут³, неизвестной богиней

¹ Х о н с у — египетский бог, почитавшийся в Фивах как сын Амона и Мут и божество луны. Последнее сблизило его с Тотом уже во время Среднего царства, когда он назывался иногда «писец правдивый». Впоследствии часто встречается сложное божество Хонсу-Тот. Иногда сопоставляется с другим божеством — сыном Шу; это дало повод для сближения его с греческим Гераклом. Различались две формы Хонсу: Ноферготеп («Прекрасный милостью») и Ар-сехру («Управитель»). Считался богом-целителем; до нас дошла сказка о чуде его статуи, якобы совершенном в Месопотамии над царской бесноватой дочерью (так называемая надпись о Бентрешт). В Фивах был большой храм Хонсу, между храмом Амона и Мут; его чтили и украшали Рамессиды, цари XXI и XXVI династий; от этого времени на стенах сохранились гимны в честь его. Изображался в виде человека с лунным серпом и диском на голове, а также с головой кобчика и с теми же лунными признаками.

² Х н у м («Соединитель», «Образователь») — египетское божество, почитавшееся преимущественно в Элефантине и Бенигассане и имевшее отношение к Нилу. Считался демиургом, создавшим людей из глины на гончарном кругу, сотворившим весь мир и даже самих богов. В преисподней он исцеляет члены умерших. Тексты величают его «творцом неба, земли, преисподней, воды, гор, сотворившим людей, создавшим богов, отцом в начале мира». Демиургом он был и для греков. По словам Плутарха, египтяне называют демиургом Кнефа. Он человекоподобен, цвет кожи — темный, в руках — скипетр, на голове — царское перо. Однако это описание не вполне точно; гораздо чаще (а в древности почти всегда) Хнум изображается с головой барана, впоследствии изредка — кобчика; на магических геммах гностиков часто попадаетея протянута змея с головой льва или кобчика. В Луксоре есть изображение, представляющее его творящим людей в лице духа царя Аменхотепа III.

³ М у т (собственно «мать») — богиня египетских Фив, второй член местной триады (Амон—Мут—Хонсу). Считалась матерью, супругой и дочерью Амона, «матерью своего создателя и дочерью своего сына» — выражение божественной предвечности. Именовалась «ладычицей неба», «царицей всех богов». Постоянный эпитет — «ладычица озера Ишру», по имени священного озера при ее храме, выстроенном Аменхотепом III к северо-востоку от главного карнакского храма и соединенном с ним аллеей сфинксов. Многочисленные гимны в честь Мут покрывали стены храма. Изображалась в виде женщины с короной и грифом — ее иероглифом — на голове.

выраженной африканской наружности (возможно, единственное изображение некоей местной богини), Хатор¹ и Сатис¹. Таким образом, здесь снова представлена портретная галерея египетских божеств, в которую включены также бог-лев и неизвестная богиня. Рядом со всеми этими божественными фигурами присутствуют краткие надписи мероитскими иероглифами, которые в ряде случаев можно прочесть как имя божества, но в остальном остаются непонятными.

На двух пилонах этого храма лев изображен помогающим царю и царице побеждать их врагов (рис. 33); на обращенной кнаружи поверхности пилонов Апедемак представлен в виде змея, появляющегося из цветка (рис. 34). На внутренней их поверхности имеется его обычное изображение — пронзающим врагов. Таким образом, все части храма несут свидетельства мощи бога-льва, который также был известен и в других частях «острова Мероэ» — в Львином храме в городе Мероэ, в Базе; тогда как Умм-Усуда, «мать львов», сохранила в своем имени память об этом властном боге.

Было высказано предположение, что Апедемак также считался воплощением солнца, что культ льва и культ солнца, в сущности, идентичны. Доказательств этому в изображениях собственно Апедемака нет, предположение основывается целиком на аналогиях с культом солнца в Сирии и Персии. Нет сомнения в том, что многие небольшие храмы в Мероэ — и не только на окраинах, представленные храмом Солнца в Мероэ и храмом в центральном комплексе Мусавварат-эс-Софры, но также и небольшие молельные помещения, или *cella*, с четырьмя колоннами — имеют тесные паралле-

¹ Х а т о р — в древнеегипетской мифологии и религии богиня неба и плодородия, любви и веселья. Изображалась в виде женщины с головой коровы. Считалась покровительницей женщин и детей. Центром культа Хатор был город Иунет (современная Дендера), где находился храм Хатор.

² С а т и с — египетская богиня, спутница бога Хнума; подобно ему, почиталась в водопадах.

ли с храмами Западной Азии, что может быть свидетельством влияния этого региона. Если эта точка зрения правильна, то бог-солнце, высеченный в скале Джебель-Квели, имеющий четкие признаки сирийского эллинистического стиля, может быть тем же самым богом в другой его ипостаси. Вне всякого сомнения, он изображен в виде бога военной победы, точно таким же образом, что и Апедемак.

Другим местным культом было обожествление слона, изображения которого часто встречаются в Мусавварат-эс-Софре. Мы не знаем здесь никаких рисунков, которые можно было бы интерпретировать как бога-слона, хотя некоторые архитектурные детали, напоминающие слонов, дают представление о том, что отдельные части комплекса были посвящены обрядам, предметом которых было это животное. В Вад-бен-Наге, однако, была найдена небольшая статуя божества в форме слона, и нет никаких сомнений, что слон, как и лев, считался богом.

Некоторое подтверждение мнения Геродота о культе Исиды и Осириса для погребальных целей может быть усмотрено в очень большом количестве столов для жертвоприношений во время погребения с мольбами к этим богам. Так как Осирис был традиционным египетским богом мертвых, а Исида его женой, факт этот можно считать еще одним моментом доминирования египетских понятий. На многих из столов изображены совершающие возлияния богиня Нефтис и бог Анубис, связанные с культом мертвых в Египте. Хотя форма этих столов для жертвоприношений и надписи на них меропитские, теологические понятия, воплощенные в них, являются египетскими.

Существование другого бога-солнца можно предположить исходя из распространения имени *Mesh* во многих погребальных текстах на больших северных кладбищах в Караноге и Шаблуле. Поскольку наше понимание этих текстов весьма невелико, это является не более чем

предметом предположений, но, тем не менее, предположений весьма интересных: мог существовать и некий местный культ, отпавлявшийся в пока еще не открытом археологами храме.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

Мероитские погребальные обычаи демонстрируют нам ту же самую смесь местных и египетских традиций, которую мы видим и во всех других аспектах этой культуры. Самые ранние царские погребения в Курру, датирующиеся периодом до возвышения Мероэ, являются продолжением традиции, в которой тело погребалось на ложе, как и на гораздо более раннем кладбище около 1800 г. до н. э. в Керме. Впоследствии этот обычай был несколько изменен, и тело мумифицировалось. Были также найдены керамические сосуды, в которые помещались внутренние органы покойного, а также полный набор египетских амулетов и *shawabtis*¹. К тому времени, как стало использоваться кладбище в Нури, обычай этот почти полностью сошел на нет, и лишь немногие из самых ранних погребений производились на ложе. Вместо этого вошла в обычай распространенная в Египте практика захоронений в каменном или деревянном гробу, сделавшая их неотличимыми от египетских погребений. Некоторые из них, вероятно, были чрезвычайно богатыми, поскольку даже в разграбленных захоронениях было найдено большое количество амулетов и *shawabtis*.

Кладбища в Мероэ много добавили к нашим знаниям о погребальных ритуалах. Самые ранние захоронения на Южном и Западном кладбищах, которые использо-

¹ *Shawabtis* представляют собой небольшие изображения мумифицированных тел, обычно сделанные из фаянса, которые в больших количествах помещались в египетские гробницы. Предполагалось, что они будут служить покойному в загробной жизни. (Примеч. авт.)

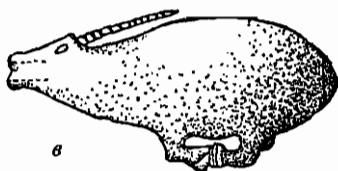
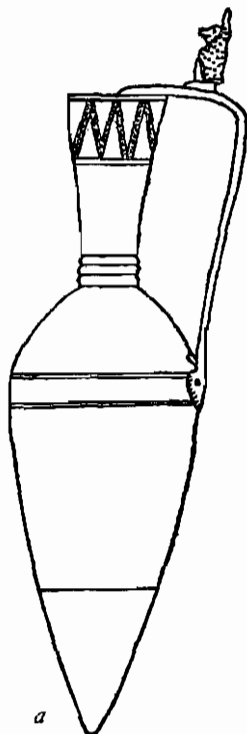
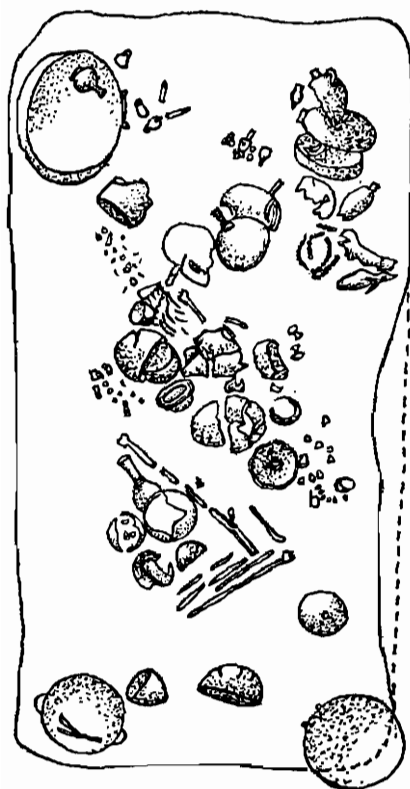

Рис. 51. Гробница № W.609 из Мероз и три отдельных предмета, найденных в ней на отмеченных местах; а — бронзовая ваза; б — глазированный стеатитовый скарабей; в — алебастровая ваза

вались еще до эпохи Аспелты, представляют особый интерес, поскольку на них мы можем наблюдать одновременное существование двух традиций. Здесь были обнаружены два совершенно различных типа захоронений. Первый, или местный, тип представляет собой прямоугольную могилу, в которую кладется немумифицированное тело, обычно на левом боку, на деревянное ложе, как и в самых ранних погребениях в Курру. Такого рода погребения содержат богатый набор оставляемых в могиле вещей того же типа, что и в Курру и ранних погребениях в Нури (рис. 51). Гробница № W.609 на Западном кладбище представляет собой хороший пример такого типа погребений; в ней содержится большое количество фаянсовых амулетов, а также бус, алебастровых чаш и сосудов из серебра и бронзы. Содержимое других захоронений куда беднее; они намного теснее и содержат мумифицированные тела, помещенные в деревянные гробы и часто запеленутые в покрывала с молитвами того типа, что хорошо известен по современным им египетским захоронениям. Гробница № W.571 хотя и отличается довольно богатым набором оставленных в ней вещей для гробниц подобного рода, является типичной в других отношениях (рис. 52). Одновременное наличие двух столь различных типов погребений весьма примечательно и позволяет сделать предположение о существовании двух отдельных сообществ людей, живших в Мероэ в то время. Весьма вероятно, что погребения на ложе являются захоронениями местной мероитской аристократии, в то время как погребения египетского типа в гробах принадлежат колонии египетских ремесленников и писцов.

Как и в Нури, погребения на ложе, как представляется, не осуществлялись на всем протяжении мероитской эпохи, и погребения в гробах становятся обычной практикой до ее конца. Множество захоронений было разграблено и повреждено, и лишь незначительное число их осталось целым. В частности, до наших дней уце-

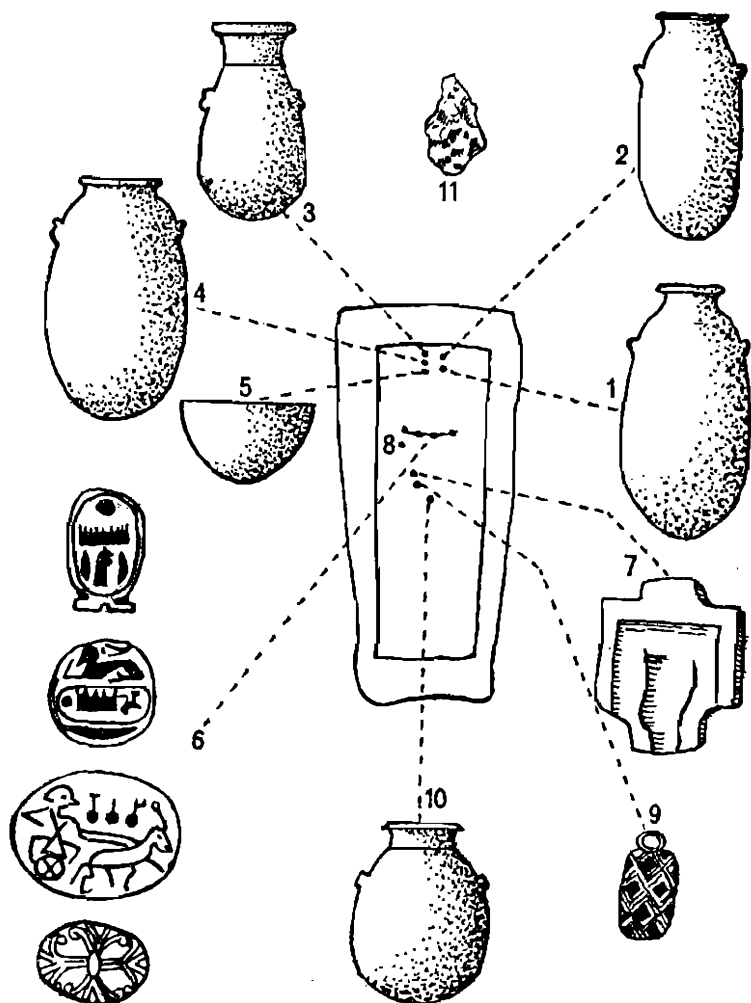

Рис. 52. Гробница № W.671 из Мероэ с отмеченным расположением обнаруженных в ней предметов: 1—5, 10 — алебастровые кувшины; 6 — четыре из десяти скарабеев или печатей в форме скарабеев; 7 — амулет из амазонита в виде жертвенной купели; 8 — остатки налобных бус; 9 — цилиндрическая подвеска из горного хрусталя, заключенного в золотой футляр; 11 — золотой самородок (найден лежащим отдельно)

дело очень мало от царских погребений на Северном кладбище, где цельные гробы или их фрагменты составляют лишь исключение. Два захоронения в пирамидах № 11 и № 12 содержат гробы; во многих других остались только каменные скамьи, на которых, как можно предположить, некогда покоились гробы. Видимо, многие из этих гробов были сделаны из дерева, но несомненно деревянные фрагменты их были найдены только в пирамидах № 15 и № 17, которые относятся ко II в. н. э. Можно было бы высказать предположение, что мумификация покойников имела место на всем протяжении мероитской эпохи, но все тела были так нещадно изуродованы грабителями, что нельзя с уверенностью сказать, сколь долго господствовал этот обычай.

До нас дошли многочисленные погребения, относящиеся к самому началу I в. н. э. В большинстве из них наряду с «основным» покойным, лежащим в гробу, были найдены и скелеты без гробов, лежащие на полу могилы. Все это весьма напоминает возврат к обычаю жертвенных погребений, как в Керме, где слуг покойного в ходе его погребения убивали, чтобы они сопутствовали своему хозяину и после смерти. В отдельных случаях в могилах были найдены также скелеты домашних животных.

Кладбище с могилами в курганах, находящееся к востоку от пирамид, в большей своей части относится уже к постмероитскому периоду; на нем снова встречаются погребения на ложе. Кладбище № 500 датируется мероитским периодом, но у нас нет никакой информации о характере захоронений на нем. По общему его описанию можно понять, что в гробницах погребались люди куда более бедные, чем на больших царских кладбищах. Предметы, оставленные в захоронениях, большей частью состоят из гончарных изделий, лишь в немногих случаях встречаются подвески и столы для жертвоприношений.

Кладбища на севере дают больше информации о погребальных обычаях простого народа. Самые большие из них — в Караног и Фарасе. По ним можно судить о су-

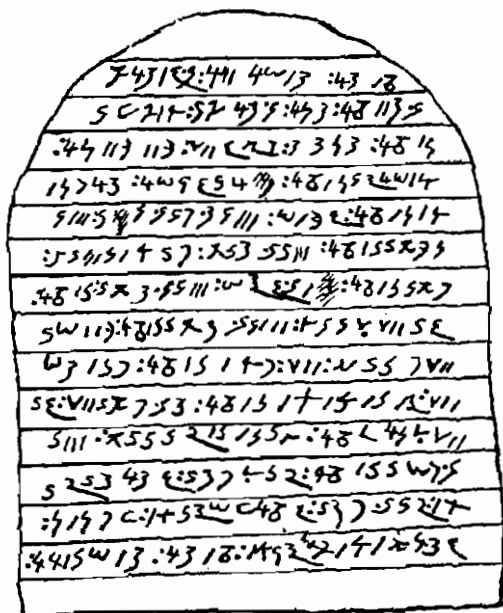

Рис. 53. Погребальная стела из Караного

ществовавших тогда погребальных обычаях, хотя имеются незначительные местные отличия. Тела покойных не мумифицировались, большинство из них было погребено без гробов, причем тело помещалось в могилу на спине, вытянутым во весь рост, в большинстве случаев обернутым в материя. В Караноге это был лен, тогда как в Мероэ в основном находят хлопковые ткани. В захоронениях оставлялось некоторое количество погребальных даров, обычно это были гончарные изделия, хотя нередки и бронзовые сосуды, бусы и кольца. В нескольких могилах рядом с покойниками были положены луки и стрелы, никакого другого оружия в могилах найдено не было.

Перед входом в гробницу было принято ставить стол для жертвоприношений, обычно с надписью на нем, хотя имеются и вариации этого обычая (рис. 35, 36, 53, фото 37). В ряде случаев здесь же возводилась стела и любопытная фигура — получеловек-полуптица, которая в египетской религии символизировала человеческую душу. Большинство из этих культовых предметов было найдено опрокинутыми, так что редко можно было с уверенностью заключить, кому они принадлежали и где находились изначально, хотя, предположительно, они помещались в нишу в надземной части гробницы.

Этот по необходимости краткий обзор дает некоторое представление о погребальных обычаях, хотя и основан лишь на части находок, сделанных в царских погребениях юга и погребениях обычных жителей севера страны. Пока не будут проведены раскопки нецарских погребений в южных провинциях, у нас не будет полной картины мероитской практики погребений. Равным образом мы не сможем до той поры прийти к выводу, принадлежат ли погребения различных типов на северных кладбищах двум различным социальным группам. Однако разброс в богатстве оставленных в могилах предметов, как это было в Фарасе, говорит в пользу такого предположения.

Глава 7

ЛЮДИ СТРАНЫ И ИХ ЖИЗНЬ: МЕРОЭ И АФРИКА

Поскольку мы не знаем мероитский язык и не имеем столь же обширной информации о повседневной жизни, которую дают нам рисунки на стенах гробниц Древнего Египта, жизнь и общественные отношения в Мероэ в древности могут быть реконструированы только на основе изучения археологических материалов. Увы, раскопано очень мало мероитских поселений, и данных для обобщений накоплено совершенно недостаточно. Открытие дворцов, храмов и кладбищ дает довольно много художественной и исторической информации, но мало что сообщает нам о повседневной жизни людей, об их быте, способах возделывания земли, об их социальной организации; мы можем лишь догадываться обо всем этом по тем скудным обрывкам, что дошли до нас из глубин веков.

Хотя мы не знаем, как было организовано мероитское государство, как его цари и царицы осуществляли свое правление, мы все же можем сказать, что это было монархическое государство, где, как и в Египте, царь почитался как божество. О руководителях более низкого ранга, о придворных, о старшинах мы не знаем ничего. Царицы играли важную роль в жизни страны и порой осуществляли власть во всей ее полноте. Если (что представляется вероятным) наследство передавалось по материнской линии, они должны были выступать в роли передатчиков царской собственности и наследования трона. Не имея

письменных документов, мы все же располагаем определенными свидетельствами о том, что царская фамилия была матрилинеальной¹. В пользу такого вывода говорит и тот факт, что в христианском государстве Нубии, которое стало преемником Мероэ, господствовала та же самая система, а царицы-матери были окружены особым почтением. Преимущественное положение, которое предоставлялось царицам в мероитском храме (рельефы в часовнях наглядно свидетельствуют об этом), убеждает нас в том, что царицы в Мероэ обладали большой властью.

О той роли, которую играли в обществе жрецы и военачальники, мы можем только догадываться. По скудным сведениям писателей античности мы знаем, что жрецы пользовались значительным влиянием. Заметную часть поселений вроде Мусавварат-эс-Софры и Наги, вероятно, составляли те, кто участвовал в храмовых службах. Также можно предположить, что, как и в Египте, жречество владело значительной собственностью. По рельефам храма Солнца, на которых изображены сцены военных побед, можно судить о существовании военной организации и военачальниках. Но даже если мы и сможем в полной мере правильно интерпретировать эти сцены, они вряд ли много расскажут нам о том, как создавалась армия Мероэ, как она была организована и как управлялась. Еще меньше мы можем узнать о других социальных слоях населения и их положении.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК

Наружный облик народа Мероэ был предметом множества споров, но, пока не было проведено подробное изучение большого количества костного материала, не

¹ М а т р и л и н е а л ь н о с т ь — система, при которой права наследования или происхождение определяются по материнской, а не по отцовской линии.

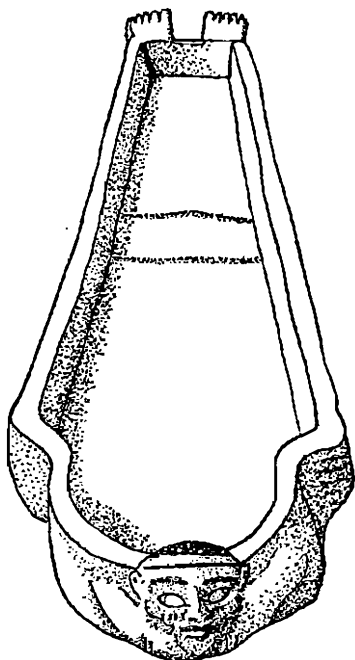

Рис. 54. Керамический гроб из Аргиша

было возможности говорить о нем с какой-либо определенностью. Многочисленные изображения царских персон тоже не помогали прояснить картину, хотя в некоторых случаях четко прослеживались африканские черты. Прежние представления о том, что предки кушитской царской фамилии были ливийцами, еще не были в значительной мере отвергнуты в пользу точки зрения об их местном напатанском происхождении, но мы слишком мало знаем о местном населении Куша того времени, чтобы с полным основанием судить об этническом составе царской фамилии. На стеле ассирийского царя Ассаргадона¹ в Синджирли Тахарка изображен в облике негра. Само по себе это не может быть определяющим доводом. Изображение вполне может представлять собой не портрет, а, скорее всего, лишь представление ассирийского художника о человеке с далекого юга. В материалах о раскопках в Караноге сообщалось, что большинство найденных скелетов принадлежало людям негроидной расы. Однако эти заключения не основываются на точной антропологической экспертизе, и к ним следует относиться с определенной долей сомнения. Мое личное изучение найденных при раскопках в Нубии тел, черты которых в ряде случаев неплохо

¹ А с с а р г а д о н — царь Ассирии в 681—669 гг. до н. э.

сохранились, позволяет предположить, что их физический тип был почти тем же самым, что и у современных нубийцев. Весьма мало скелетных останков из Мероэ подверглось исследованиям, но три черепа, найденных в гробнице царя Аманитенмемиде (гробница № 17), были подробно изучены. Один из них принадлежал к средиземноморскому типу, тогда как два других имели неявно выраженные признаки негроидной расы. Нубия, наряду с самыми северными провинциями Судана, населена в наше время преимущественно коричневокожими людьми с «орлиными» чертами лица, имеющими в различной степени примесь негритянской крови, и нет никаких оснований полагать, что в античные времена население так уж отличалось от нынешнего.

Стойкость культурных обычаев, идущих еще от времен античности, можно наблюдать на примере нанесения лицевых шрамов, до сих пор существующих в качестве украшения и племенного отличия в Судане, хотя и встречающихся ныне гораздо реже (фото 46). Подобное нанесение шрамов было в ходу в мероитскую эпоху. Мы видим их на щеке жертвы льва, изображенного на горшке из Фараса, и на человеческой голове из Аргина, запечатленной на весьма необычном гробе (рис. 54). Синие лицевые татуировки можно различить и на некоторых телах из мероитских кладбищ Нубии, что могло быть обычной практикой в том регионе. Женщины в качестве красок для век использовали сурьму, что до сих пор в обычае во многих частях Африки и Ближнего Востока. При раскопках были также найдены специальные сосуды, содержавшие измельченную сурьму, и палочки, которыми ее наносили на лицо. Вне всякого сомнения, в ходу были и другие средства косметики. Многочисленные находки стеклянных сосудов, служивших вместилищем для ароматических масел и мазей, свидетельствуют о том, что мероитские женщины, по крайней мере из зажиточных слоев общества, уделяли большое внимание своей внешности.

ЖИЛЫЕ ДОМА

Мы имеем весьма скудное представление о жилищах мероитов, поскольку было найдено очень мало остатков обычных домов. Строения царского квартала в Мероэ не могут считаться типичными для страны, большая часть народа которой жила так же, как живет и сейчас — в простых хижинах из высушенного на солнце саманного кирпича, крытых соломой. Рисунок на бронзовой чаше из Каранога являет нам крытую соломой хижину, которую можно считать типичной. Круглая в плане, очень похожая на те строения, которые во множестве можно видеть в Африке и в наши дни, она увенчана, вероятно, страусовым яйцом — символом счастья или плодovitо-

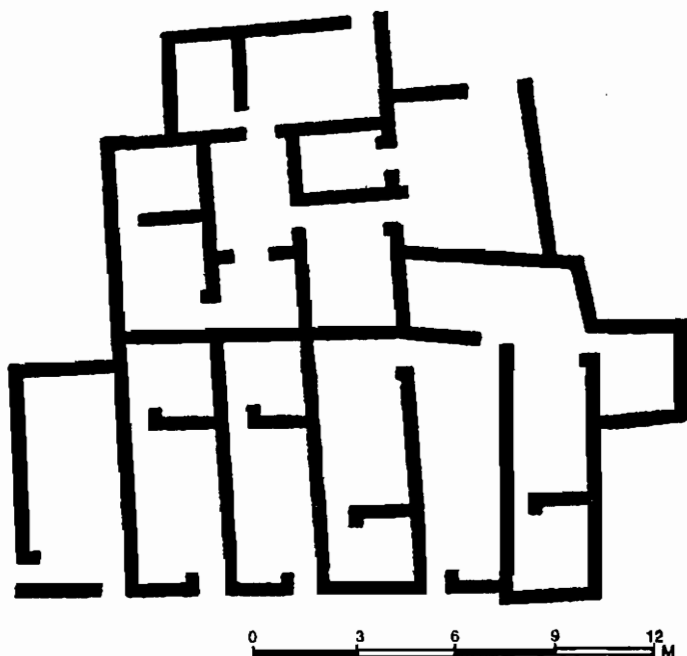

Рис. 55. План дома в Гаминарти

сти. Такой символ можно и поныне видеть на многих домах и хижинах в Восточной и Западной Африке.

Найдено весьма мало домов, построенных из кирпича. На рис. 55 представлен план одного из таких домов, стоявшего на острове Гаминarti у Второго порога. Дом этот был построен из высушенного на солнце саманного кирпича; его стены поднимались в высоту на шесть с лишним футов. Одной из особенностей этого дома, повторенной в других подобных строениях, является устройство из двух комнат, меньшая из которых как бы встраивается в большую. Кухонная посуда и очаг всегда располагались в главной комнате, которая также использовалась в качестве жилого и спального помещения, тогда как меньшая, как представляется, являлась кладовой. Такие дома предположительно служили жилыми помещениями для небольшого рода или многочисленной разветвленной семьи, причем каждый комплекс из двух комнат образовывал жилой отсек в составе всего здания.

МЕБЕЛЬ

Мало что сохранилось и от обстановки этих жилищ, хотя по присутствию в гробницах кроватей мы можем заключить, что они использовались также и в повседневном обиходе. Кровати того типа (они используются и поныне) известны под арабским названием *angareeb* и состоят из деревянной рамы с натянутой на нее веревкой или кожаным ремнем, образующими подобие матраса. Такой тип ложа издавна существует в долине Нила, самые древние экземпляры подобных кроватей были найдены в Керме и датируются первой половиной 2-го тысячелетия до н. э. От другой мебели почти ничего не сохранилось, но по настенным рельефам мы знаем, что, по крайней мере, цари восседали на креслах. В одной из гробниц Мероэ был найден складной стул, отделанный

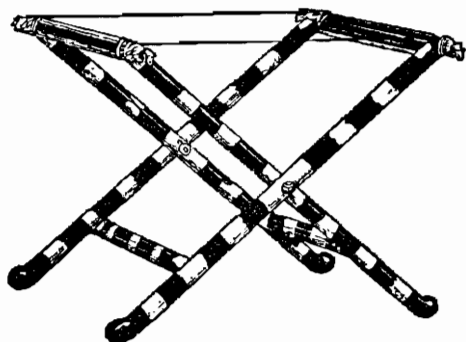

Рис. 56. Складной стул из гробницы № W.415 в Мероэ с бронзовыми деталями отделки и шпилькой, удерживающей ножки

серебром и бронзой. Известны также отдельные фрагменты подобных стульев.

Стоит упомянуть о найденных в могилах нескольких небольших шкатулках, сделанных из дерева и слонов кости. Нет полной уверенности в том, что эти шкатулки были сделаны мероитскими ремесленниками. Одна деревянная шкатулка, предназначенная для хранения нескольких стеклянных сосудов, могла быть привезена из Египта вместе с этими сосудами. Другая, хорошо сохранившаяся шкатулка, отделанная серебром, несомненно, была привозной. Подобная им шкатулка из захоронения № 30 с тщательно обработанными соединениями типа «ласточкин хвост» и овальная шкатулка из захоронения № 2 вполне могли быть сделаны местными мастерами.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Основной сферой деятельности народа Мероэ были различные формы сельского хозяйства. Мы знаем, что скотоводство и возделывание хлебных злаков играли важ-

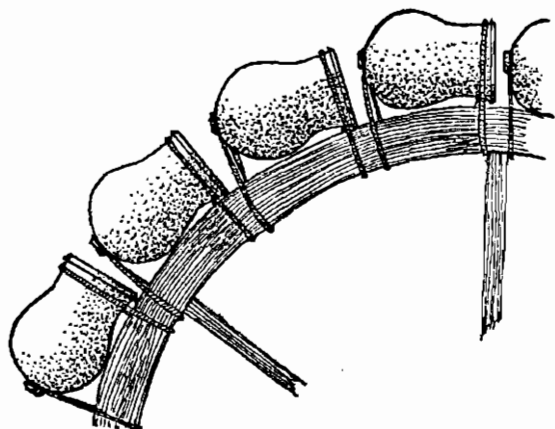

Рис. 57. Кувшины для воды, привязанные к ободу колеса saqia

ную роль в их жизни. Уже упоминавшаяся бронзовая чаша из Каранога доказывает существование скотоводства, сцены ухода за стадами изображены также на значительном количестве рельефов на стенах часовен. На чаше мы видим сцену кормления коров и их доения: изображенная на ней женщина, очень похожая на царицу с храмового рельефа, в сопровождении двух помощниц доит корову, затем молоко разливается из большого деревянного (?) чана в несколько сосудов, расставленных на земле перед ней. За спиной мужчины, разливающего молоко, видно стадо, и одна из коров, которую доят, изображена с колокольчиком на шее. Именно такие колокольчики были найдены при раскопках, и исходя из содержания этой сцены мы можем прийти к выводу, что они, как и ныне, надевались на шею одного животного из всего стада. О содержании и использовании других животных — коз и овец — мы имеем куда меньше свидетельств, хотя они тоже появляются на рельефах. Лошади использовались для верховой езды и запрягались в колесницы. Иногда коней хоронили в гробницах вместе с их владельцами. Правда, мы не нашли никаких свидетельств о степени привязанности к этим

животным во времена от правления Пианхи до правителей группы X, которые очень часто погребали коней вместе с их хозяевами. Слоны, возможно, использовались для ритуальных целей, о чем уже говорилось выше, в то время как верблюды, играющие весьма важную роль в этом регионе и сегодня, не были значительно распространены в долине Нила вплоть до начала христианской эры. Известно лишь одно мероитское изображение этого животного.

О продовольственных культурах в Мероэ мы знаем только то, что сообщили нам авторы античности. Страбон, например, особо упоминает просо, предположительно *sorghum vulgare*, которое под названием *dhurra* является основной зерновой культурой современного Судана. Представляется, что именно оно изображено на сцене в Джебель-Квели. Находка фрагментов материи, сделанной из хлопка, позволяет предположить, что это растение возделывалось в стране, а оставленные в некоторых гробницах веретена и ткацкие станки показывают, что ее жители занимались прядением и ткачеством. Внедрение обработки хлопка может быть еще одним примером индийского влияния на мероитскую цивилизацию. Небольшие фрагменты тканей, сделанных из льна, свидетельствуют о том, что в ходу были льняные одежды, хотя гораздо вероятнее, что они были привезены из Египта, а не произведены из выращенного здесь льна. Косвенным доказательством служит то, что подобные одежды чаще встречаются на северных кладбищах, чем на столичных.

Для выращивания сельскохозяйственных культур на «острове Мероэ» могло использоваться дождевое орошение. В более северных районах воду для полива приходилось забирать из реки либо с помощью *shaduf*а, примитивного устройства типа журавля, состоящего из емкости для воды на одном конце и длинного шеста с противовесом в виде куска глины на другом (использу-

ется в долине Нила с глубокой древности), либо посредством *saqia*, приводимого в действие волами водовзводного колеса, внедрение которого привнесло большие изменения в жизнь мероитского населения Нижней Нубии. Для подъема воды использовались особые кувшины, которые весьма просто опознаются по выступу на днище, за который они привязывались к колесу. Такие кувшины в большом количестве были обнаружены в прибрежных поселениях.

ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ

Возможно, город Мероэ в наше время лучше всего известен множеством холмов, сложенных из шлака — отходов металлургического производства древности. Холмы эти стали предметом различных суждений о значимости металлургии в мероитской экономике. Их присутствие рядом с городом дало основание высказать точку зрения, что знакомство с обработкой металлов распространялось по всей Африке именно из Мероэ. Шесть больших холмов шлака в пределах городской черты определенно обозначают районы, в которых выплавлялось железо, но ни один из них до сих пор подробно не исследован, как не было проведено и никаких исследований по изучению применяемой технологии. Представляется, что использовавшиеся способы плавки подобны тем, которые широко применяются в Африке и в наши дни. Руда плавилась в простых горнах на древесном угле, исходное сырье для которого всегда имелось в рощах акациевых деревьев, в изобилии растущих вдоль Нила. Сырье для выплавки железа также легко было найти в железорудных залежах, покрывавших песчаниковые холмы, тянущихся по северу Судана и во множестве возвышающихся на «острове Мероэ». То обстоятельство, что два основных исходных материала для

выплавки железа — руда и топливо — находились поблизости друг от друга, стало большой удачей для Мероэ. Производство этого металла обусловило длительные сроки могущества Мероэ и накопление в нем значительного богатства. Поскольку железо производилось в достаточных количествах, мероитские воины настолько же превосходили вооружением своих региональных противников, вооруженных только оружием из камня и лишь изредка из меди, насколько превосходили своих противников ассирийцы, когда они впервые вторглись в Египет в VII в. до н. э. Хотя железо в некоторых количествах и появилось в долине Нила при ассирийцах, оно не было быстро и с готовностью воспринято египтянами, и технология производства этого металла распространялась далее на юг довольно медленно. Еще в середине V в. до н. э. Геродот, говоря об эфиопских солдатах армии Ксеркса, сообщает, что они не имели на вооружении наконечников стрел из железа.

Представляется вероятным, что первыми, кто распространил железное оружие вплоть до Напаты, были греческие и карийские¹ солдаты-наемники Псамметиха II. Но этот новый материал использовался весьма ограниченно, и лишь незначительное количество изделий из железа было найдено ранее времени правления Харсиотефа в начале IV в. до н. э. Железные модели орудий труда были найдены в основании царской пирамиды, и с этого времени металл начинает использоваться во все возрастающих количествах.

Первые изделия из железа были наверняка привозными, и нам не известно, когда была освоена технология его выплавки, но, весьма вероятно, что к середине I в. до н. э. эта техника уже использовалась в Мероэ, равно как и в других местах. С началом эпохи христианства металл становится гораздо более употребительным, хотя, как представляется, камень и бронза (или медь) продолжают использоваться для производства инструментов и

оружия. Железо начинает появляться как преобладающий материал только в захоронениях позднего мероитского или даже постмероитского периода. Народ X стал использовать железо во все возрастающих количествах, и весь регион полностью вступил в железный век только после упадка Мероэ.

ИНСТРУМЕНТЫ И ОРУЖИЕ

Освоение искусства выплавки и обработки металла внесло определенные перемены в природу и количество инструментов и оружия, доступного мероитам. Однако, поскольку его проникновение в быт происходило медленно, бронза продолжала оставаться в обиходе еще в течение долгого периода — все орудия труда, найденные в ранних погребениях, сделаны именно из этого традиционного материала. Источники получения мероитской бронзы нам неизвестны, доступных залежей медной руды поблизости нет. Вполне возможно, что многие бронзовые предметы были сделаны в Египте. Возможно также, что слитки металла были привезены в Мероэ торговцами, потом уже обрабатывались местными мастерами.

В ходе раскопок были найдены многочисленные бронзовые артефакты, так что теперь нам известны не только такие инструменты, как тесла, лезвия мотыг, топоры, стамески, но и множество более мелких — щипчики, небольшие металлические стержни для нанесения сурьмы на веки и т. п. Найдены были и более крупные металлические предметы, хотя они встречаются гораздо реже, что может объясняться частично быстрым ржавлением металла, особенно если он подвергается

Рис. 58. Металлический стержень для сурмления век

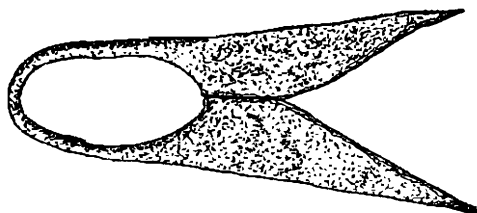

Рис. 59. Железные ножницы

ся воздействию влаги. Среди находок нередки лезвия мотыг и тяпок — основных орудий труда в сельском хозяйстве, — а также тесла, широко применявшиеся при деревообработке, топоры, ножницы и щипцы (рис. 59).

Оружие в захоронениях встречается гораздо чаще, чем обыденные орудия ремесла или полеводства, поскольку являлось предметом особого престижа. В ходу были мечи и копья, но основным оружием мероитских воинов, как представляется, были луки и стрелы; наконечники стрел найдены в изобилии, мечи же известны только по изображениям на скульптурных рельефах, да и то относительно редких. Самое интересное изображение меча обнаружено в храме Солнца в Мероэ. Здесь же найдено изображение ножен, висящих на перевязи через плечо, как это и поныне носят члены племени бейджа, живущие на нагорье вдоль Красного моря. Было высказано предположение, что это оружие является предшественником мечей, ныне используемых кочевыми племенами туарегов¹ Централь-

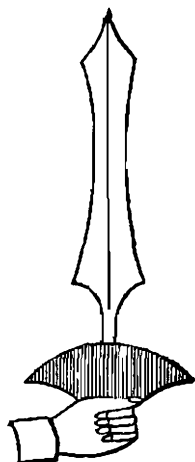

Рис. 60. Меч, который держит в руке царь Нетекамани

¹ Ту а р е г и (самоназвание — имошаг) — народ, живущий в Нигере, Мали, Верхней Вольте и пустынных районах Алжира, куда был вытеснен в эпоху арабских завоеваний из более северных областей Африки. Общая численность около 1 миллиона человек (1973 г., оценка). Язык относится к берберским языкам. По религии туарегии — мусульмане-сунниты.

Рис. 61. Железные наконечники копий из Мероэ

ной Сахары. На стене Львиного храма в Наге царь Шеркарер изображен в полном облачении мероитского воина; на перевязи через плечо он несет меч в ножнах, как и на рельефе храма Солнца, в левой руке он сжимает копье, лук и три стрелы.

Топоры использовались в качестве оружия, равно как и в мирных целях, что следует из изображения царских персон в Мероэ и Наге, где они представлены держащими в руках топоры. Тип этих топоров довольно своеобразен; ни один из найденных фрагментов не соответствует ему, будучи ближе к типу инструмента, чем оружия. Копья были более распространенным оружием, чем топоры, о чем свидетельствует множество найденных железных наконечников копий. На сохранившихся рельефах можно видеть многочисленные их варианты.

Находки стрел чрезвычайно редки, поскольку они были сделаны из непрочных материалов. Но на то, что стрелы были в ходу, указывает наличие их в руках царственных особ на рельефах, а также частые находки наконечников стрел. В нескольких случаях были найдены

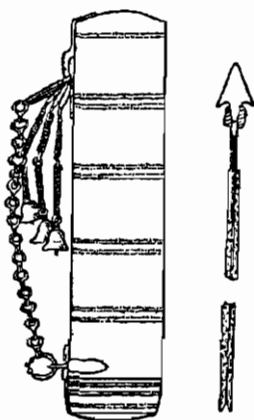

Рис. 62. Бронзовый колчан и стрела из гробницы № W.122 в Мероэ; стрела имеет железный наконечник и крепежное кольцо, а древко из твердой древесины заключено в тростниковую оболочку

пучки стрел в колчанах, от которых остались только отдельные фрагменты. Колчаны обычно делались из кожи, поэтому, как правило, их находят в истлевшем состоянии. Лишь однажды был найден весьма примечательный экземпляр, сделанный из бронзы и содержащий семьдесят три стрелы. Древки этих стрел были сделаны из дерева и тростника, наконечники — из железа. Обесцвечивание наконечников стрел и тщательность, с которой они были уложены в металлический колчан, позволяют предположить, что его хозяин использовал отравленные стрелы. Большинство найденных наконечников стрел сделаны из железа, но открытие нескольких наконечников, сделанных из сердолика, подтверждает сообщение Геродота о каменных наконечниках. Некоторые из них были найдены на месте города Мероэ, другие — в могилах.

Рис. 63. Железный наконечник стрелы

Железные наконечники стрел демонстрируют большое разнообразие форм; все они заострены, но бывают как ровными, так и с шипами. Примечательной особенностью яв-

ляется находка нескольких наконечников в форме гарпуна с одним-единственным шипом. Теперь уже невозможно сказать, менялась ли форма наконечников с течением времени, но подобная форма с единственным шипом преобладает в позднейших захоронениях.

МЕРОЭ И АФРИКА

Долгое время остававшаяся самой мало изученной из всех античных цивилизаций Африки и долины Нила, Мероэ ныне занимает по праву принадлежащее ей место в истории человеческого развития. Возобновление активного интереса к этому периоду определяется в значительной степени развитием исторического изучения Африки, а также точкой зрения многих авторов, что именно Мероэ внесло значительный вклад в становление на африканском континенте цивилизации и государственности.

Было высказано предположение, что с падением мероитского могущества в IV в. н. э. царская фамилия переселилась на запад континента, унеся с собой специальные знания и технологии, а также основополагающие концепции государственности, которые затем распространились по континенту. Это интересная и привлекательная гипотеза в настоящее время обнаруживает недостаток доводов археологического характера, поскольку никаких мероитских находок к западу от Нила до сих пор не обнаружено.

Устные предания племени дафур, живущего на западе Судана, в которых упоминается об этом переселении, следует воспринимать весьма осторожно из-за громадного промежутка времени. Также с осторожностью следует относиться и к утверждениям, что слово «куш» сохранилось в имени племени кадждиди, народа, живущего в окрестностях Джебель-Мейдоба, и других племен, имеющих в своем названии элемент «кадж». Находки

черепков нубийской керамики на западе региона, а также распространение строений из красного кирпича от Нила до Борну в западной Нигерии указывают на большую вероятность предположения, что любые нильские влияния в Западной Африке происходили в более поздние времена и были результатом миграции к западу населения христианизированной Нубии под давлением вторгнувшихся арабов начиная с XII в. н. э. Устойчивые легенды об их нильском происхождении, бытующие среди многих племен региона Чада и северной Нигерии, если они и имеют какую-либо подлинную основу, скорее всего, базируются на воспоминаниях о влияниях, пришедших из христианской Нубии, чем из Мероэ.

В Африке, к западу и югу от долины Нила, также существует много местных верований, схожих с верой и обрядами Древнего Египта. Их, наряду с предметами, имеющими мнимое сходство с египетскими аналогами, часто считают пришедшими из Мероэ.

Такие характерные «египетские» черты могли быть восприняты и усвоены гораздо раньше, поскольку контакты Древнего Египта с Африкой за пределами его южных границ имели место еще в незапамятные времена Древнего царства. Нет, однако, никаких доказательств того, что они шли из Египта в Африку, и никак не наоборот. Исследователи усматривали множество свидетельств таких контактов между древними египтянами и африканцами в схожести их искусства и придворных ритуалов, но надо быть убежденным приверженцем теории диффузии из Египта, чтобы усмотреть в этих предположительных аналогиях следы культуры страны фараонов и мероитской культуры. Тем не менее, остаются предметы, которые несомненно принадлежат египетской культуре, — из наиболее известных можно назвать подголовные опоры, музыкальные инструменты и опахала из страусовых перьев, и вполне возможно, что мода на такие предметы распространилась именно из Мероэ. Следует заметить, что эти принадлежавшие египетской культуре предметы далеко не иден-

тичны тем, какие были распространены в Мероэ. К тому же ни один предмет достоверно мероитского происхождения не был найден к западу от Нила. До тех пор, пока не будет найдено конкретных свидетельств, подобные идеи будут оставаться только гипотезами.

С несколько большей уверенностью мы можем рассматривать Мероэ как центр распространения техники металлообработки, но даже и это остается всего лишь предположением. Существование долгой и искусной традиции метода «*cire perdue*»¹ в процессе бронзового литья среди народов йоруба и бини в Нигерии общепризнано, но вопрос о том, откуда они получили знание этого метода, еще даже не поставлен. Возможно, что этот метод был изобретен ими самостоятельно, но сложность процесса говорит скорее все же в пользу того, что он был заимствован извне. Если это так, то долина Нила является самым вероятным претендентом на звание источника, из которого он был получен. К сожалению, хронология лесных культур Западной Африки по большей своей части остается неизвестной, поэтому и не представляется возможным полагать, что процесс литья бронзы был привнесен извне ранее XIV или XV вв. н. э. Таким образом, мы видим весьма долгий промежуток времени между датой заката Мероэ и началом обработки металла в Ифе² и Бенине.

Техника обработки железа распространилась более широко. Появление железа в африканском регионе, примы-

¹ *Cire perdue* (фр.) — метод литья по выплавляемым моделям. Литье по выплавляемым моделям, способ получения фасонных отливок из металлических сплавов в неразъемной, горячей и негазотворной оболочковой форме, рабочая полость которой образована удалением литейной модели выжиганием, выплавлением или растворением.

При этом способе литья в пресс-формы (обычно металлические) запрессовывают модельный состав, который после затвердевания образует модели деталей и литниковой системы. Модельный состав удаляют, чаще всего выплавляя его в горячей воде (отсюда и название способа — литье по выплавляемым моделям). Полученные оболочки прокаливают при температуре 800—1000 °С и заливают металлом.

² И ф е — город на юго-западе Нигерии.

кающем к пустыне Сахаре, стало событием очень большого значения для развития континента и вызвало разительные изменения в образе жизни, в социальной и политической организации общества. Большая часть Африки перешла прямо от экономики, преимущественно использующей инструменты каменного века, к экономике, основанной на использовании железа, пусть даже внедрение этого металла было постепенным, а каменные орудия труда еще долго использовались наряду со своими железными аналогами. Кто научил эти народы технике выплавки металла и его обработки — до сих пор еще не установлено. Таким образом, убедительные подтверждения источника этих знаний, маршрутов их появления и даты такого появления стали бы чрезвычайно важными для понимания этого переломного периода в истории континента.

Последние работы археологов открыли для нас существование древних сообществ людей, использовавших в своей жизни железо. Их поселения, в частности в Центральной Африке, относятся, по датировке радиоуглеродным методом, ко времени от VI до XIV в. н. э. Более тщательное изучение этих сообществ позволяет прийти к выводу, что обработка железа появилась в этом регионе во второй половине I-го тысячелетия н. э. По другим регионам континента у нас нет столь четких данных, хотя существуют предположения, что знание металлообработки распространилось здесь примерно в то же самое время и несколько позже в покрытых лесом территориях побережья Гвинеи.

Мероз представляется несомненным центром, из которого распространилась эта новая технология, однако оно вполне могло быть не единственным таким центром. Отдельные регионы Западной Африки, например, могли получить знание этих новых материалов посредством караванных путей Сахары. Что же касается Центральной и Восточной Африки, то нет никакого другого очевидного места, откуда эти регионы могли бы получить знания об обработке железа. Даты его появления здесь вполне соот-

ветствуют теории о медленном распространении таких знаний на юг от Нила в течение первых веков нашей эры.

Истинная значимость Мероэ для истории Африки отнюдь не сводится к ее предполагаемой роли как источника новых технологий и идей. Мероэ вполне могло быть вдохновителем тех значительных перемен, которые повлекла за собой обработка железа. Использование железа позволило дать сильный импульс развитию сельского хозяйства благодаря применению железных мотыг, повлекшему за собой увеличение производительности и тем самым самого населения. Появление железного оружия сделало возможным укрепление централизованного руководства. Государства, которые сложились и развились в период Средневековья, в особенности в западном Судане (самое раннее из них, Гана, уже существовало к VIII в. н. э., а возможно, и раньше), вполне могли заимствовать принципы организации государственности в Мероэ. Своим возвышением они, совершенно определенно, обязаны тому превосходству, которое металл дал их армиям.

Дальнейшие исследования могут дать ответ на вопрос о том, в какой мере мероитская цивилизация повлияла на прогресс других регионов африканского континента. Уровень наших знаний об истории Мероэ имеет большое потенциальное значение для изучения соседних территорий.

Какой бы ни была роль Мероэ в распространении культуры и прогресса среди соседних государств, ее собственная история является значительным фактором существования древней Африки. Хотя многое и было заимствовано ею извне — и данная книга была попыткой показать некоторые составляющие такого процесса, — Мероэ была самобытной африканской цивилизацией, прочно покоящейся на африканской почве и созданной африканским населением. Это урбанистическое, развитое и образованное государство, располагавшееся глубоко в сердце африканского континента, просуществовало около тысячи лет, что само по себе представляет достижение выдающейся значимости.

ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИЯМ

1. Пирамида № 22 в Мероэ. Пирамида царя Нетекамани с развалинами часовни и пилонами при входе. Обратите внимание на небольшие блоки песчаника, из которых сложена пирамида.

2. Пирамиды Мероэ. Северная группа пирамид, вид с юга.

3. Храм Амона в Мероэ, вид с запада, во время раскопок 1910 г. На заднем плане видна центральная часть города. Человек на снимке стоит в Зале колонн, прямо перед помостом.

4. Легкое строение перед храмом Амона, вид от этого храма, во время раскопок 1910 г. Аллея гранитных овов, ведущая к храму.

5. Ступени, ведущие к святилищу храма Солнца в Мероэ. На стене слева видны остатки рельефа.

6. Святилище храма Солнца в Мероэ. Круглая площадка представляет собой часть плиточного покрытия, которым был вымощен пол храма.

7. Гипостильная галерея дворца в Вад-бен-Наге. Она находилась на южном фасаде дворца, на нее выходил главный вход. Шесть колонн, пять из которых видны, были сделаны из песчаника, стены дворца сложены из кирпича.

8. Нага. Львиный храм. На ближайшем пилоне — рельеф с изображением царицы Аманитаре, удерживающей правой рукой группу врагов, а в левой ее руке — меч, которым она поражает их. На боковой стене рельефы с изображением царской фамилии, стоящей перед процессией богов.

9. Кладовая во дворце в Вад-бен-Наге. В складированных здесь сосудах не хранилось ничего, поскольку многие из них стояли вверх дном.

10, 11. Рельефы на задней стене Львиного храма в Наге. Многоликий образ вооруженного бога-льва может объясняться индийскими влияниями. Царь Нетекамани и его супруга, царица Аманитаре, стоят перед богом, за спиной каждого из них стоит принц.

12. Бог-лев Апедемак с телом змеи, появляющийся из цветка лотоса, на северном пилоне Львиного храма, Нага. В этом изображении также просматривается индийское влияние. Левее видна царица Аманитаре с принцем.

13. Легкая постройка в Наге. В этом небольшом храме просматривается римское влияние, о чем свидетельствуют капители и закругленные арки, тогда как перемычка в центре чисто египетская. Смесь стилей характерна для строений римского периода в Египте.

14. Укрупненное изображение части легкой постройки в Наге, демонстрирующее как римские капители, так и фриз египетского стиля в виде кобр с солнечным диском и крылатым солнечным диском.

15. Вход в храм F в Наге. На храме имеется начертанное имя царицы Шанакадабеле, храм является древнейшим в Наге.

16. Гранитный овен, Нага. Подобные скульптуры овнов, священных животных бога Амона, характерны для мероитского периода и часто ставились в линию вдоль аллеи, ведущей ко входу в храм. Сравните с подобной скульптурой в Мероз на фото 4.

17. Мусавварат-эс-Софра. Вид на храм в центре главного комплекса. Этот храм заметно возвышается над другими строениями и намного моложе тех, что найдены под ним. Фотография сделана до последней расчистки и раскопки.

18. Мусавварат-эс-Софра. Колонны северной колоннады центрального храма после расчистки.

19. Мусавварат-эс-Софра, вход в Северо-восточный храм с колоссами по обе стороны дверного проема. Внутренние косяки дверного проема покрыты изображениями змея, аналогичного представленному на фото 12 из Наги. Между косяками и колоссами видны передние половины двух львов, выступающие из стены.

20. Мусавварат-эс-Софра. Завершение стены главного комплекса в виде слона. Этот уникальный образец скульптуры свидетельствует об особом значении слона в этом городе.

21. Частично разрушенная статуя из Мероэ, высеченная из песчаника с примесью магнетита. Эта статуя датируется примерно периодом правления Нетекамани и предположительно находилась у входа в один из храмов. Обломок статуи все еще находится там, где был найден.

22. Барабан колонны из Мусавварат-эс-Софры с изображениями ряда богов. Барельеф необычен, хотя в городе найдено несколько подобных изображений, которые имеют сходство с индийскими скульптурами.

23. Гранитный колосс, изображающий царя Нетекамани (?) в Хаг-Зуммар, остров Арго. Эта статуя и ей подобная разрушенная, лежащая рядом с ней, первоначально находились у входа в храм. Атрибутация с Нетекамани произведена исходя из стилистических соображений. Имеется много моментов, сходных со скульптурой эллинистического Египта, в частности венки из листьев вокруг короны. Ожерелье из крупных бус аналогично подобным на рельефах в Наге.

24. Колосс из песчаника, найденный в нижнем слое холма, известного как храм Исиды в Мероэ. Статуя эта, как и все предыдущие, стояла у входа в храм.

25. Алебастровая статуя из Мероэ. Эта статуя была найдена в купальне и представляет собой изображение мужчины, спокойно отдыхающего, как это принято в купальне. Видно эллинистическое влияние.

26, 27. Две алебастровые статуи из Мероэ. Они были найдены в углу строения № 295. Мужская фигура темно-красного цвета, тогда как женская — желтого. Подобная расцветка, должна отмечать половое различие, знакома по искусству Египта. Скульптуры в натуральную величину. Хартумский музей.

28. Голова римлянина, бронза. Почти наверняка представляет собой изображение императора Августа. Была найдена в Мероэ перед входом в храм № 292 в «кармане» чистого песка. Британский музей.

29, 30. Золотые статуэтки царицы, найденные в верхнем слое отвала неподалеку от храма в Баркале. Ориентировочно датируется концом I в. до н. э. Хартумский музей.

31. Декоративная тарелка из темно-красного сланца из Львиного храма в Мероэ. Два обломка представляют собой ча-

сти некогда единого целого, еще в античные времена тарелка была расколота на две части. Левая часть изображает царя Таньидамани, а правая — бога-льва Апедемака. Датируется концом II в. до н. э.

32. Стеатитовая стела из храма Амона, Мероэ. Слева изображен царь, стоящий перед богом с головой овна Амоном, справа — царица перед богиней Исидой. Хартумский музей.

33. Декоративная тарелка из песчанка, изображающая принца Ариханхарера, поражающего своих врагов. Возможно, сделана во II в. н. э. Уорчестерский музей изящных искусств, Уорчестер, Массачусетс.

34, 35. Бронзовая статуэтка царя (или бога?), увенчанного двойной короной Египта, с необычным венцом вокруг головы. Возможно, I в. н. э. Из храма Кавы. Хартумский музей.

36. Бронзовая голова богини (?) с картушем Арнехамани. Из Кавы, храм Т. Общая высота 17,5 см. Британский музей.

37. Голова Ба из песчаника, из Фараса, погребение № 5202. Ашмолеанский музей.

38. Одна из двух парных голов бога Диониса, греческая работа по бронзе, датируется эллинистическим периодом. Из Мероэ, пирамида № 5. Другая голова из пары находится в Бостоне. Наголовная лента инкрустирована серебром. Высота 12 см. Хартумский музей.

39—41. Расписная керамика с зооморфными изображениями. Фарас. Высота 8 и 7 см. Ашмолеанский музей.

42. Чаша, украшенная гравировкой и росписью. Фарас, погребение № 2710. Диаметр 14,2 см. Ашмолеанский музей.

43. Чаши. Две по бокам украшены росписью, средняя выполнена в технике, имитирующей римскую *terra sigillata*. Фарас. Высота центральной чаши 9 см. Ашмолеанский музей.

44, 45. Две расписные чаши с изображениями карикатурных человеческих фигур. Фарас, погребение № 701А и № 2055 соответственно. Высота чаши в центре 9 см. Ашмолеанский музей.

46. Расписная чаша с изображением льва, загрызающего человека. У жертвы на щеке три вертикальных шрама, подобные тем, что и сейчас можно увидеть в Судане. Фарас. Ашмолеанский музей.

47. Расписная чаша с головами бога-льва Апедемака и *uraei*. Фарас, погребение № 1090. Высота 12,5 см. Ашмолеанский музей.

48. Чаша из терракоты с ленточной росписью, изображающей лягушек, сидящих меж пучками травы. Фарас. Высота 25 см. Ашмолеанский музей.

49, 50. Две расписные терракотовые чаши, левая украшена изображениями человеческих лиц, правая — ленточным орнаментом. Фарас, захоронение № 974, 932. Высота 20 и 21 см соответственно. Ашмолеанский музей.

51. Кувшин с росписью под рыбную чешую на светло-коричневом фоне. Фарас, захоронение № 2912. Высота 18,5 см. Ашмолеанский музей.

52. Три чаши. Две внешние с росписью, центральная чаша — черная с полировкой, инкрустирована белым.

53. Две чаши с барботиновыми украшениями римского типа. Фарас, захоронения № 2718, 2099. Высота 9,5 см. Ашмолеанский музей.

54. Чаша с барботиновой отделкой. Мероэ. Хартумский музей.

55. Три чаши. Левая украшена барботиновой отделкой, центральная — с шахматной росписью вокруг ободка, правая — черная с красной инкрустацией.

56. Великолепно полированные черные чаши, две с белой инкрустацией. Фарас, Западный дворец. Высота центральной чаши 8,6 см. Ашмолеанский музей.

57. Черная полированная чаша с белой инкрустацией. Фарас. Ашмолеанский музей.

58. Большая «пивная» чаша, украшенная инкрустацией. Три инкрустированных декоративных блюда с излюбленным местным рисунком. Фарас. Ашмолеанский музей.

59. Большая черная чаша, украшенная инкрустацией. Фарас, захоронение № 2742А. Высота 26 см. Ашмолеанский музей.

60. Золотые украшения. Верхние шесть — серьги, четыре из которых представляют собой головы богини Хатор с розетками и подвесками. Двое нижних — браслеты из золота и сердоликовых бус, заключенных в золотую оправу. Мероэ, пирамида № W.5. Музей изящных искусств, Бостон, Массачусетс.

61. Золотые кольца. Большой частью на них выгравированы изображения египетских божеств, но центральное кольцо в верхнем ряду имеет греческую надпись Η ΧΑΡΙΣ, а левое в нижнем ряду украшено агатом с инталией (углубленной гра-

вировкой) богини Афины. Все находки на Западном кладбище Мероз. Музей изящных искусств, Бостон, Массачусетс.

62. Два золотых амулета, один в виде мухи, другой — раковины каури. Фарас, захоронение № 2782. Ашмолеанский музей.

63. Бусы из могилы № 1155 в Фарасе. Верхняя нить имеет подвеску из кварцевых бусин и двух мелких бусинок из стекла. Нижняя нить сделана из сердоликовых бусин с фаянсовыми амулетами между ними. Ашмолеанский музей.

64. Бронзовая чаша, украшенная изображениями корзин с фруктами. Мероз, могила № W.308. Высота 8 см. Хартумский музей.

65. Бронзовая чаша, украшенная *uraei* вокруг ободка и знаками *ankh* на корпусе. Фарас. Высота 9,5 см. Британский музей.

66. Бронзовая чаша с ножкой и ручками. Гемаи, кладбище 100, могила № E.99. Хартумский музей.

67. Бронзовый кубок, украшенный гравировкой из параллельных линий. Мероз, могила № W.308. Хартумский музей.

68. Бронзовая бутылка с отдельной крышкой. Фарас. Высота с крышкой 11,5 см. Ашмолеанский музей.

69. Бронзовая лампа с железной ножкой и бронзовым крючком, с защитной стойкой для пламени в виде листа аканта. Железная ножка является современной реставрацией. Мероз, гробница N.29 царя Такидеамани. Общая высота 23 см. Музей изящных искусств, Бостон, Массачусетс.

70. Бронзовая лампа с ручкой в виде фигуры кентавра. Мероз, гробница N.18. Общая высота 19 см. Хартумский музей.

71. Бронзовая лампа с изображениями слоновьих голов. Мероз, гробница № W.102. Хартумский музей.

72. Бронзовая лампа с ручкой в форме передней части лошади. Мероз, гробница N.18, Аманихаташан. Общая высота 22 см. Музей изящных искусств, Бостон, Массачусетс.

73. Бронзовая лампа. Фарас, могила № 151. Ашмолеанский музей.

74. Серебряная миска с двумя большими ручками, украшенная рельефом из волнистых линий. На ручках имеются знаки, возможно, инициалы владельца. Мероз, гробница N.18. Диаметр 22 см.

75, 76. Бронзовая крышка для зеркала. На внешней поверхности накладное украшение в виде женской головы, также из бронзы. На внутренней стороне гравировка, изображающая

Гарпократа на лотосе, окруженного мифологическими и другими животными, в восточном стиле. Фарас, могила № 2589 Ашмолеанский музей.

77. Подвесная бронзовая ваза в виде головы мальчика. Глаза инкрустированы серебром. Ручки оканчиваются петлями в виде утиных голов. II—III вв. н. э. Фарас, могила № 71. Общая высота 11,5 см. Хартумский музей.

78—81. Серебряный кубок, первоначально золоченый, украшенный рельефной сценой. Возможно, римская работа, примерно середины I в. н. э. Найден среди упавших блоков гробницы N.2 в Мероэ. Музей изящных искусств, Бостон, Массачусетс.

82. Сосуд для масла из зеленого выдувного стекла. Датируется примерно от середины III до середины IV в. н. э. Возможно, сделан в Египте. Фарас, могила № 1203. Высота 7,5 см. Хартумский музей.

83. Кубок литого стекла. Вероятно, сделан в Египте в I или II в. н. э. Фарас, могила № 2097. Высота 12 см. Ашмолеанский музей.

84. Выдувной сосуд для притираний коричневого и фиолетового цветов с золотыми нитями. Вероятно, сделан в Египте между 200-м и 400 гг. н. э. Мероэ, могила № 300. Высота 9,8 см. Хартумский музей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Глава 1.</i> Открытие Мероэ	8
<i>Глава 2.</i> Правители и их хронология	28
<i>Глава 3.</i> Города, храмы и кладбища	68
<i>Глава 4.</i> Искусство	110
<i>Глава 5.</i> Язык	149
<i>Глава 6.</i> Религия и погребальные обычаи	163
<i>Глава 7.</i> Люди страны и их жизнь: Мероэ и Африка	178
Подписи к фотографиям	198